
ЗНАНИЕ — СИЛА 11/1992
ISSN 0130–1640
„Knowledge is power“ (F. Bacon)
ЗНАНИЕ-СИЛА 11/92
Может быть, спросят: откуда же я могу знать? и чем докажу?
Не докажу ничем.
Даниил Андреев
ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1992, № 11, 1—144

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 11(785)
Издается с 1926 года

Дорогой читатель!

Этот номер (как и номер 9 прошлого года) отличается от обычных. Во-первых,— и это самое главное,— редакции хотелось дать возможность читателям познакомиться с кругом чтения, лежащего в русле журнала, но обычно не помещающегося в него. Выходит, что данный номер — что-то вроде приложения к журналу, но напечатанное прямо на его страницах. Мы надеемся, что со временем получим возможность делать такие приложения уже сверх основного, ежемесячного издания «Знание — сила».

Кроме того, увеличивая объем номера, редакция стремилась хоть отчасти возместить потери, понесенные подписчиками оттого, что номера 5—7 пришлось выпустить под одной обложкой.

Номер содержит публикации из разных сфер, относящихся к нашей обычной тематике, но они имеют и общую нить. Мы постарались в центр внимания читателя включить мысль о Судьбе. Стечение обстоятельств в сочетании с волей личности, или, если по-иному, человек на фоне глобальных, национальных и конкретных ситуаций — так рождаются судьбы и великих, и рядовых участников исторических событий. Номер начинается с рассказа о конкретных двух судьбах — людей, чья большая часть жизни прошла в эпоху тоталитаризма и была им изломана, но не до конца, и потому не оказалась зряшной. Далее мы пытаемся показать центральную фигуру христианства — Иисуса Христа, дать понять, как виделась его судьба землякам, до того как стать знамением совести и милосердия у миллионов людей.

Естественно видеть в этом контексте и лекцию о судьбе христианства Александра Меня, и отрывок из неопубликованного пока в России творения Даниила Андреева, и главу из книги К. Касьяновой о судьбе нации. Не покажется читателю излишней в книжке журнала и горькая заметка замечательного российского историка И. Дьяконова о судьбе родного языка в «эпоху войн и революций».

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
И. Г. Вирко
(зам. главного редактора)
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

На 1 и 4 стр. обложки вырезки работы А. Гусева

На 2-й стр. обложки композиция А. Грицкевича

© «Знание — сила», 1992 г.

...Нерожденная легенда — не легенда, а предупреждение — держит созерцающего в своем завороженном круге.

Даниил Андреев

Ловушка

М. Курячая

В 1948 году Олег Лаврентьев наконец-то догадался, как сделать водородную бомбу. И почти сразу же понял другое: энергию термоядерного синтеза можно использовать в промышленности. Быстро набросав схемы, он принялся за расчеты. Было ему в ту пору двадцать два года, а за плечами — семь классов средней школы, война, на которую Олег ушел добровольцем, и теперь — действительная служба на Сахалине. Из фронтового разведчика-наблюдателя он переквалифицировался в радиотелеграфиста и продолжил то, чему помешала война,— подготовку к научной работе. Еще в школе Олег узнал об атомной проблеме, и тогда же, как он напишет позже, у него возникла «голубая мечта работать в области ядерной энергетики».

О событиях тех лет и поныне ходят легенды. Правда, как водится, скрыта в них за глухими намеками и недомолвками, что, впрочем, неудивительно. Истинная роль Олега Александровича Лаврентьева в решении проблемы управляемого термоядерного синтеза была известна немногим.

И вот мы сидим в его кабинете, и я с отчаянием понимаю, что разговор наш явно не получается. Отвечает Лаврентьев односложно, а чаще вообще отмалчивается и отсылает меня к пухлой папке с бумагами: «Здесь уже все написано». Ничего не остается, как взять папку с собой и договориться о новой встрече.

Вернувшись к себе, я принялась за чтение. Передо мной лежала рукопись со скромным названием «К истории термоядерного синтеза в СССР», автор — О. А. Лаврентьев.

Схемы, технические описания, копии писем настраивали на научно-популярный лад. И вдруг... «Моя жизнь, смысл и значение моих первых работ по термоядерному синтезу подверглись уничижительным искажениям. Это — основная причина, побудившая меня взяться за перо...»

Когда я перевернула последнюю страницу, за окнами стояла глухая ночь. «Нет, так научно-популярные статьи не пишут»,— думала я, машинально складывая листочки в прежнюю аккуратную стопку. К старательно пронумерованным страницам больше всего подходило полузабытое слово — «жизнеописание». Необычное это было жизнеописание, такое же необычное, как и человек, которому оно принадлежало...

● К тому времени, когда Олег Лаврентьев подошел к идее устройства водородной бомбы, на его счету были предложение по ядерному реактору на быстрых нейтронах и изобретение по управляемым зенитным ракетам. Академия наук, куда он отправил первую работу, не ответила вообще. Министерство Вооруженных Сил прислало спустя восемь месяцев, бессмысленную отписку.

Олег трезво смотрел на жизнь, а потому разработал конкретный план действий: закончить среднюю школу, поступить в Московский государственный университет, а там уж добиваться встречи с ведущими учеными.

Правда, существующие законы не очень-то благоприятствовали задуманному. В 1948 году еще действовал строжайший приказ, запрещающий военнослужащим посещать вечернюю школу. Но Олегу везло на хороших людей. Замполит майор А. А. Щербаков понимал, что молодым надо продолжить образование, и сумел убедить в этом командира части подполковника П. И. Плотникова. В результате О. Лаврентьеву и еще двоим товарищам по службе разрешили учиться.

Распорядок дня уплотнился до предела. Но зато в мае 1949 года Олег уже держал в руках аттестат зрелости — за год он умудрился закончить восьмой, девятый и десятый классы почти на все пятерки. Впрочем, оценкам особенно удивляться не приходится. Что еще можно ожидать от человека, читающего офицерам лекции по техническим новинкам!

Эти лекции Олег Александрович до сих пор вспоминает с благодарностью. На их подготовку командование давало несколько дней. В его распоряжении были книги, журналы, учебники, а главное — возможность подумать. И надо же такому случиться, когда он размышлял над поиском новых цепных реакций, его попросили прочитать доклад по атомной проблеме. В тиши армейской библиотеки то, над чем Олег бился не один год, вдруг стало ясным и простым. Он наконец нашел вещество, способное сдетонировать под действием ядерного взрыва. (И не только сдетонировать, но и многократно усилить выделяющуюся энергию.) Цепь с элементами лития-6 и дейтерия замыкалась по нейтронам! Так возникла идея использовать дейтерид лития-6. Он набрасывал первую схему водородной бомбы, не подозревая, что спустя два года к подобной идее придут и американские ученые.

Участие дейтерия и трития в цепной реакции заставило его задуматься. Соединяясь, они образовывали гелий. Иными словами, протекала реакция синтеза. Но главное, что привлекало Лаврентьева, это энергия. Взаимодействие легких элементов шло с выделением колоссальной энергии. А что если использовать термоядерный синтез в промышленных целях?

Он долго ломал голову, как можно осуществить идею технически. Чтобы соединиться, ядра атомов должны преодолеть электростатическое отталкивание. Значит, необходимо сообщить им достаточную энергию. А для этого надо получить и стабильно поддерживать температуру в сотни миллионов градусов.

Здесь речь шла уже о плазме. Разумеется, ни один материал не выдержит такого нагрева. Выходит, между стенками сосуда и самой плазмой должно быть еще что-то. Может, вдувать туда дейтерий?

И в самом первом варианте Лаврентьев попытался создать перепад температур в потоке движущегося газа. Думая над задачей довольно долго, он не пришел к конкретному результату. Зато возникли иные варианты,— например, накапливать заряженные частицы на равновесной орбите циклотрона. Но как добиться, чтобы частицы не только находились на нужной орбите, но еще и взаимодействовали между собой? Тогда и родилась идея встречных пучков. А с нею новая проблема — как сделать, чтобы частицы не разбегались, а многократно проходили через зону реакции?

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«Это и был кульминационный пункт моих поисков, давший мне ключ к решению проблемы управляемого термоядерного синтеза. Я понял, что для осуществления теплоизоляции надо вещество, находящееся при сверхвысоких температурах в состоянии полностью ионизированного газа (плазму.— М. К.), окружить слоем поля».

Поле! Вот главное! Он нашел наконец, как можно подчинить плазму.

Для первого варианта Олег выбрал электрическое поле. Электростатический реактор для осуществления управляемого термоядерного синтеза он задумал выполнить в виде многоэлектродной системы сферических концентрических сеток. Позже появилась мысль о замене внутренней сетки полем самих ионов. Короче, началась серьезная работа. Теперь все свободное время он посвящал новой идее.

Разумеется, никаких послаблений ни по службе, ни в школе ему никто не делал. Но уже наступил май, а в июле ожидалась демобилизация. Олег готовил документы в приемную комиссию МГУ. И вдруг... ему присвоили звание младшего сержанта и оставили в армии еще на один год.

● Что же, Лаврентьев по-прежнему трезво относился к жизни. На сержантской

должности он стал получать денежное довольствие, а это было очень кстати. Олег затребовал через «Посылторг» нужные книги, подписался на «Успехи физических наук» и продолжил подготовку.

По математике он освоил дифференциальное и интегральное исчисление, по физике — общий курс университетской программы, по химии — двухтомник Некрасова и учебник для университетов Глинки.

Казалось, все шло хорошо, но политическая обстановка того времени была на редкость неспокойной. Выступления президента США Гарри Трумэна, создание блока НАТО наши газеты трактовали совершенно однозначно — «действия, направленные против СССР и других социалистических стран». Олег, не забывший ту войну, относился к сообщениям очень серьезно. Он воспринимал происходящее как новую угрозу мирной жизни и очень беспокоился за свою страну. Между тем Трумэн призвал ученых США к быстрейшему завершению работ над водородной бомбой. «Атомный шантаж»,— комментировала наша печать.

И тогда Лаврентьев не выдержал. Письмо Сталину получилось коротким, всего несколько строчек. Олег писал, что ему известен секрет водородной бомбы. На дворе стоял январь 1950 года.

Прошел месяц, другой. Ответа не было.

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«А я знал, как сделать водородную бомбу, был уверен, что придуманное мной устройство обязательно взорвется. ⟨...⟩

Прождав безрезультатно несколько месяцев, я написал письмо такого же содержания (как Сталину.— *М. К.*) *в ЦК ВКП(б) — что знаю секрет водородной бомбы. Реакция на это письмо была быстрой. Как только оно дошло до адресата, из Москвы позвонили в Сахалинский обком, и ко мне из Южно-Сахалинска приехал подполковник инженерной службы Юрганов. Насколько я понял, его задачей было убедиться, являюсь ли я нормальным человеком с нормальной психикой. Я поговорил с ним на общие темы, не раскрывая конкретных секретов, и он уехал удовлетворенный.*

А через несколько дней командование части получило предписание создать мне условия для работы. Мне выделили в штабе части охраняемую комнату, и я получил возможность написать свою первую работу по термоядерному синтезу.

Работа состояла из двух частей. В первую часть вошло описание принципа действия водородной бомбы с дейтеридом лития-6 в качестве основного взрывчатого вещества и урановым детонатором. ⟨...⟩

Во второй части работы предлагалось устройство для использования ядерных реакций между легкими элементами в промышленных целях».

Внимание к своему письму Олег воспринял довольно спокойно. Так и должно быть в стране, где труд на благо общества — святое дело каждого.

Он даже представить не мог, как ему на самом деле неслыханно повезло. Письмо в ЦК попало в нужные руки. Его читали не равнодушные рецензенты, а люди, отвечавшие головой за успешное решение проблемы. «Задание Правительства»,— эти слова витали над каждым, причастным к тайне. В таких условиях отмахнуться от идей талантливого самоучки мог только самоубийца. Ничего этого не знал Олег — счастливый, он просто работал.

Охраняемая комната была для него роскошным подарком. Это избавляло от проблем, связанных с секретностью,— не надо держать все в голове, можно без опаски записывать любые мысли. На сон и еду Олег выделил необходимый минимум, проводя остальное время за работой.

Так прошли напряженные две недели. Его уже торопили. Да он и сам теперь очень спешил. 21 июля (спасибо командованию) пришел приказ о его досрочной демобилизации. До начала приемных экзаменов в МГУ оставалось всего десять дней, а путь до Москвы неблизкий.

Он так и не успел подробно рассмотреть во второй части некоторые важные вопросы. Формирование плазмы, защита сетки, идея «магнитной» сетки — всем этим Лаврентьев займется уже в Москве.

А пока его труд аккуратно перепечатали в одном-единственном экземпляре и отослали секретной почтой в ЦК ВКП(б), заведующему отделом тяжелого машиностроения Ивану Дмитриевичу Сербину. Теперь работа хранилась только там и в голове Лаврентьева. Все черновики сожгли на его глазах, о чем составили официальный акт.

Вечером 22 июля 1950 года демобилизованный сержант сел в поезд до Южно-Сахалинска. Он по-прежнему думал о своих проектах. Кое-какие детали его беспокоили, особенно труба, в которой должны ускоряться половинки критической массы.

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«Когда я приехал в Южно-Сахалинск, то узнал неприятную новость. Оказывается, близ Владивостока дождями размыты железнодорожные пути, и на вокзале скопилось более 10 тысяч пассажиров. До начала приемных экзаменов оставалась неделя. ⟨...⟩ Я обратился в Сахалинский обком партии за помощью. ⟨...⟩ Секретари (по науке и по промышленности.— *М. К.*) *помогли мне купить билет на самолет до Хабаровска, чтобы перепрыгнуть пробку во Владивостоке, а пока я буду ждать своего рейса, посоветовали прочитать отчет Г. Смита*, который был у них в обкомовской библиотеке.*

Досадно, что эта книга не попалась мне раньше. В ней я нашел подробное описание работ по американскому атомному проекту и ответы на многие вопросы, до которых мне приходилось додумываться самому».

Это дало толчок новой идее — Лаврентьев понял, что компоновку водородной бомбы следовало сделать иной. Так возник южносахалинский вариант, который уже не вызывал у него сомнений.

В Москву Олег приехал 8 августа. К счастью, приемные экзамены еще не закончились, и его включили в группу опоздавших. В университетском общежитии он застал унылую компанию провалившихся на математике. Вопросы, на которых они «засыпались», Олег попробовал взять слету и с изумлением обнаружил, что не знает, как это сделать. Несостоявшиеся студенты с удовольствием вручили ему сборник экзаменационных задач, и все оставшееся время он провел за их решением.

Математику Олег отвечал автору злополучного задачника, приятно удивив того знанием предмета. Зато свою любимую физику, он, как ни странно, сдал не столь блестяще. Но конкурс прошел успешно и был принят на физфак.

Так Олег выполнил второй пункт намеченного плана и стал студентом МГУ.

Учеба уже началась, когда в сентябре его вызвали в ЦК, к Сербину. Лаврентьев в глубине души надеялся получить рецензию на свою работу. Однако вместо этого Иван Дмитриевич попросил подробно рассказать о водородной бомбе.

Слушал он очень внимательно, но ни одного вопроса не задал. Только сообщил, что наши ученые работают над другим способом создания водородной бомбы. Некоторым утешением было то, что предложения Олега его, видимо, заинтересовали: Сербин попросил сообщать ему о всех новых идеях и дал заполнить подробную анкету.

* Г. Смит. «Атомная энергия для военных целей», Москва, 1946 год.

Спустя месяц Лаврентьев написал еще одну работу по термоядерному синтезу, через экспедицию ЦК передал ее Сербину. И вновь ответом было молчание.

Наступила зима 1951 года. В тот день, 3 января, Олег поздно вернулся в общежитие — сдавал экзамен.

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«Захожу в комнату, а мне говорят, что меня разыскивают, оставлен номер телефона, по которому я должен позвонить, как приду. Я позвонил, абонент на другом конце провода представился — министр измерительного приборостроения (таким было кодовое название Министерства атомной промышленности.— *М. К.*) *Махнев. Он предложил приехать к нему прямо сейчас. ⟨...⟩ В бюро пропусков, вероятно, из-за позднего времени, кроме меня был только еще один человек, и когда я получал пропуск, назвали мою фамилию, он внимательно на меня посмотрел и пошел следом. Оказалось, что мы идем в одном направлении, по одному и тому же адресу. Когда пришли в приемную, Махнев вышел из кабинета и представил нас друг другу. Это был Андрей Дмитриевич Сахаров».*

Так Олег познакомился с рецензентом своей первой работы.

В то время Андрей Дмитриевич работал в институте, занимавшемся разработкой и испытанием ядерного оружия. Вот почему именно туда попало на заключение письмо, полученное с Сахалина. В общем-то это было некоторым нарушением «субординации» и не совсем по правилам. Теперь, спустя полгода, новые предложения Олега отослали уже по нужному адресу — в Министерство атомной промышленности, сообщив заодно об отзыве Сахарова. Реакция была молниеносной — Лаврентьева вместе с рецензентом вызвал сам министр.

Махнев сразу перешел к делу, попросив Сахарова прочитать вторую работу Олега. Кем-то аккуратно перепечатанная, со схемой, выполненной тушью, она лежала на письменном столе. Из беседы Олег понял, что Андрей Дмитриевич знаком пока только с его предыдущей работой и считает ее очень важной. Но толком поговорить они не успели. Это удалось лишь спустя несколько дней.

Махнев вновь вызвал их обоих, и опять очень поздно. Им назначил встречу председатель Специального комитета. Так тогда назывался орган, ведавший разработкой атомного и водородного оружия. В нем состояли некоторые члены Политбюро, остальные имели ранг не ниже министра.

Разумеется, встреча с человеком, возглавлявшим столь серьезное направление, была очень ответственной. И Олег приготовился к самым каверзным вопросам по водородной бомбе. Как же обескуражила его встреча! Грузный мужчина в пенсне ни слова не сказал о деле, а принялся бесцеремонно расспрашивать о здоровье, о родителях.

Когда беседа закончилась, Лаврентьев и Сахаров (вызванный минут на десять раньше) покинули кабинет. Махнев задержался, но вышел довольно быстро. Он сиял: «смотрины» прошли успешно.

Олег, к счастью, не представлял, насколько далек председатель от понимания научно-технических проблем. Зато это прекрасно знал министр атомной промышленности Махнев, выполнявший еще и обязанности секретаря Спецкомитета. Лаврентий Павлович Берия — так звали руководителя комитета...

Когда ворота Кремля остались позади, был уже первый час ночи. Махнев хотел отвезти их на своей машине, но Сахаров с Лаврентьевым отказались. Оба были радостно возбуждены, и им очень хотелось познакомиться друг с другом поближе. В ту ночь Олег услышал много хороших слов о своей работе. Андрей Дмитриевич предложил сотрудничать, проводил его до самого метро, и они бы, наверно, проговорили еще дольше, но уходил последний поезд.

● А вскоре произошла иная встреча. Однажды вечером за Лаврентьевым пришли. Его усадили в машину и повезли. Куда? Олег, плохо знавший Москву, не мог определить, а задавать вопросы было не принято. Машина остановилась у ворот, обвитых колючей проволокой, дальше виднелся забор с таким же «украшением». В тесной проходной провожатый постучал в окошко. Выяснилось, что заявки на пропуск нет. Сопровождающий куда-то ушел, оставив Лаврентьева в полном неведении. Можно только догадываться, о чем передумал Олег за те два часа, что провел в проходной с постоянно хлопающими дверями. Мимо сновали военные с малиновыми погонами и странного вида штатские. Никто не обращал на него внимания. Мысленно он уже попрощался со свободой.

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«Было грязно, холодно, неуютно. Провожатый появился рассерженный. Оказалось, что пропуск на меня давно заказан, но находится на центральном входе. (...)

По широкой лестнице мы поднялись на второй этаж и зашли в кабинет Н. И. Павлова. Меня давно ждали. Н. И. Павлов сразу позвонил кому-то — доложил о моем прибытии, и мы пошли в другое крыло здания, впереди генерал, сзади я. Миную приемную, зашли прямо в кабинет, я успел прочитать табличку у дверей, к начальнику Главного управления Б. Л. Ванникову.* (О том, какие вопросы курировали Павлов и Ванников, Лаврентьев узнал много позже. — *М. К.*)

В кабинете находились двое: Ванников в генеральской форме и штатский с окладистой черной бородой. Павлов подсел к штатскому, а меня посадили напротив. За все время моей службы в армии мне не приходилось даже издали видеть генерала. Здесь же я сразу оказался перед двумя. Штатского мне не представили, и я не знал, с кем говорю».

Вопросы задавал штатский. Олег подробно рассказал о своей идее по управляемому термоядерному синтезу («термояду», как станут говорить позже). Устройство сетки заинтересовало «бородатого». Он не понял, почему выбрана именно такая конструкция. И вдруг молчавший до сих пор Павлов произнес, что туда будет вставляться атомная бомба. Смешная фраза — причем здесь бомба? — была подсказкой Олегу. Тот сразу догадался, что присутствующих интересует сейчас первая часть сахалинской работы, посвященная водородной бомбе.

И тогда Лаврентьев испугался. Кто они, эти генералы? Кто этот загадочный штатский? Имеет ли он право расспрашивать без санкции сверху о сверхсекретном устройстве? (Его ведь предупредили.) И тогда Лаврентьев не нашел ничего лучшего, как сообщить, что был у Берия.

Если бы Олег только знал! Ведь перед ним сидел сам Курчатов! Как много он мог бы рассказать «главному атомщику»! Не зря же Лаврентьев перерыл в Ленинке все книги по ядерной физике. К тому времени он уточнил сечения ядерных реакций, нашел способы расчета критических масс. У него появились новые идеи по компоновке «изделия». Еще хотелось поговорить о бериллии. Что если ввести его в состав взрывчатого вещества? Это сулит дополнительное размножение нейтронов.

Но вместо долгожданного разговора — нелепая, глупая фраза.

В наступившей тишине Н. И. Павлов насмешливо передразнил: «Он у Берия был». Тема беседы круто изменилась. Олега стали расспрашивать об учебе, университете, обсуждать возможность его перевода в инженерно-физический институт (там тогда собрали лучших преподавателей), и в итоге Курчатов предложил досрочно закончить университет...

Олег вернулся в общежитие совсем поздно. Он мог считать себя счастливчиком: все шло по намеченному плану — окончил школу, поступил в МГУ и увиделся с «главным атомщиком страны». Только недоразумение помешало донести до него свои идеи по созданию термоядерного оружия. Но Лаврентьев рассчитывал сделать это при ближайшей встрече. Вот тогда исполнилась бы наконец его главная мечта. Что будет дальше, он особенно не задумывался...

Ему опять повезло. Судьба бережно вела по жизни своего любимца. В день встречи, назначенной в Кремле, Олег заболел. С температурой сорок его увезли в больницу и выписали, когда события, в которых он должен был участвовать, уже произошли. Работать над бомбой ему не пришлось.

● После больницы трудоустройство Олега поручили Павлову. Ждать, пока первокурсник Лаврентьев получит официальный диплом, было бы непозволительной роскошью. Его хотели немедленно подключить к решению термоядерной проблемы.

По предложению Курчатова Лаврентьев должен был закончить университет за четыре года. Это означало, что Олегу следовало перескочить с первого курса на третий.

И до того довольно плотный распорядок дня Лаврентьев расписал теперь по минутам. Он параллельно посещал занятия первого и второго курсов, одновременно к нему прикрепили преподавателей для индивидуального обучения — по английскому, физике, математике. От физика вскоре пришлось отказаться, зато с математиком Александром Андреевичем Самарским было полное взаимопонимание.

Именно с Самарским Олег сделал расчеты «магнитных» сеток, тех самых, о которых не удалось подробно поговорить с Курчатовым при первой встрече.

Идея и в самом деле была оригинальной. Она возникла у Лаврентьева еще на Сахалине, когда он решал довольно сложную проблему. Суть ее сводилась к тому, чтобы защитить сетку от частиц плазмы, обладающих высокой энергией. Перебрав несколько вариантов, Лаврентьев догадался, что здесь тоже надо использовать поле. Только не электрическое, а магнитное. Для этого он решил пропускать через витки сетки ток, чтобы в соседних проводниках он имел противоположное направление. Тогда возникающее магнитное поле окружит защитным слоем каждый проводник, и заряженные частицы плазмы уже не смогут достигнуть его поверхности.

Вместе с Самарским они составили и решили дифференциальные уравнения, позволившие найти нужные параметры тока. Было это в марте 1951 года. А в октябре Олег обсуждал со специалистами уже новую работу по электромагнитным ловушкам для «термояда». Родилась она как продолжение прежних идей о «магнитной» сетке. В том варианте между соседними проволоками возникали магнитные щели. Через них могла бы происходить утечка плазмы. Но теперь Лаврентьев предусмотрел такую опасность. Он предлагал запирать щели электростатическими полями. Плазма оказывалась в своеобразной электромагнитной ловушке, в которой и должен был осуществляться «термояд».

Его предложения по электростатическим системам для управляемого термоядерного синтеза опередили американские на девять лет, а по магнитной защите сеток — на три года. Но этого тогда никто не мог себе представить, а Олег, наверно, меньше всех. Он толком не знал даже советских работ. Все они были строго засекречены. О состоянии дел Лаврентьев догадывался лишь по некоторым репликам на обсуждении своих проектов. Однако чаще специалисты сидели молча, а если и спрашивали о чем-то, то очень умело: завеса секретности поднималась крайне редко.

Впрочем, служба в армии приучила его не задавать лишних вопросов. Он учился и по-прежнему о всех новых идеях докладывал Павлову. Листки со схемами и изложением сказанного тот прятал в сейф. К работам Лаврентьева он относился очень серьезно. Довольно часто устраивал Олегу встречи с известными учеными. Ему искренне хотелось разобраться, к чему лежит душа подопечного. Не раз спрашивая об этом, советовал заняться теоретическими вопросами. Но Олег имел склонность к эксперименту и рвался в бой. Павлов прекрасно понимал нетерпение молодого исследователя. Несмотря на разницу в положении и возрасте, между ними сложились теплые отношения. И Олег ценил моральную поддержку этого человека много больше, чем внешние знаки внимания.

А на внимание жаловаться не приходилось. Еще в начале 1951 года Олегв

* Николай Иванович Павлов, начальник отдела Главного управления по атомной промышленности, курировал работу по созданию ядерного и водородного оружия.

освободили от платы за учение (400 рублей в год были для него очень большими деньгами), дали повышенную стипендию, доставляли книги, необходимые для работы, разрешили брать на дом иностранные издания и журналы (высшая степень доверия). И совсем уж неожиданно переселили из тесного общежития в новый дом на набережной Максима Горького. Махнев, следивший за его успехами, предложил даже перевезти в Москву мать, но та отказалась покинуть родной Псков. Олегу выделили отдельную комнату в трехкомнатной квартире. И теперь он мог работать еще больше. Автору талантливых идей создали вполне приличные условия жизни (по меркам Олега — чудесные). Однако мало кому приходило в голову спросить, успел ли он пообедать, не устал ли, есть ли у него деньги. Возможно, поэтому он до сих пор помнит каждое доброе слово Махнева, Павлова, Завенягина. Видно, не так уж сладко жилось Лаврентьеву в Москве.

Но тогда он редко задумывался о посторонних вещах. Олег вставал, когда над Москвой-рекой еще поднимался туман, а ложился далеко за полночь. Казалось, больше добавить к его нагрузке нечего. И все же в начале мая 1951 года прежние дела дополнились еще одним. Он наконец получил допуск к работам в ЛИПАНе — Лаборатории измерительных приборов АН СССР (так тогда называли Институт атомной энергии).

● Его прикрепили к группе Игоря Николаевича Головина — заместителя Курчатова. Тот читал первую работу Лаврентьева по термоядерному синтезу, слышал о его новых идеях. Видимо, листочки из сейфа Павлова попадали в нужные руки. У Павлова же и произошла их первая встреча, во время которой они энергично поспорили о распределении электрических полей внутри сферы. Несмотря на возникшие разногласия, Головин положительно оценил предложения Лаврентьева по «термояду». И это, возможно, повлияло на окончательный вывод руководства: Олега решили привлечь к работам головинской группы, будущего отдела плазменных исследований.

Лаврентьева провели по всем лабораториям, показали установки, рассказали об их назначении. Он внимательно слушал.

К тому времени его знания претерпели качественные изменения. Понимая, как необходима ему хорошая школа, Олег использовал все, чтобы восполнить недостающее: интенсивные занятия в университете, встречи с учеными, споры при обсуждении проектов. Формально он еще числился на первом курсе. Фактически такими знаниями по физике мог похвастать далеко не каждый выпускник университета. Короче, Лаврентьев изменился: гениальный самоучка уступил место талантливому исследователю.

И, конечно же, установки в группе Головина его крайне заинтересовали, особенно одна — в форме тора. Она стояла в углу у окна: на камеру-«бублик» была наложена обмотка тороидального магнитного поля. Ему объяснили, что установка создавалась по идее Сахарова и предназначалась для удержания и термоизоляции плазмы.

При встречах с Лаврентьевым Сахаров ни словом не обмолвился о своих работах по управляемому термоядерному синтезу. И вот приятная неожиданность: оказывается, они с И. Е. Таммом тоже пришли к мысли использовать поле для удержания плазмы. Только в их ловушке (прообразе будущего токамака) речь шла не об электрическом, как у Олега, а о магнитном поле.

Слушать было тем более интересно, что Лаврентьев с Самарским уже закончили расчеты по защите сетки магнитным полем (отчет об этом лежал у Павлова). Вот почему он не только прекрасно понимал объяснения, но и оценивал их достаточно квалифицированно, хотя секреты тогда умели хранить очень хорошо.

В середине мая 1951 года Олег получил постоянный пропуск в ЛИПАН и с интересом начал вникать в работу группы. Эксперимент был стихией Лаврентьева, и он буквально впитывал все объяснения. Тогда же летом состоялись его первые встречи с Л. А. Арцимовичем и А. М. (Г. И.) Будкером. Они знали о письме Лаврентьева и отзывались о нем очень высоко. Но сам Олег никому о своих предложениях по водородной бомбе и управляемому термоядерному синтезу не рассказывал. Его строго предупредили, что работа носит гриф высшей секретности, а серьезное отношение к государственной тайне у Лаврентьева воспитали еще в армии. Все были крайне удивлены, когда во время визита в ЛИПАН Сахаров подошел к нему поздороваться. Об их знакомстве Олег тоже не говорил, помня советы Махнева.

«Самое важное для гения — это вовремя родиться,— шутил Л. А. Арцимович. И объяснял, что значит «вовремя». — Лучше всего, если удастся выбрать для этого такой момент, чтобы ко времени расцвета сил он смог встретить избранную им отрасль науки в пору ее утренней свежести»... Лаврентьев родился вовремя. Физика термоядерных исследований переживала именно такую пленительную пору. Возможно, поэтому она не признавала авторитетов: получить нужные для осуществления «термояда» параметры плазмы никому не удавалось.

Искренне болея за дело, Олег мечтал испытать свой вариант решения проблемы. Он был уверен, что его электромагнитные ловушки позволят добиться успеха. Расчеты, проведенные с Самарским, укрепляли в этой мысли. Лаврентьев с радостью узнал, что Махнев и Павлов одобрили его экспериментальную программу по «термояду» (тем более, затраты здесь требовались небольшие, «грошовые», как говорил Махнев). Теперь следовало получить благословение ученых.

● В октябре 1951 года в ЛИПАНе состоялась долгожданная встреча. Дискуссия была довольно бурной. И только один человек не принимал в ней участия, хотя и слушал объяснения Олега очень внимательно. Он тихо сидел в углу, не задавая никаких вопросов, и так же тихо покинул аудиторию, когда обсуждение подходило к концу. Позднее Лаврентьев увидел фотографию незнакомца в какой-то книге и с изумлением понял, что на его докладе присутствовал сам И. Е. Тамм.

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

*«...И. Н. Головин сформулировал общий вывод, что **в моей модели никаких дефектов не обнаружено**. К сожалению, это была лишь констатация факта пригодности электромагнитных ловушек для получения и удержания высокотемпературной плазмы, но рекомендаций начать экспериментальные исследования не последовало. Игорь Николаевич мотивировал это тем, что имеется более простой способ получения высокотемпературной плазмы, где есть уже хороший задел и получены обнадеживающие результаты. Надо не распылять силы, а сосредоточить их на главном направлении».*

Ни единого слова в поддержку. Заключение звучало приговором. Да оно и было таковым. Но только не для Лаврентьева. Он засел за теорию и к июню 1952 года подготовил новую работу. В ней подробно описывалась электромагнитная ловушка и приводились расчеты параметров плазмы. По всему выходило, что Олег на правильном пути.

Встреча с новым рецензентом нанесла сокрушительный удар его надеждам. Один из лучших специалистов по физике плазмы, М. А. Леонтович безжалостно выявил слабые места и недочеты представленной работы. И все бы ничего (редко, когда автору удается сразу создать абсолютно безошибочный вариант), но Михаил Александрович усомнился в главном. Плотность плазмы в электромагнитной ловушке он счел сильно завышенной. По его мнению, утечка плазмы через магнитные щели не позволила бы добиться нужных параметров. А значит — управляемый термоядерный синтез здесь невозможен.

Лаврентьев стал горячо спорить и этим только повредил делу. Леонтович причислил его к разряду тех упрямых людей, которых он обычно называл «изобретателями». В общем, разговор не получился. В итоге в Главное управление ушла рецензия, в которой идея электромагнитных ловушек подвергалась сомнению.

Олег покинул Леонтовича в полном отчаянии. Конечно, рецензент имел право на вопросы. Теория электромагнитных ловушек только начинала разрабатываться Лаврентьевым, и окончательные точки над «i» мог поставить лишь эксперимент. Но как раз в эксперименте ему и было отказано.

В такой ситуации он принял единственно верное, как ему казалось, решение — проработать вопрос более детально. Олег надеялся, что хорошее теоретическое обоснование поможет ему переубедить оппонентов. Одновременно он, как и обещал Курчатову, перескочил через второй курс и успешно учился на третьем. Группа, в которой он теперь занимался, специализировалась на ядерных взрывах. Но к своим работам по водородной бомбе он так и не вернулся. Его все больше интересовал управляемый термоядерный синтез.

Олег довольно регулярно встречался с Леонтовичем, показывал ему свои новые работы и всегда встречал доброжелательное отношение. Ярлык «изобретателя» с него был снят, о чем сообщил сам Михаил Александрович. А как-то, когда Лаврентьев решил особенно трудную задачу с применением функции комплексного переменного, Леонтович пригласил его в аспирантуру.

Вновь ему предлагали переквалифицироваться в теоретики, и вновь он отказался. К тому времени идея электромагнитных ловушек захватила его целиком.

Трудно сказать, как пошли бы дела дальше. Но события, всколыхнувшие всю страну, властно вторглись в скромную жизнь Лаврентьева. Смерть Сталина, расстрел Берия странным образом повлияли на судьбу необычного студента.

Для начала его перестали пускать в ЛИПАН. Выяснилось, что допуск Лаврентьева к секретной работе ликвидиро-

ван. Кем? Неизвестно. Приближались дипломная практика и работа над дипломным проектом. Намечалось проходить их в ЛИПАНе. Но без допуска об этом нечего было и думать. Направление же в другое место никто не давал. Досрочное окончание университета срывалось.

Мало того, одновременно Олега лишили повышенной стипендии, а причитавшиеся деньги забрали как плату за обучение. Оставшись без средств к существованию, он пробился на прием к новому декану. И в полной растерянности услышал: «Ваш благодетель умер. Чего же вы хотите?»

Лаврентьев, далекий от закулисных интриг, не сразу понял, о чем идет речь. А когда понял, встревожился. Не за себя, конечно,— за судьбу своих идей. Последнее время он жил мечтой добиться начала экспериментов по электромагнитным ловушкам. Только эта мечта позволяла выдержать бешеные нагрузки. И теперь все должно рухнуть?

Из «Жизнеописания О. А. Лаврентьева»

«...В тот же день я написал письмо Н. С. Хрущеву с изложением своей позиции по управляемому термоядерному синтезу. Не знаю, читал ли мое письмо Н. С. Хрущев, но через несколько дней я был вызван к его научному референту Панасенкову. Встретились мы в здании ЦК КПСС на Старой площади. Физик по образованию, он легко воспринял мои идеи. ⟨...⟩ Мои расчеты тогда были доведены до «железок». Я четко представлял, как буду реализовывать свою идею и что для этого надо. Как оказалось, очень помог Л. А. Арцимович, подтвердив на высшем уровне ценность и важность моих идей,— об этом мне сказал Панасенков.

Вопрос о моей стипендии был решен сразу — в секретном отделе университета находилось специальное постановление правительства, которого никто не отменял. С дипломной работой вышли осложнения. Направления я так и не получил, пришлось писать дипломную работу без научного руководителя, взяв за основу те теоретические работы по управляемому термоядерному синтезу, которые уже были сделаны. К концу 1954 года работа была закончена, и я был готов к защите дипломного проекта, но начались организационные проволочки. В результате защитился я только в мае 1955 года, и еще полгода потребовалось, чтобы решением Государственной экзаменационной комиссии мне была присвоена квалификация физика и я получил диплом с отличием об окончании университета».

Год, с таким напряжением сэкономленный за время учебы, бессмысленно растаял в неведомых коридорах. Но даже это не насторожило Лаврентьева. Он спокойно ждал направления на работу — была предварительная договоренность, что его берут в ЛИПАН. Неожиданно выяснилось — вакансий в институте нет. Конечно, Лаврентьеву не составляло труда устроиться в Москве, однако он хотел заниматься только управляемым термоядерным синтезом. В Москве же такую тему вел один ЛИПАН.

Решить вопрос мог теперь лишь Курчатов, но он отсутствовал после испытания водородной бомбы. Это был совсем новый вариант смертоносного оружия — к нему А. Д. Сахаров и Я. Б. Зельдович пришли в начале 1954 года. Злые языки поговаривали, будто здесь не обошлось без американских секретов — слишком велико было сходство идей. Разумеется, разведка имела отношение к делу. И все же в некоторых немаловажных вопросах приоритет неоспоримо принадлежал нашей стране: во всяком случае, предложения О. А. Лаврентьева по использованию дейтерида лития-6 в водородной бомбе опередили американские почти на год. Но знали об этом единицы.

Остается поражаться, насколько хорошо хранили тогда секреты. Даже сам Лаврентьев пребывал в полном неведении относительно судьбы своей первой работы. Ни рецензент, ни руководство и слова не проронили в ответ на его вопросы. Только Махнев, всегда симпатизировавший Олегу, позволил себе намек на правду. Да и то спустя пять лет после знакомства.

Уже не министр, а начальник отдела, он принял Лаврентьева в новом, специально выстроенном здании министерства. Вот когда наконец Олег услышал, что его предложения по водородной бомбе были правильными. Тогда же Махнев произнес фразу, которую Лаврентьев не мог понять еще много лет после встречи: «Письмо ты отправил не по тому адресу». Впрочем, трудно сказать, как сложилась бы его судьба, обратись он сразу в министерство. Скорее всего, так же.

Короче, с устройством в ЛИПАН у Олега ничего не получилось. И тогда Панасенков предложил ему поехать в Харьков. Там в Физико-техническом институте АН УССР собирались организовывать отдел плазменных исследований. Казалось, все мытарства теперь позади. Наконец-то ему удастся развернуть свои исследования по электромагнитным ловушкам. Лаврентьев уезжал, полный радужных надежд. Шел апрель 1956 года.

● Неизвестные люди уже позаботились о встрече. Позвонив из Москвы, они предупредили о приезде «скандалиста и автора путаных идей». До сих пор Олег Александрович с благодарностью вспоминает К. Н. Степанова, В. Ф. Алексина и Б. Н. Руткевича — сотрудников харьковского физтеха, давших положительное заключение на его работу. Благодаря их объективности Лаврентьев не остался без места. Дальше приходилось рассчитывать только на себя.

Именно тогда и пришло письмо с московской студии научно-популярных фильмов. Старший редактор сообщала, что они снимают картину о проблемах получения термоядерной энергии: «По рекомендации академика Арцимовича Л. А. мы предполагаем показать в фильме Ваше письмо от 1950 г., послужившее своеобразным толчком для разработки идеи магнитной ловушки. Поскольку подлинник письма нам разыскать не удалось, просим Вас хотя бы приблизительно восстановить его и прислать на студию».

Лаврентьев перечитывал письмо и ничего не мог понять. Арцимович был руководителем экспериментальной программы по управляемому термоядерному синтезу и, конечно, знал, что говорил. Но **это** не укладывалось в голове. Получалось, до письма с Сахалина идея о магнитной ловушке не возникала. Встречи с Сахаровым, его слова о важности работы Лаврентьева теперь приобретали совсем иную окраску. Выходит, в Москве догадались использовать поле только после письма Олега. Почему же никто не сказал ему об этом?

Спросить было не у кого. Посомневавшись, Лаврентьев привычно объяснил все секретностью. Он и теперь колебался, имеет ли право воспроизводить секретный текст, о чем и написал в редакцию. Но оттуда последовала повторная просьба со ссылкой на «настоятельную рекомендацию академика Арцимовича» показать в фильме это письмо.

Олег Александрович по памяти с необходимыми сокращениями воспроизвел его содержание и направил «реквизит» на киностудию. Картина «Прометеи XX века» вскоре вышла на экраны: письма в ней не было, мелькнул только конверт с фамилией Лаврентьева...

Досадный эпизод вскоре забылся. Жизнь выдвигала задачи поинтереснее. Комната в общежитии на одинадцать человек, отсутствие постоянного рабочего места, настороженное отношение руководства — таким было начало его трудовой деятельности в Харькове. Но постепенно он «обрастал» друзьями и единомышленниками. Первые эксперименты проводились в полной тайне — в глухом подвале, абсолютно не приспособленном для научных исследований. Все держалось на голом энтузиазме и одержимости ученых. С большим трудом (группу разгоняли, установки разрушали) удалось пробить финансирование работ по электромагнитным ловушкам. Впрочем, деньги эти были скорее символическими — на сооружение первой электромагнитной ловушки выделили всего 10 тысяч рублей (в старом масштабе цен). Вот почему в 1958 году они смогли построить только маленькую установку со слабым магнитным полем простейшей геометрии. Но уже первые эксперименты обнадеживали.

Лаврентьев был как на крыльях. Онтаки оказался прав в том давнем споре с оппонентами. Полученные параметры плазмы хорошо согласовывались с его теоретическими расчетами. Теперь важно донести первые результаты до широкого круга специалистов. Благо, тема уже рассекречена.

И Олег Александрович отправил в редакцию «Журнала технической физики» свои статьи. (В сущности это были тексты докладов, сделанных им в 1960 году на конференции по физике плазмы.) Только через год пришел ответ, в котором рецензент даже не счел нужным проверить орфографические ошибки. Подпись, как водится, отсутствовала. Так Лаврентьев и не узнал, кто отклонил его работы «на основании закона Больтумана» (бедный беззащитный перед живыми Больцман!). Разумеется, Олег Александрович не стал спорить с редакцией «ЖТФ». Переведя статьи на украинский язык, он опубликовал их в «Украинском физическом журнале».

Пять лет ушло, чтобы получить разрешение на эксперименты, еще два года — чтобы статьи увидели свет. Сама же работа заняла всего год. Как бездарно вынуждали его тратить время! Но другого пути не было, и Олег Александрович занялся программой дальнейших исследований.

Между тем за рубежом сразу же заметили оригинальные работы советского ученого. Сотрудник харьковского физтеха с улыбкой поведал, как заработал в Англии 5 фунтов, переведя лаврентьевские статьи с украинского на английский. Потом пришло письмо от американского студента Т. Долана, который с трудом разыскал его через Украинскую Академию наук. Познакомившись с идеями Олега Александровича, он загорелся мечтой провести подобные исследования

в США. Чтобы читать работы в подлиннике, он даже начал учить украинский язык. (Позже, закончив Иллинойский университет, Долан целиком посвятил себя работе с электромагнитными ловушками и добился неплохих результатов.)

Возможно, кому-то другому события показались бы незначительными, но для Лаврентьева, не избалованного вниманием, они были немалой моральной поддержкой.

Самое же главное — за рубежом шли по его следам. Он хорошо запомнил первую иностранную публикацию 1959 года — по электростатическому удержанию плазмы. Авторы предлагали схему, идею которой он выдвинул еще в 1950 году. Правда, там не догадались защитить сетки магнитным полем, как это сделал Лаврентьев. А потому для осуществления идеи «термояда» их схема не годилась. Но то, что они совершенно независимо друг от друга пришли к схожим мыслям, приятно согревало душу. Особенно заинтересовали Олега Александровича эксперименты Роберта Хёрша по электростатическому удержанию плазмы с внешней ионной инжекцией. Опираясь на работы Лаврентьева, известный американский ученый (будущий председатель Комиссии по атомной энергии в США) доказывал, что при накоплении плазмы можно рассчитывать на получение рекордной плотности 10^{12}—10^{14} см$^{-3}$.

Они встретились в новосибирском Академгородке. Конференция, проходившая в 1968 году, собрала всех ведущих специалистов по физике плазмы и управляемому термоядерному синтезу. Хёрш оказался в числе приглашенных. Был там и Лаврентьев. Токамаки еще не стали генеральным направлением в Советском Союзе. Вот почему в Новосибирске развернулась настоящая ярмарка идей. Работы, проводимые в харьковском физтехе, произвели на Хёрша глубокое впечатление, и он договорился с Олегом Александровичем об обмене научной информацией.

Все складывалось на редкость удачно, постепенно Лаврентьевым овладело приподнятое настроение. Оно усилилось при встрече со старыми «липановцами». Веселые восклицания, шутки, воспоминания, и вдруг как гром среди ясного неба — слова Будкера. «Угробили хорошего парня»,— сказал тот, обращаясь к Олегу Александровичу... Впрочем, неловкая фраза вскоре забылась. Слишком яркими были другие впечатления. В Харьков он возвращался, полный новых идей.

Успех за рубежом помог признанию дома — после новосибирской конференции его акции резко возросли. В харьковском физтехе приняли программу «Юпитер» для создания ядерного реактора на базе электромагнитной ловушки. В этом реакторе они рассчитывали добиться нужных параметров плазмы и осуществить управляемый термоядерный синтез.

Восемнадцать лет назад, сидя в тщательно охраняемой комнате, написал он свою первую научную работу. И пусть о ней знали единицы, и пусть она была отправлена «не по тому адресу», в конце концов Лаврентьев добился своего. Со счастливым изумлением наблюдал он, как обрастали плотью его давнишние идеи: от настольных установок физтех перешел к более серьезным проектам. Исследования по электростатическому и электромагнитному удержанию плазмы набирали силу.

● И надо же, именно тогда в одной из книг он случайно наткнулся на описание своей истории. Ни фамилии, ни сути дела — лишь невнятная фраза об «одном военном с Дальнего Востока». А дальше и совсем уже непонятные слова. Оказывается, его способом «даже в принципе ничего сделать было невозможно». Читать подобное было странно, только что в Новосибирске он с успехом обсуждал результаты своих работ с Хёршем.

Возможно, самые первые его предложения в чем-то были сыроваты и требовали доработки. Но мысль использовать поле стала отправной точкой для разработчиков токамака. Любому исследователю известно, какая долгая дорога от рождения идеи до ее воплощения. «Практическое начало работ по термоядерному синтезу совпадает с тем моментом, когда возникли идеи об удержании плазмы»,— писал Л. А. Арцимович. Эти идеи и были главным в письме «одного военного». К сожалению, в первых открытых публикациях по термояду авторы не дали ссылку на сахалинскую работу Лаврентьева[1].

Каждый заботится о своей чести поразному. Олег Александрович не писал опровержения — он просто подал заявку на открытие. В Госкомитете потребовали представить письмо, в котором он впервые предложил использовать поле для удержания плазмы. Но нужный документ исчез! В ЦК КПСС его работы не оказалось. Куда она пропала, никто не знал.

Лаврентьев решил обратиться к Сербину. Он писал, звонил, приезжал, однако Сербин был неуловим. Его секретарь, узнав суть дела, направила в справочное бюро ЦК. По телефону неожиданно ответил человек, занимавшийся делами Олега Александровича еще в «то» время. Он и сообщил, что архивы пятидесятых годов уничтожены, а вместе с ними, по-видимому, и работа Лаврентьева. «Попробуйте обратиться к Сахарову»,— сказал он под конец.

Через полгода (шел декабрь 1973 года) Олег Александрович держал в руках справку, в которой Андрей Дмитриевич подтверждал, что Лаврентьев сделал свои предложения «задолго до какихлибо публикаций по этой проблеме». Академик, трижды Герой Социалистического Труда писал: «Ознакомление с работой Лаврентьева послужило толчком, способствовавшим ускорению моей совместной с И. Е. Таммом работы по магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы».

---

[1] Не сделали они это и в дальнейшем, хотя по существующей в научных кругах этике рецензент не должен использовать полученную информацию в личных целях без согласия автора до момента ее публикации.

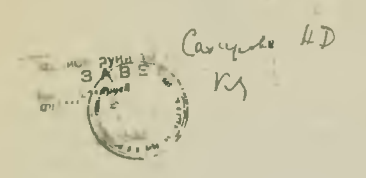
С П Р А В К А

Подтверждаю, что в июне или июле 1950 г. я рецензировал работу О.А.Лаврентьева. В этой работе автор выдвинул предложение об использовании "управляемых" термоядерных реакций в промышленных целях и предложил конкретную схему, основанную на тепловой изоляции высокотемпературной плазмы электрическим полем. Это предложение, сделанное задолго до каких-либо публикаций по этой проблеме и совершенно независимо от других авторов, произвело на меня сильное впечатление своей оригинальностью и смелостью мысли. Я отразил это мнение в официальном отзыве. Ознакомление с работой Лаврентьева послужило толчком, способствовавшим ускорению моей совместной с И.Е.Таммом работы по магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы.

24 ноября 1973 г.

А Сахаров

А.Сахаров, академик АН СССР,
Трижды Герой Социалистического Труда

В Комитет по делам открытий и изобретений
при Совете Министров СССР.

С П Р А В К А

В самом начале 1951 года я был ознакомлен с письмом О.А.Лаврентьева, написанным им в 1950 году с острова Сахалин, где он проходил военную службу, в Совет Министров СССР. В письме была описана идея конструкции термоядерного реактора. Термоизоляцию плазмы от материальных стенок реактора предлагалось осуществить с помощью электростатических полей между сетками. Для того, чтобы проволоки сеток не бомбились быстрыми частицами из плазмы предлагалось пропускать через них постоянный ток. В двух соседних проволоках должны были течь токи противоположных направлений. Между соседними проволоками таким образом образовывались магнитные щели, утечку сквозь которые и предлагалось запирать электростатическими полями. Эта схема удержания плазмы получила название электромагнитной ловушки.

Письмо Олега Александровича Лаврентьева инициировало рождение советской программы исследований по управляемому термоядерному синтезу. Оно было направлено из Совета Министров СССР на отзыв А.Д.Сахарову, который обсуждал его содержание вместе с академиком И.Е.Таммом. В результате этих обсуждений была сформулирована концепция магнитной термоизоляции горячей плазмы и рассчитаны первые модели термоядерного реактора, получившие позже название "токамаков".

Развитие этих работ было горячо поддержано И.В.Курчатовым и актуальность проблемы доложена правительству. Весной 1951 года были начаты первые опыты в этой области.

Вариант О.А.Лаврентьева получил развитие позже.

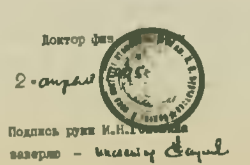
По демобилизации из армии осенью 1950 г. О.А.Лаврентьев поступил по конкурсу на физический факультет Московского университета.

Во время обучения в МГУ О.А.Лаврентьев неоднократно бывал в Институте атомной энергии (тогда называвшемся Лабораторией № 2 АНСССР) знакомился с проводимой работой и обсуждал дальнейшее развитие своей идеи. В октябре 1951 года произошло детальное обсуждение с участием д.ф.м.н. С.Ю.Лукьянова. Никаких дефектов в модели О.А.Лаврентьева обнаружено не было. По окончании МГУ он начал в Харьковском физико-техническом институте опыты в развитие своей идеи.

Пока еще рано подводить окончательный итог, но эти опыты успешно развиваются.

Доктор физ

2-апрел

И Головин

И.Н.Головин

Подпись руки И.Н.Головина
заверяю –

Уважаемый О. А.!
Я вчера сделал то, что было нужно сделать год назад — заверил „Справку" в канцелярии ФИАН. Мне очень неудобно перед Вами, что так получилось. Некоторым слабым оправданием является сложная обстановка моей жизни. [illegible] лежала на маленьком секретере в квартире моей жены, а канцелярист я никудышный. С наилучшими пожеланиями и извинениями
15/X-74 А. Сахаров

А позже иа просьбу Олега Александровича откликнулся И. Н. Головин. Он коротко излагал историю вопроса и писал, что «письмо Олега Александровича Лаврентьева инициировало рождение советской программы исследований по управляемому термоядерному синтезу». Проще говоря, его слова означали, что до этого в Советском Союзе вообще не помышляли о термояде, а о токамаках — тем более. Так, спустя двадцать пять лет, Лаврентьев получил наконец четкий ответ на все вопросы.

Но на Комитет по делам открытий и изобретений документы впечатления не произвели. Там настаивали на своем: нужно письмо, написанное в 1950 году. А письма не было...

Некоторым утешением служило, что его работы по-прежнему вызывали большой интерес за рубежом. Лаврентьеву прислали приглашение в Нью-Йорк на конференцию. Следом пришло письмо из Канады от Б. Грегори. Он просил посетить их лабораторию и брал все расходы на себя. Ранее канадская группа уже предлагала заключить соглашение о сотрудничестве. Но Госкомитет по использованию атомной энергии предложение не поддержал. Теперь вопрос решился иначе. В США Лаврентьева, конечно, не пустили. В Канаду тоже. Но зато его отправили в командировку в ГДР. А на конференцию в Нью-Йорк разрешили представить свой доклад.

Доклад читал А. А. Калмыков. Он был другом, единомышленником и, по счастливому стечению обстоятельств, непосредственным начальником Олега Александровича. Большая умница и талантливый организатор, он сумел убедить руководство и пробить финансирование новых работ. До него в ХФТИ занимались только одноцелевыми ловушками. Благодаря этим маленьким установкам поведение плазмы в комбинированном электрическом и магнитном поле изучили достаточно хорошо. Но для практических целей такие установки не годились. Требовались многоцелевые системы. Вот их-то и начали проектировать по инициативе Калмыкова. Новая установка называлась «Юпитер-21».

Техническое предложение на нее подготовил ХФТИ, а за проектирование и изготовление брался Физико-технический институт низких температур. Госкомитет по атомной энергии выделил на проектирование 300 тысяч рублей.

«Я был на седьмом небе от счастья,— писал Лаврентьев.— Наконец-то все закрутилось, и закрутилось, как надо». В том, что успех неминуем, он не сомневался..

Беда пришла внезапно, откуда ее никто не ждал. Стажируясь за границей, Калмыков случайно «попал под ускоритель». Доза оказалась слишком большой. Не спасли ни новейшие лекарства, ни операция. Болезнь расправилась с ним за полгода. Вместе с другом ушли последние надежды на сооружение крупной установки.

Для начала Лаврентьеву предложили спроектировать «что-нибудь поменьше». А дальше программу исследований стали постепенно сворачивать. В 1989 году финансирование их темы прекратили вовсе.

Разумеется, он пытался бороться. Однако теперь игнорировать обращения Лаврентьева не составляло труда. В катастрофическом положении очутилась не только их группа, но и вся фундаментальная наука. Да что там наука, под обломками рухнувшей системы гибла страна. Какие уж теперь исследования!

Что возразить на это? Лаврентьев и те, кто «решал вопрос», всегда жили в разных измерениях, сегодня — тем более...

Планы далекой молодости он выполнил полностью. И пусть первая работа пропала в неведомых тайниках, сама идея не затерялась, он «донес ее до ведущих ученых». Почему же спустя сорок лет Лаврентьев вновь очутился один на один со своей мечтой?

Пыталась я найти ответ у тех, кто был причастен к его жизни. А. А. Самарский, ныне академик и Герой Социалистического Труда, конечно, помнил необычного студента и отзывался о нем с большой похвалой. И. Н. Головин, бывший заместитель И. В. Курчатова, тоже произнес хорошие слова об О. А. Лаврентьеве (хотя и с оговорками в адрес работы). Но ничего нового, что бы пролило свет на события прошлого, никто не сказал. Догадки, предположения...

Добавить здесь нечего. Да и надо ли? Не все ли равно, кто был первым? Лаврентьева заботит другое. Как реализовать замыслы, воплощение которых было так близко?

И правда, как? ●

Снова и снова приходят на память строки великой поэмы — и тают...
Даниил Андреев

Даниил Данин

Кванты памяти

1

Мне нужно было написать мемуарный очерк о Татлине. Я задумал тогда — в 1967 — большую публикацию об этом забытом гении. Возникновение и кончина знаменитого летательного аппарата «Летатлин» дали повод озаглавить очерк хлебниковским словом «Улетавль». Там шел рассказ о преданной любви «русского Пикассо» к «Председателю Земного шара». А кроме хлебниковской темы была еще мейерхольдовская.

Словом, появлялись в очерке великие тени и происходили события, хоть и не громкие, но внимания историка все-таки достойные. Не задумываясь над этим, пока очерк писался, я вдруг ощутил, благодаря Натану Эйдельману, историзм иных его страниц. Случилось это так..

Еще недожатая до конца, заключительная страничка текста торчала в каретке моей машинки, когда раньше условленного часа появился у нас на Аэропортовской переполненный новостями Тоник. Он пришел из поликлиники по соседству. Сразу сказал, что наслушался всякой интересной всячины. А это было его страстью, человеческой и профессиональной, — наполнять свой слух и зрение всякой всячиной. Из всех веков и со всех широт. Любого звучания и любого значения. Отсев недостоверного, оценка источника, критика враждебного... — это входило для него в состав узнавания. Мне, уже немало пожившему на свете, знакомы были только двое ближних — академик и пятиклассник — успевавшие в единицу времени задать почти столько же жадных вопросов, сколько Тоник Эйдельман. Еще ему свойственно было, как Виктору Шкловскому, соединять в одном абзаце, через запятую, несоединимые вещи.

— У меня сегодня антиопоздание! — пробасил он в передней.— Вещь редкая, а татарские писатели послали протест против употребления в телепередачах пословицы «незваный гость хуже татарина», представляете?! Любопытно, устроил бы их вариант — «незваный гость лучше татарина»?.. За такую новость мне можно простить ранее вторжение...

В «Записных книжках» Ильфа есть фраза об офицере, начинавшем выдавать

военные тайны, еще не сняв шинели. Натан любил эту фразу. Но и о нем можно было бы сострить, что он начинал выдавать и поглощать информацию, еще не переступив порога. В тот раз он немедленно осведомился: «если, разумеется, это не секрет», что я настукиваю на машинке? Услышав имя Татлина, тотчас прервал меня с удивлением:

— Эт-звмечательно: опять закон парности случаев! В него можно поверить, вопреки Смилге и вам. Сию минуту мне рассказали, как Екатерина Алексеевна* своей министерской властью над культурой выкинула из плана выставку Татлина. Ее слова: «Хватит нам одного абстракциониста Фалька!» Забавно, да? Но я уже раздобылся подтверждением. Сейчас говорил с нашим общим абстракционистом Борей (Жутовским). Кстати, он попозже заедет за мной.. А хотелось бы прочитать вашего Татлина...

Примерно так говорил Тоник, словно бы беспорядочно излучая энергию. А мне в ту минуту одержимо хотелось испытать протатлинский текст на слух. И я спросил его, готов ли он тут же прослушать уже написанное? Тоник умел слушать так же располагающе хорошо, как рассказывать и писать. В тот раз неожиданностью было, что он вытащил из амбарного своего портфеля толстенный гроссбух и приготовился что-то записывать. Я спросил — «зачем?» и сказал, что я же подарю ему «Прометей» с этим очерком. Он гроссбух закрыл, но, усмехнувшись, попросил листок бумаги.

До конца я не дочитал — конца просто еще не было. Показав вместо оценки большой палец, он сказал, что как в воду глядел, и записал несколько мест, каковые меня заставят вычеркнуть после фурцевского запрета выставки. «А у меня сохранится!» — добавил он. И скороговорочно повторил по записи «непригодные» фразы. Одну из них до сих пор помню — про бедность Татлина: «В десятых годах он не успел стать модным, а в тридцатых не сумел стать угодным».

К сожалению, предсказание Натана оказалось более точным, чем ему самому рисовалось,— послушно восприняв недовольство Фурцевой «абстракционистом Фальком» как руководящее указание «в развитие» еще не забытой истории с Манежем, молодогвардейское начальство сначала с удовольствием сняло из очередного альманаха моего «Улетавля», а потом выкинуло и всю публикацию о Татлине. (На память о многомесячном труде у меня сохранилась верстка, где среди искусствоведческих работ были воспоминания Александра Лабаса, Веры Ходасевич, Виктора Шкловского.) Мой очерк много лет спустя напечатался в «Дружбе народов»,— как говорится, дополненный и исправленный. А перед тем, как это произошло, случилось так, что бедняга Тоник вынужден был прослушать его во второй раз — в обществе своего ближайшего друга Юлия Крелина. Повода уже не помню. Но зато дословно помню сказанное Эйдельманом именно в этот раз. Задав семь или семнадцать вопросов о Татлине и Мейерхольде, Хлебникове и бригаде Маяковского, он вдруг произнес:

— А вам известно, что вы — историческое лицо, ДС?

Мне ничего не оставалось, кроме как самодовольно хмыкнуть.

* Екатерина Алексеевна Фурцева, в то время министр культуры.

2

Все лестное о себе мы исправно коллекционируем. Дело нетрудное: коллекция пополняется не слишком щедро. И в общем-то грех невелик. Но по правде говоря, Эйдельманово «историческое лицо» для коллекции тщеславных радостей не годилось.. На естественный вопрос — как понимать его слова? — Тоник ответил обескураживающе просто:

— Вы живой свидетель событий с участием людей, вошедших в историю. Вы теперь — источник. Для комментариев.

Вот так! Тщеславиться оказалось нечем. Уже без тени самодовольства я сказал, что, стало быть, все люди — исторические лица, поскольку все — живые свидетели истории. Только одним случай или необходимость помогли выразиться — сделаться «источником для комментариев», а другие остались в немой безвестности. И пребывают в ней Тоник возразил без раздумий, но обдуманно (ясно, что говаривал об этом уже не раз):

— С теми, кто не выразился, ни истории, ни историку делать нечего...

И тут же азартно спросил, приходило ли мне в голову, что все люди в разной степени знакомы друг с другом. Каждый знаком прямо с немногими, а все со всеми — через короткие цепочки современников. И загибая пальцы, изложил одно из любимых своих построений. В тот раз я слышал его впервые. И не знаю, был ли Натан Эйдельман его единственным автором. Похоже, что так. Не знаю и другого: нашел ли он для этого построения повод и место в одной из своих многочисленных книг. Но помню, как он говорил, что это хорошая игра для старшеклассников. Схема выглядела так..

...Вот — вы, а вот — абориген в австралийской глуши. Прикиньте цепь знакомств, которая кратчайше привела бы вас к этому аборигену. У вас есть друг-ученый. Он знаком с президентом академии. Тот знаком с президентом академии австралийской. Этот президент знаком с главой администрации нужной австралийской провинции. Глава знаком с вождем искомого племени аборигенов. Ну а вождь знает загаданного вами своего соплеменника.

У Натана так всегда и получалось: не требовалось больше шести звеньев, дабы связать знакомством двух любых землян. Труднее была та же игра, но не по горизонтали современности, а по вертикали истории: предлагалось установить знакомство с кем-нибудь из окружения Пушкина или Герцена.. Не помню, чтобы и тут от связующей цепочки требовалась короткость. Зато она не должна была быть безымянной. Подлинным лицам надлежало представлять череду поколений, уходящую в глубь XIX века, а то и дальше.

Как-то мне случилось упомянуть о разговорах в Юрмале с Надеждой Павло́вич. Случилось это, впрочем, не случайно. Она показывала мне старинное сочинение «Добротолюбие» — экземпляр Александра Блока с его подчеркиваниями. Мне захотелось выписать одно подчеркнутое место про «мужа, уязвленного страстной любовью». А под рукой была лишь страница из только что полученного Тоникова письма. На чистом обороте я и сделал запись. Меж тем на лицевой стороне этой страницы содержалась присланная Тоником машинопись, как ни странно это прозвучит, «неизвестного стихотворения Пушкина». (Но об этом — чуть дальше). Вот я и говорил, как случай свел на одном листе бумаги Пушкина и Блока. А Натану нравились такие нечаянности. Прогудев свое обычное и щедро расточаемое «эт-замечательно!», он тут же прикинул череду знакомств:

— Давайте посчитаем «от Дан-ина до Дан-теса» или, что вы, несомненно, предпочтете, «до Дан-заса»! Начнем с Павло́вич...

Надежда Александровна вела к Блоку, а Блок — к семье Соловьевых, а дальше, сколько помнится, через прославленного историка — то ли к Горчакову, то ли к Корфу, и затем уж сразу Данзас... «А если угодно — сам Александр Сергеевич!» И снова получалось шесть звеньев. Он тогда сказал, что через Надежду Павло́вич у него возникла еще одна лесенка к Пушкину. У него их было много. И для сокращения в той лесенке первой ступеньки я пообещал свести его прямо со старенькой поэтессой.

Был, наконец, еще один поворот в Эйдельмановой игре. Дойдя до Пушкина или Герцена в шесть шагов (а то и меньше!), можно было далее по столь же короткой цепочке знакомств связаться с любым их современником — крепостным в российской глухомани или туземцем на полинезийском атолле...

— Человечество не так уж разобщено, как принято думать! — эту фразу Натан произнес, а одна из слушательниц записала на очередном семинаре (в ЦДЛ) «Писатель и современная наука», когда Натан, Юрий Давыдов и Юрий Карякин рассказывали о «белых пятнах истории».

...Нынче кажется, что было сие в незапамятные времена. А может, и впрямь уже в незапамятные: стояла еще незыблемо разобщающая Берлинская стена, шла еще разобщающая холодная война. бедствовал еще в разобщающей с человечеством ссылке академик Сахаров, и вся философия истории в нашем еще не рухнувшем квазисоциалистическом государстве зиждилась на разобщении людей и людских сообществ. И вдруг — такая фраза, такое ощущение мировой жизни!..

Весь этот рассказ о Натановых цепочках по горизонтали современности и вертикали истории имеет, разумеется, иносказательный смысл. Очень простой: история — четырехмерный мир, где к трем координатам пространства присоединена четвертая координата времени, и Натан Эйдельман жил в этом четырехмерном мире, как в собственном доме с окнами на все стороны света!

..В то лето, когда мы в Дубултах ждали приезда Эйдельмана, а он почему-то все не появлялся, Надежда Павло́вич обитала не в Доме творчества, а на частной квартире в Яун-Дубултах. Однажды, провожая ее туда прибрежной дорогой, я показал глазами на полнотелого человека вдали, широко шагавшего мелководьем, и сказал, что незнакомец — просто «вылитый Натан Эйдельман», каковой скоро приедет сюда, и тогда ей будет, конечно, интересно познакомиться с ним. Она вскинула на меня молодой взгляд своих давно уже старческих глаз и воскликнула: «Как! С самим Эйдельманом?!»

3

Это была слава. Заслуженная одаренностью и трудом.

К этим двум составляющим все весо-

мей прибавлялась с годами духовная независимость. Еще тогда прибавлялась, когда она не была разрешена вольнодумной атмосферой горбачевской революции. Он позволял себе писать так, что кроме текста в его сочинениях прочитывался подтекст, как принято теперь говорить, неоднозначный.

...Со второй половины восьмидесятых все у нас стало измеряться политическим термометром. И одним из самых азартно политизированных ученых-литераторов из разряда архивно солидных исследователей стал наш Тоник. (Я разрешаю себе это «наш» и повторяю уменьшительное «Тоник» не только по праву многолетней дружбы с ним, но и по причине все длящегося ощущения его безвозрастной молодости, теперь уже навсегда загальванизированной смертью. И еще говорю я «наш» как бы в честь нашего духовно тесного содружества авторов-учредителей-редакторов альманашных сборников научно-художественной прозы «Пути в незнаемое», где был он для всех нас неизменной отрадой.)

Он не мог не сделаться деятельным демократом в историософской публицистике перестроечных лет: с юности жар его души измерялся высокими отметками по шкале Пушкина, по шкале Герцена, по шкале декабристов. Он был из тех, у кого профессия и хобби — научные страсти и душевные привязанности — совпадают. Пушкина он знал, как пожизненно влюбленный. С Герценом был на короткой ноге, как сподвижник. Декабристов разведал лучше николаевских следователей. И эти три его температурных шкалы всегда работали в унисон... Хочется тут, конечно, шутливо пристроить к тексту Реомюра, Цельсия да Фаренгейта. Но невольно вспоминается устная рецензия Эйдельмана на одно полуюмористическое эссе: «Для концепции — слишком легковесно,— сказа он,— а для шутки — слишком громоздко!»

Исконная — еще доперестроечная — духовная независимость Натана мягко сказывалась в его равной готовности и к адвокатской защите своих исторических подследственных, и к прокурорскому оспариванию их правоты.

...Помню, меня поразило в его «Гранях веков» задокументированное утверждение Никиты Муравьева, что заговор лишил Павла жизни и трона «без пользы для России»! Но не меньше поразило сопутствующее уверение Эйдельмана (сейчас раскрою книгу и процитирую точно):

— Не просто с этим согласиться или не согласиться...

Ну хорошо, подумалось тогда, вполне резонно, что решить это «непросто», но каково же сложное решение? И я позвонил Тонику. Дело было году в восемьдесят втором или восемьдесят третьем, словом, еще в «те времена». И первое, что сразу сказал он, рассмешило нас обоих, однако, по правде говоря, не очень: «Это — не телефонный разговор...» Да и в самом деле — оно хоть и про некоего Павла, давно усопшего, а все-таки... «заговор»... «лишение жизни»... «польза России»... — для возможного прослушивания двумысленно... Но, разумеется, мы все-таки поговорили. И, разумеется, однозначного ответа не нашлось: понятия «пользы» и «вреда» зависели от понимания последующего — почти двухвекового — хода российской истории. И единственное, чего Натан требовал от нас, читателей, это безусловного осуждения убийства Павла. Дословно это прозвучало так:

— Муравьеву следовало отделить лишение жизни от лишения трона!

В своей собственной жажде добра от течения истории Натан Эйдельман отказывал делателям — деятелям — истории в праве утолять жажду лучшего кровью насилия. И в жданно-нежданное обновление нашей жизни, начавшееся в восемьдесят пятом, он окунулся с полной доверчивостью оттого, что верно почуял «революцию без революции» (иначе — без гильотин и застенков).

Эта формула пришла в голову многим. Могу засвидетельствовать: Натан, если и не сочинил ее сам, то исповедовал. Он соглашался с сентенцией одного своего друга: «Наконец мы стали жить исторической жизнью без разноцветного террора — белого, красного, коричневого и черного!» И он полагал, что это счастье перевешивает все беды и тяготы от нескомпенсированного крушения прежнего командного «порядка», державшегося на тотальном молекулярном страхе.

4

Может показаться удивительным, почему автора «Лунина» — тридцатилетнего в шестидесятых годах и сорокалетнего в семидесятых — не было в рядах наших диссидентов тех десятилетий. (Странно, конечно, вслух задаваться таким вопросом тому, кто и сам тоже мог бы и, однако, тоже «не вошел в ряды». Но оттого-то, что мог, а не вошел, решаюсь сейчас судить да рядить: материя знакомая...)

Простейшее объяснение: боязнь последствий. Иначе — страх! И потому осмотрительная осторожность. Воспитание сталинских десятилетий. Аргумент страха неоспорим. Но чересчур вместителен. В нем растворяется личность и распыляется судьба. Это — как объяснение пожара словом огонь, а наводнения — словом вода. Безусловно верно. Но слишком мало, так как слишком много. Весь вопрос — боязнь каких последствий останавливает волю. Или — что то же самое — внушает волевой отказ от желанных действий.

Не раз, а памятно — дважды, мне случилось говорить об этом с Натаном. Впервые, когда я должен был показать ему ответ Александра Исаевича Солженицына на два моих «соединенных письма», как выразился АИ. А во второй запомнившийся раз, когда Василий Аксенов соблазнял Бориса Жутовского стать художником-оформителем альманаха «Метрополь», а тот не соблазнился. Натан его не осудил. Не могу оценить, какова была доля моего участия — или вины? — в том, что Боря отказал Василию Аксенову. И не могу измерить доли Натана. Советовался Жутовский с нами обоими. Порознь. Но о молчании не просил. И мы с Тоником говорили об этом казусе. Его аргументы приводить не буду — боюсь кое-что переврать. Это «кое-что» касается очень важного его убеждения, что всем на свете можно заниматься достойно только профессионально. И для политики исключения он не делал. Однако тут были свои тонкости, не хочется их огрубить... Зато могу безошибочно привести его сосредоточенное и безусловное «Согласен!», повторенное не раз, когда я пересказывал собственные доводы против возможного диссидентского шага страдающе-взбаламученного Бориса.

Это не были доводы против «Метрополя». Хотя о достоинствах или слабостях готовившегося тома непосвященные ничего не знали, кроме слухов,— ну, вроде «Окуджава печататься там не захотел» — сама идея противоцензурного волевого акта была до крайности привлекательна. И книжному графику Жутовскому, абстракционистской жертве Манежа, казалось, сам Бог велел там разгуляться. А разговаривать с Борисом на полном доверии что Натану, что мне было простей простого (он оформлял много книг Эйдельмана и четыре моих книги). Разговор у нас шел с детской прямотой.

В сущности, все сводилось к одному вопросу: готов ли он к последствиям? Обсудили их варианты. Тюрьма уже не грозила. Исключение из Союза художников пугало не очень. Страшила потеря всякой работы. Но словно бы выручала перспектива эмиграции. Однако вот тут-то наступило молчание... Уже не первый год Боря был вдовцом. Он обожал Люсю Бороздину, и ее трагическая гибель сделала его непоправимо одиноким. Он мог бы бежать на край света. И думаю, мысль об этом входила в его молчание. Но оно длилось недолго, пока не прозвучало предположительное:

— Так что же, Б., вы готовы все к черту бросить здесь и все начать по новой там?

Он ответил без обиняков:

— Конечно, нет!

Сверх всего — а в этом «всем» занимали первейшее место друзья по жизни и по искусству — он не мог бы бросить здесь стареющую маму, Нину Ивановну... Это был тот поворот в моем пересказе разговора с Борей, когда Натан, кроме сосредоточенного «Согласен!», пробасил: «Понимаю...» И еще раз: «Понимаю».

Потом внезапно посреди спора об одной рукописи для «Путей в незнаемое»

Натан пытливо вскинулся на меня:

— ДС, а если бы вам предложили участие в этом аксеновском альманахе, вы согласились бы?

Легко было засмеяться и сказать, что я заведомо ни для чего не мог бы пригодиться составителям. Но вопрос — как бы экзаменационный — оставался. И я ответил, не затрудняясь, потому что десятью годами раньше, в конце шестидесятых, был вызван Солженицыным на такой же в сущности экзамен. Сдал его не более чем на двойку, однако с той поры ничто в моей натуре не изменилось, и мне нужно было только повторить сказанное тогда. А сказалось тогда нечто донельзя простое: пустившись в диссидентство, я должен буду изменить всю свою жизнь — начать спать по-другому, ходить по-другому, общаться с ближними и дальними по-другому, словом, существовать по-другому, с новыми тревогами, страхами, надеждами, с иным, чем прежде, ощущением себя среди людей и без людей. А я к этому не готов. Еще честнее — не способен на это.

...Чувствую, как говаривали прежде, всеми фибрами своей души досаду читающего эти страницы: нам тут интересен замечательный человек Натан Эйдельман, а вовсе не авторские «воспоминания о самом себе и общих друзьях», негодует читатель. Но что же делать? Задавшись странным вопросом о недиссидентстве Натана и приводя его полные значения «согласен» и «понимаю», не мог я не рассказать, с чем же он соглашался и что одобрял своим пониманием. Предмет это совестно тонкий, и волей-неволей мне придется еще одной историей навлечь на себя недовольство слишком строгого читателя.

5

Речь о солженицынском вызове на экзамен. Метафорическом, разумеется. Но не поскуплюсь на подробности, следуя обычной Натановой жажде подробностей.

...Весной шестьдесят седьмого Виктор Некрасов привез с собою в ялтинский Дом творчества письмо Солженицына к съезду писателей, «имевшему быть в Москве». Виктор был радостно польщен тем, что попал в ограниченный круг адресатов, которым Александр Исаевич доверительно разослал свое историческое послание загодя. И все, кому Виктор показывал то письмо, втайне испытывали чувство своей духовной неполноценности оттого, что сами «не удостоились». Это читалось на лицах. Испытывал это чувство и я, пока в июле не вернулся в Москву.

Дома обнаружилось, что я «удостоился». Но моя восьмидесятисемилетняя мама, хлебнувшая на своем веку больше, чем полагалось бы на одну беспартийную судьбу, перекладывая письмо в новый конверт с ялтинским адресом, нечаянно заглянула в солженицынский текст. И пришла в ужас! И пересылать его не рискнула... Такова уж была доносно-тягостная атмосфера той поры. Съезд, униженный постыдно ерническим выступлением Шолохова, стал событием благодаря набатно праведному посланию Солженицына, и нельзя было не отозваться на это послание письмом с выражением своих безгласно диссидентских чувств и признательностью за доверие.

В том письме я и признался АИ в собственной психологической непригодности для следования в его фарватере. Иначе — для диссидентских дел... Письмо было не для почты. Передать его АИ пообещал Лев Копелев, старый приятель, сосед по дому. Он еще не успел этого сделать, когда мне попала «на день и две ночи» рукопись «В круге первом» (где Лев Рубин — это Копелев). Ошеломленный романом, я присоединил к первому письму второе. И дней через десять был несказанно обрадован ответом Солженицына, переданным через те же руки: «...Мне было очень радостно прочесть два Ваших соединенных письма — тот случай, когда вдруг видишь действие литературы наяву. Я особенно благодарю Вас за Вашу откровенность в связи с моим письмом Съезду. Всем нам нелегко даются шаги по этой дороге, но вот странно: сперва трудно, а чем дальше, тем легче и легче...»

Несчетно повторял я про себя и вслух сии слова о «шагах по этой дороге». Поводы возникали часто. Однажды — в разговоре с Натаном Эйдельманом обо всем здесь рассказанном. Он тотчас как бы прокомментировал в скобках солженицынскую фразу: «Пушкин. Сальери. Труден первый шаг...» И вслед за тем свое темпераментное: «Эт-замечательно!» А разговор затеялся вовсе не случайно.

...Мы часто говорим о времени языком пространства. Так вот где-то на исходе шестидесятых мимолетно возникла идея попросить Солженицына, «учителя физики», написать для «Путей в незнаемое» научно-художественное эссе, о чем ему заблагорассудится, лишь бы цензурно проходимое. После давних публикаций в «Новом мире» это как бы вновь легализовало его имя на нейтральной почве, а нашему альманаху прибавило бы духовного веса!

Идея выплеснулась «просто так» в час «мальчишника» на нашей аэропортовской кухне. За столом по обыкновению потрошила вязкие парадоксики неразлучная тройка — Натан с друзьями всей его жизни Юлием Крелиным и Вольдемаром Смилгой. (Обгоню на мгновение время: так неисчерпаема была эта длившаяся десятилетия мальчишеская их привязанность друг к другу, что когда на панихиде по Натану я увидел невредимыми обоих оставшихся, захолонуло сердце: как же они будут жить теперь без него?!) Пожалуй, именно в тот вечер и мне пришлось увязнуть вместе с ними тремя в споре, кажущемся фантастически невозможным: «Почему NN сказал, что Христос — фашист?!»

Мама моя, заглянув на кухню и уловив витавшее над столом словесное неблагополучие, тихо посоветовала: «Побойтесь Бога, мальчики...» Она в Бога не верила, мальчики — тоже. Но упрек означал, что у кощунства все-таки должен быть потолок. Крелин невозмутимо сказал: «Елена Аркадьевна, вы не правы». Да и впрямь кощунства не было, а была свобода ото всех на свете догм и предвзятостей. Тоник был наигромчайшим глашатаем этой свободы. Думаю, из-за лихости словоговорения и выскочила в тот час — без видимого повода — азартная идея обратить Солженицына в научно-художественную веру. Выскочила и, казалось, бесследно затерялась в других лихостях. Но потом — память, по возможному принципу самоэкономии, спрессовывает взаимосвязанное во времени — за тем же столом Натан напомнил об этой идее.

Он еще не входил тогда в редколлегию нашего альманаха, однако был уже из тех, на ком все держалось. Он прогудел, что у него «есть ход к АИ». Тогда-то я и рассказал ему о своих письмах к Солженицыну и об ответном письме АИ через Льва Копелева. И, очевидно, предложив отвлечься на минуту от пьяноватого словопада на кухне, в комнате своей достал из потаенной папочки солженицынский ответ, дабы прихвастнуть документально. После пушкинского «труден первый шаг» он привычно, с жадной зоркостью, выхватил еще одну строку из текста, где было «особенно благодарю за откровенность»:

— За какую? За какую?

И я расчувствовался на повторное признание своей полной психологической непригодности к диссидентскому делу — не к словам, а к делам! К непрерывным тревогам, к жизни и работе на краю неизвестности... «К инакодействию, а не только к инакомыслию!», как выразился в одном из разговоров на эту тему Борис Жутовский. И Натан, как то происходило позднее в истории именно с Жутовским, после каждой моей самооправдательной фразы раскатывал по слогам: «По-ни-ма-ю...»

Та эфемерная историйка легко забылась. Но Тоник не раз вспоминал ее начало и солженицынское «сперва трудно», а я хорошо помнил тониково «По-ни-ма-ю!». И могу сказать: у меня сохранилось убеждение, что он не мог стать диссидентом в действии просто по складу своей натуры! Иначе говоря, по причине простейшей и неустранимой.

Однако ведь вот что помнит каждый: у Натана Эйдельмана была репутация литератора строптивого. Он представлялся историком вольнодумным. Слышалось в его книгах, статьях, эссе «четыре пишем, пять в уме»! Неспроста его любили приглашать на свои многодневные летние и зимние «школы» биологи, физики, кибернетики, чтобы досужими вечерами запоем слушать его еще не написанные или «неблагополучные» рассказы историка и литературоведа. Натановы друзья-естественники могли бы в шутку окрестить его на своем ученом языке «виртуальным диссидентом». Иначе — возможным, до поры до времени ненаблюдаемым, но подспудно действенным (не знаю уж, как расшифровать это лучше).

Нет, правда, «виртуальный диссидент» звучит убедительно. А для пущей убедительности вспомню еще наш семинар «Писатель и современная наука». На протяжении тридцати лет, начиная с 1957, этот семинар собирался по последним четвергам каждого месяца. Неизменно многолюдными бывали сборища, когда тема «Белые пятна истории» обещала встречу с Натаном Эйдельманом. И неизменно раздавался накануне в среду тревожный звонок организатора семинаров Розы Головиной. «Д., избавьте меня от неприятностей в пятницу на парткоме, поговорите с Натаном Яковлевичем заранее. И строго! Пусть держится в рамочках!»

Натан держался в рамочках. Но неприятности в пятницу почему-то не иссякали. Рамочки были подвижными. Виртуальными.

А в январе восемьдесят седьмого еще полновластная «Правда» с неоправданной яростью и бесшабашной алогичностью обозвала Эйдельмана Гапоном за его переписку с Виктором Астафье-

вым, агрессивно — но, хочется верить, временно! — свихнувшимся на стыдном антисемитизме. И разве не была та акция «Правды» как бы признанием возможного диссидента состоявшимся, то есть действительным?

В ту же пору еще одно событие как бы подтвердило это превращение. Натан начал сам вести новый — остродискуссионный! — семинар в писательском клубе, несравненно более радикальный по духу, чем прежние «Белые пятна истории» на моем семинаре. Вместе с одним из самых близких своих друзей, Александром Бориным, он задумал обширный цикл встреч историков революции и современности. Как бы дуэльных встреч на глазах и при участии писателей. У меня сохранилась запись о первой встрече 19 января восемьдесят седьмого. Удивительно, не было никакого широкого оповещения о предстоящем семинаре, а зал переполнили люди без приглашений. Впрочем, почему же удивительно? Думающая молодежь уже собиралась «на Эйдельмана», не разведывая заранее, о чем пойдет речь, привлекал он сам гарантированной нетривиальностью всего, что доведется от него услышать. И нетривиальность эта всегда бывала вольнодумной.

К слову, явление виртуального диссидентства — а его можно каламбурно определить еще как «диссидентство без диссидейства» — было вовсе не такой уж редкостью в нашей духовной жизни. Но талантливости требовало редкостной. И потому отмечено выдающимися именами. Из этого разряда был Юрий Трифонов со своею прозой семидесятых годов. И Булат Окуджава со своею песенной поэзией-музыкой трех десятилетий. И... И... И...

В новую эпоху крушения тоталитаризма узаконенная гласность растворила это диссидентство. Однако оно не забывается. Разве не готовило оно саму духовную атмосферу нашей длящейся революции без революции — без гильотин и застенков? Это заслуга непреходящая.

6

Ставя здесь точку, я вдруг сообразил, что не исполнил обещанного — не рассказал о «неизвестном стихотворении Пушкина», которое Тоник прислал мне в Дубулты летом 1977. А хорошо закончить воспоминания пушкинским квантом! И потому я позволю себе привести то стихотворение целиком.

Оно было открытием молодого исследователя В. Сайтанова, литературоведа с естественнонаучным образованием. Может быть, это помогло ему увидеть в трех пушкинских фрагментах, прекрасно знакомых каждому, части единой конструкции. И он простей простого воссоздал правдоподобное целое. Не помню уже, как Сайтанов «вышел на Эйдельмана» или как Эйдельман «нашел Сайтанова», но помню ранний утренний звонок Натана с будоражащим оповещением, что у нас будет замечательный материал для очередного тома «Путей в незнаемое». И помню впервые прозвучавшее из телефонной дали и поразившее своей естественной слаженностью незнакомо знаменитое, обольстительно пушкинское и ничье другое:

Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала!
Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнею моей,
Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал..

А вечером того дня я уезжал в Дубулты. И за утреннее восторженное признание услышанного открытия, за начальственное обещание любым способом найти в ближайшем томе «Путей» место для сайтановского материала Тоник послал мне вслед «как награду» перепечатанный на машинке пушкинский текст. И на обороте нахожу сейчас среди других случайных записей такую: «9 июня. Три отрывка Пушкина — 1833 год. Обратный порядок. Как проста структура открытия!» Но всеми ли оно пушкинистами признано, не знаю. Натан Эйдельман не только признавал его, но и любил.

...Средн возможных читателей этих заметок авось найдется кто-нибудь, кому вспомнится процитированная в начале фраза Тоника: «А известно ли вам, что вы — историческое лицо, ДС?» И на сей раз я уже не переспрошу, что сие означает, в свой черед припомню Эйдельманово определение «исторического лица» и тотчас соглашусь, что мне посчастливилось оказаться одним из живых источников для комментариев к будущей книге о выдающемся человеческом существе — о Натане Эйдельмане. ●

Из дневников

«Дневник ученика 3 класса «Б» 71 школы Эйдельмана Натана.

29 октября 1940 года. Пришел в школу за пять минут до звонка. Слышу, ребята бузят — контрольная, контрольная! Сегодня должна была быть четвертная работа по арифметике. Урок начался. Задали всего одну легкую задачу: сдал я ее скоро. Вот не знаю, какая будет отметка.

Второй урок — физкультура. Ребята раздеваются еще на уроке, после чего следует окрик нашего классного руководителя Марии Ивановны. Наконец, звонок. Раздеваемся и в одних трусах и майках мчимся из класса.

Звонок, строимся. Второклассники смотрят на нас с завистью. Мы гордо вытягиваемся».

Первая дневниковая запись. К сожалению, у третьеклассника было много других забот, и эти четыре странички в маленькой записной книжке, так торжественно озаглавленные «Дневник», остались единственными на долгие годы.

Правда, есть несколько тонких школьных тетрадей, где детским почерком изо дня в день ведется подробная военная летопись. Откроем наугад.

«1 января (1941 года). На англо-германском фронте 31 декабря и 1 января временное затишье. В Греции сильный снегопад. В боях в Северной Албании у монастыря св. Наума солдаты утопают в снегу. В Ливии англичане подвозят войска к Бардии. Там скоро начнутся бомбардировки. В Китае бои легкие в провинции Гуаиси (юг). Забыл сказать, что с ноября Таи (Сиам) воюет с французским Индо-Китаем из-за территории. С конца декабря там лишь слабые стычки. Новый год ознаменовался морозком. В Швеции мороз дошел до 50 градусов холода. Дунай замерз от истоков до устья».

Натан великолепно знал историю Отечественной войны, подробно, в деталях, неизменно поражая меня, когда мы в поезде проезжали Украину, Белоруссию, Польшу, Венгрию, Германию, тут же начинал вспоминать военные события, называя имена военачальников, номера фронтов, дивизий и т. д.

Регулярные дневниковые записи Натан начал уже в зрелом возрасте, 1 сентября 1966 года, в тот день, когда его дочь пошла в первый раз в школу.

И до последних дней жизни он заносит в огромные тетради, к сожалению наспех, пунктиром, намеком, интересные встречи, рассказы, реже — впечатления от прочитанного, увиденного и уж совсем редко — какие-то личные, интимные заметки; с годами все неразборчивее почерк, все короче записи.

Его феноменальная память сыграла после смерти фатальную роль. Ведь ему было достаточно записать одно слово, чтобы потом по нему воссоздать весь эпизод, что он часто делал при устных рассказах или при написании книг. По своим дневниковым записям он собирался написать, как он шутил, свои «Былое и думы», книгу, которую он зашифровал буквами «Ю. К». Это должна была быть книга о собственной жизни, о судьбе своего поколения и поколения отца. Яков Наумович Эйдельман играл в жизни Натана совершенно уникальную роль. У них были схожие темпераменты, оба легко вспыхивали, любили покричать, близкие так и называли их «крикуны», часто ссорились. Но как гордился Натан отцом! И тем, что тот добровольцем ушел в непризывном возрасте на фронт, где провоевал до последнего часа и даже был посажен в эшелон и направлен в Японию (правда, пока ехали, война кончилась), и тем, что отказался от ордена Богдана Хмельницкого, а ошарашенному генералу открыто объяснил: «Не могу носить орден имени человека, погубившего столько моих соплеменников». И тем, с каким достоинством держался позднее, на допросах на Лубянке и в страшном Воркутинском лагере, где даже отпетые рецидивисты уважали его. Натан готовился многое написать об отце и его друзьях, но успел (буквально в последние месяцы жизни) подготовить только короткий очерк.

Натан любил повторять, что ткачи ковров на Востоке обязательно оставляют какой-нибудь орнамент незавершенным. Это символ продолжения жизни, творчества, надежда на то, что придут другие художники и создадут свои творения.

Так и будет.

Юлия МАДОРА

1966 год

8 сентября

История с акад(емиком) Дружининым — статья против Чаадаева в «Коммунисте». В 1949 году, во время космополитизма, полагалось долбать «своих» космополитов. Дружинин нашел блестящий выход и долбал Чаадаева.

13 сентября

У Тат(ьяны) Григ(орьевны Цявловской) перед отъездом. «Расшифровке» Пешкова подлежат: список — замыслы — целый ряд рисунков. «Каков я был, так и ныне я...» etc., etc.

Читал Зап(исные) кн(ижки) Тынянова («Новый мир», № 8). Какой он светлый.

Из рассказов Ел(ены) Льв(овны) Даттель о Тынянове: «Елизавета, чтоб этого Брукнера больше не было»[1]

Уровень разложения общества изменяется не нижней, а верхней границей гниения. Не Михалковым и Баскаковым, а Дружининым и Бонди.

15 сентября

У Окс(мана).

Подл(ое) письмо Дми(трия) Дм(итриевича) Благого с требованием изъять из книги К. П. Богаевской[2] «Пушкин за сто лет» упом(инания) Гофмана, Оксмана, сборника «Окно» с публ(икациями) «К. Р.», загр(аничное) изд(ание) «Путешеств(ия) в Арзрум» и другого, всего 60 изд(аний), и 64 автора изъять.

Ю(лиан) Г(ригорьевич Оксман) добыл подлинник «Тынянов — мастер эпиграмм». Серия «идиотской энциклопедии а la П. К. Марьянов» «цвет интеллигенции (Тынянов, Оксман, Азадовский)».

Эпиграмма Тынянова:

Оставил Пушкин оду «Вольность»,
А Гоголь напечатал «Нос».
Тургенев произнес: «Довольно!»,
А Маяковский: «Хорошо-с».

Маяковский был очень смущен, узнав об этом, и говорил, что мыслил «Хорошо» как I ч(асть), а II ч(асть) — «Худо» (говорил Оксману). Георгий Маслов, поэт, друг Оксм(ана) и Тын(янова), был с Колчаком и погиб в 1920 году. Хорош(ие) стихи, альманах «Елань», 1919 год, Омск.

Поэма Некрасова «Светочи» — шумн(ая) публ(икация) в «Правде», 17 — 19 апреля 1929 года. Демьян Бедный, куратор — «находка в ивановово-знес(енской) типографии». Критик Ефремин (позже погиб в лагере) лютовал: кто против — враг (Д. Бедный, том XIV(!), 1930 год). Один Рейсер возражал. А меж тем экспертиза показала, что чернила советского приготовления etc. Спустили на тормозах. А написал эту поэму А. Каменский, мечтавший удружить власти (и Бедному: тот нажил денег; есть отдельное, масс(овое) издание), чтобы уехать. Однако Каменский был арестован и расстрелян.

Ю. Тынянов и Всев. Иванов. Последний был не прост и, перебывав кем угодно, явился к Горькому «не помнящим родства». Тынянов из «Серапионов» основательно дружил лишь с Зощенко и Всев. Ивановым. «Всев. Иванов — соловей, который не может петь по напис(анным) для него нотам» (Оксман). Рассказ «Сизиф» будто бы замечателен и вышел недавно где-то в провинции. Тынянов говорил в конце двадцатых, что Всеволод «не слышит музыки революции».

М. Гершензон нашел записки Жуковского рукою Пушкина, которые принял за пушк(инские) сочинения и напечатал «Мудрость Пушкина», после чего Гершензон в десяти тысячах экземпляров вырезал листы. В. Нечаева «открыла» и широко опубликовала «повесть» Белинского (1833), оказался же — «Тепляков-брат».

20 сентября

У Арк(адия Белинкова): читал мне из «Вех» «Спасибо власти, которая оградила...» Смысл не тот совсем, что придается: смысл, что интеллигенция так далека от народа, что, «борясь за него», вынуждена (как парадокс) радоваться защите штыков.

Задумал неб(ольшую) повесть о Томасе (Фоме) Кавендише.

23 сентября

Истории.

Пастернак пришел незадолго до смерти в Союз: «Где тут деньги дают?» Показали. «Напишите заявление».— «Прошу дать мне 5000 рублей».— «Напишите, для чего — для дачи» etc.— «Прошу дать мне 5000 рублей, чтобы жить».

Андрей Платонов работал дворником. Проходил Сергей Островой: «А, Платонов, здорово!» — «Здравствуйте, барин».

М. И. Гиллельсон[3] открыл автограф Пушкина — ядов(итую) заметку на полях «Дашковой»[4].

Читаю «Р(усскую) с(тарину)». На каждом шагу — тыняновские строки, слова, факты...

Мандельштам: раньше филология была вся кровь и нетерпимость, теперь филология — пся крев и боль нетерпимости.

24 сентября

У Т(атьяны) Г(ригорьевны Цявловской) в Болшево. Осень, тишь.

Ал. Толстого хотели брать. Он сказал: «Месяц у меня есть?» Месяц был, написал «Хлеб».

У Зильберштейна[5] дома — завал сокровищ. В частности, груда рисунков русских художников.

Лельчук рассказал, как он при Киме[6] «позволил себе», а тот назидательно рассказал о встрече Потемкина с Орловым на лестнице. Потемкин: «Что нового?» Орлов: «Да только то, что я иду по лестнице вниз, а ты — по лестнице вверх».

26 сентября

Ит(альянский) журналист: «Хрущев пытался в одном лице соединить правительство и оппозицию».

Де Голль: «Хрущев хотел пересечь пропасть в два приема».

М. Поповский в «Просторе» — тысяча дней Н. Вавилова. Вавилов сам выдвигал Лысенко: картина сильна, не пускали Вавилова за границу, обстановка эксцессий; Сталин, который сказал: «Браво, браво, товарищ Лысенко».

Гершензон[7], «И. В. Киреевский»: «Изумительное вступление о почвенности, а мы «с почвы на почву», чахлая гибкость или тирания традиций».

Записки Витберга[8] написаны рукою Герцена. Надо найти.

В прекрасной книге А. А. Формозова «Памятники первобытного искусства» есть смелые строки о русских («чужом народе»), разрушивших древние памятники дольмены. Я бы не решился так писать.

2 октября

Несколько дней — ничего. Споры с отцом о христианстве, в ходе которых я выхожу из себя и веду себя не по-христиански.

4 октября

У Пл(имака) о Чернышевском: «Тюрго»[9]. Есть гениальные мысли: мысль о закономерности создания «Камариллы», о том, что гибель государства и класса, его основывание необязательны, о естественности появления «лучших людей» из дворян, с одной стороны, maximum развр(ащающих) привилегий, с другой — maximum просвещ(ения)

Гефтер[10] — о том, что «не тем» занимаюсь.

Син(явский) и Дан(иэль) защищались; Син(явский) даже признавал, что в «стал(инской) природе» не все плохо, и обруш(ивался) на западн(ый) либер(ализм) «стариков и старушек», ничего не делавших, в то время как борьба «делалась». Дан(иэль) часто узок, наивен. Син(явский) отступает, но крутит, иногда фокусничает: на Западе (ругает) у либералов есть выход; на Востоке у нас — или за, или — иди в тюрьму.

Говорят, Дм. Еремин за большие деньги продает стенограммы процесса.

Арк(адий Белинков) интересуется теми, кто на него донес — «социологически» — без специфи(ческого) личного зла.

Последнее слово не ограничивалось — и при трех чл(енах) воен(ного) триб(унала) и двух человеках — 6 часов речь держал и усугубил приговор.

Куницын снят. Говорят, был из «простых» и проникся левизной, жалел шестидесятников, etc.

В «Гамб(ургском) счете» Шклов(ского): Вересаева нет. Его не пускают в город. Булгаков «у ковра». Победитель — Хлебников..

7—8 октября

Поездка в Переяс(лавль)-Залесск(ий) Мураново. Желтые листья — сквозь них голубое небо. Загорск. Суровый патриарх Пимен. Плещеево озеро, запах — в лесу. Прелые листья — чудный желтый клен.

История в юрид(ической) консульт(ации) ССП.

Тетя (!) ген(ерала) Игнатьева — кн. Е. Мещерская, которой 64 года (отец род. в 1822!!!). Отец завещал крупн(ое) собрание живописи народу. Мать Е. Мещерской (жива) вызвали к Дзержинскому: «Почему отдали за границу живопись?» — Все — дома. Записка: «Китти, отдай Мадонну». Отдали: «Мадонна» Ботичелли. Сейчас пожилая Е. Мещерская просит немного увеличить ей пенсию (45 р.), чтобы она могла написать мемуары (у нее изумительное собрание картин. Она не хочет денег).

17 октября

С. Кирсанов получил орден Ленина:

лечился в Париже от рака языка. Когда же обрел речь, громоподобно убедил французов (Арагон, Триоле), что они не правы в проц(ессе) Синявского.

Врач Домб(ровская) посетила Н. С. Хрущева. «Ну как?» (о происходящем). Н. С.: «Все — показуха!».

Закон от 22.IX. (охрана флага, герба, распр(остранение) слухов, сборища, etc.).

Около 20 октября Солж(еницын) посетил Аркадия (Белинкова).

— Как вам удалось это напечатать?

— Нет, как вам удалось?

Далее — несколько часов лагерных воспоминаний. Солженицын молод, весел. У обоих был один следователь.

30 октября

Встреча с Сашей П(ятигорским)[11]. Рассказ о Дандороне: в 1937 году аспирант I курса Ленинградского университета арестован с семнадцатью востоковедами — компания за пытки (сын крупнейшего духовидца-йога, наставника, etc.), 11 умерло, 6 остались. Жуткие следы пыток на теле. Утверждает, что уцелел благодаря йоге. Жена и двое детей; девочку трех лет — в детдом, потеряли документы, следы утеряны; мать в туберкулезе актирована из тюрьмы, в поезде близ Улан-Удэ умерла, мальчика схоронили рядом. (Важнейшее понятие для бурята сейчас — кандидат наук.) Меж тем Дандорон отсидел, на два месяца (1946 год) вернулся в Улан-Удэ), попутно сделав по приезде детей (в лагере и в самом Улан-Удэ), снова — 25 лет; община — во главе несколько монгольских лам (74—96 лет), высшего класса.

Община: I секретарь Калининского обкома; группенфюрер, убийца 3000 евреев; барон Ригель; польский журналист Вольдемар Кокошка, русские дворяне, etc. Всего 15 человек (Колыма, шахты, 12 часов работы, ночные беседы, воздержание). Все выпили (спали с отвратительной лагерной врачихой по очереди, ламы отпустили грех). После 1955 года Ригель — в Германии, получил и раздал большое наследство, служил санитаром у душевнобольных(!). Взаимное братство.

Мой замысел книги о Лунине:

I. Процесс; анализ процесса, статистика процесса, поведение Лунина.

II. Откуда брались такие типы? История «вольностей российских», история типажей.

III. Детство — юность; где-то в одном месте (может быть, сначала) — все анекдоты про Лунина!

IV. Переход от свободы I к свободе II; рискнул — решился! ограниченность исторической методы в этой части.

V. Ссылка (каземат, Урик, Акатуй...)

Точный анализ писем из Сибири.

23 октября[12] Солженицын выступал в ядерном институте — «второй раз выступал в жизни», читал «Раковый корпус» и «Первый круг»: сам работал в «институте» (Лефортово?).

Данину[13]: 1) письма Ивановского
2) об Алексееве
известные страницы
Пушкина

сюжеты: Екатерина II? Харьковское общество? Пичугин? Бахметев? «Черный кабинет»?

11 ноября. Мысли, возникающие при разговорах: о структуре общества; узкая группа «выражает интересы» правительства. Затем (Екатерина II, Хрущов) — дворянство... Затем — земство, дума. Видимо, будут местные Советы с несколькими кандидатами.

Эк(ономическая) основа: Екатерина II — дворянство получило свое, размежевалось с государством.

Но форма ненормальная — катаклизмы... Упадок изобр(азительного) искусства, etc.— XIX век — тяга к временному...

Нейгольберг[14]: на идеол(огическом) совещании в записках спрашивали, когда арестуют Солженицына (некто Струуа заявил — «Я сталинист», Демичев смягчил страсти...)

В газетах, в связи с 25-летием Моск(овской) битвы, много вспоминают о параде 7 ноября, есть — о Сталине, etc.

Ленинград. Ноябрь. Туман... Тихий, безлюдный Петровский сад.

Новеллы:

И Дымшиц там на курьих ножках,
Погрома жаждущий Еврей...

Шахнович — директор антирелигиозного музея — «противоеврей».

Мысль при разговоре: декабристы раскалывались — не было общей идеи, не было веры, твердого устоя, уверенности. И вот в каземате этот устой подсунут властью — искренность, чистота, раскаяние. Лунин же — все видел и ранее...

21 ноября

На Васильевский остров. 10 минут езды с красивой Мариной Саллинской — к ее бабушке, 91-летней Наталье Ипполитовне Алексеевой. Энергичная, высохшая, уже слепая старуха. Пережила блокаду, лишь в конце ее — в Воткинск, на родину Чайковского.

Вынесли темный красный граненый бокал с изображением женщин в старинных костюмах — из него якобы пил Пушкин.

Что она помнит?

1) с ее семьей беседовали Лернер, Гофман, Модзалевский. Гофман бывал «у моей belle-mere»: с Зильберштейном меняла квартиру.

2) подорожную с эмблемой Константина и подписью Вигеля сдала в Пушкинский музей,

3) ни Лобанова, ни Анненкова не помнит...

4) у Ник(олая) Степ(ановича) (старшего брата) было имение, 500 десятин, в Козл(овском) уезде Тамб(овской) губ(ернии). Вообще они записаны в VI книгу Моск(овской) губ(ернии) (может быть, в Тамбове что-то есть?),

5) Анд(рей) Степ(анович) был деспот, etc., имел имения в Новгороде, Олонецке, Вологде, бывал в Париже 1814 года, был комендантом городка Коммерси(?)[15],

6) сестре возвращена Степановка — деревня Холоновало (Хольново),

7) тетрадь, Алексеева вспоминает, читала ее,

8) сдавала свою иностр(анную) библиотеку в начале двадцатых годов в БАН (Пикешину, etc.) Надо спросить в ак(адемии). Были письма Киселева и Алексеева и, может быть, другие?

9) Полный рассказ Лунина о записках Н(иколая) С(тепановича), из которых следовало, что Н. С. сопровождал Грибоедова в первом персидском вояже (?)[16]. Записки, как и многое другое, пропали еще до революции,

10) родня были Киселевы и даже Волконские,

11) отмечает, что «прежде как-то не так интересовались...»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Даттель Е. Л., музыковед, была дружна с Ю. Н. Тыняновым, нередко приглашала его на симфонические концерты. Фраза сказана после посещения концерта из произведений Брукнера.

[2] Богаевская К. П., литературовед, библиограф. Ее книга «Пушкин в печати за 100 лет» — библиографический справочник.

[3] Гиллельсон М. И. — историк литературы, пушкинист.

[4] Речь идет о заметке Пушкина на полях «Записок» Е. Р. Дашковой, где она пишет о посещении ею лионской оперы и рассказывает, как в отведенной ей ложе оказались незнакомые дамы, которые «так и не сдвинулись с места». Княгиня Дашкова, несколькими страницами ранее восхищавшаяся умом и интеллектуальным блеском Дени Дидро, называет этих женщин «наглыми». Пушкин подчеркивает это слово и иа полях не без яда отмечает: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор (то есть Дашкова.— *Ю. М.*) восхищается, так бы не выразился» (М. И. Гиллельсон. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977). Позже в своих книгах о Пушкине Н. Э. использовал этот эпизод, разумеется, со ссылкой на Гиллельсона.

[5] Зильберштейн И. С.— историк литературы, публикатор-коллекционер, один из основателей «Литературного наследства».

[6] Ким Максим Павлович, историк, академик. Лельчук В. С., однокашник Н. Э. по историческому факультету МГУ, ныне доктор исторических наук, в то время работал в Институте истории АН СССР вместе с Кимом.

[7] Гершензон М. О. — русский философ и историк общественной мысли.

[8] Витберг А. Л.— русский архитектор и мемуарист.

[9] «Тюрго» — статья Н. Г. Чернышевского (1858 год); «камарилла» — одно из написаний слова «камарилья». Речь идет об окружении Людовика XVI.

[10] Гефтер М. Я.— историк и общественный деятель.

[11] Пятигорский А. М., профессор Лондонского университета, друг Натана со школьных лет. Дандорон, друг Пятигорского, был вторично арестован в 1972 году, когда в Бурятии арестовали всех будологов. Его арест повлек за собой отъезд в 1973 году Пятигорского.

[12] С датами никакой путаницы, просто Натан пишет о событии, произошедшем именно в этот день.

[13] Речь идет о темах для сборника «Пути в незнаемое», созданного и руководимого Д. С. Даниным.

[14] Нейгольберг В. Я., сокурсник Натана, в те годы работал в Институте социологии.

[15], [16] Вопросительный знак поставлен Н. Э.

[17] Рейсер С. А., доктор филологических наук, историк русской литературы, жил в Ленинграде. Всякий раз, когда Н. Э. приезжал в этот город, ои в первые же часы звонил Рейсеру и непременно виделся с ним, очень ценил его рассказы.

[18] Н. Э. любил рассказывать этот эпизод из жизни Я. Л. Барскова, который незадолго до революции скрывал на своей квартире какого-то человека, ему совершенно не знакомого (по просьбе племянника). Барсков отзывался об этом человеке так: «Вроде бы неплохой человек, но очень странно ведет себя во время споров. Я ему говорю: «Так и так». А он: «Нет, так и так». Я: «Но ведь очевидно, что А больше Б». Он: «Конечно, больше, но все равно, я прав». После революции Барсков узнал, кем был его временный квартирант, и, вероятно, благодаря Молотову уцелел. (Воспроизвожу этот эпизод по памяти.)

[19] Кутейщикова В. Н., критик, жена Л. С. Осповата, однокурсника и друга Н. Э.

12) предания помнила, но забыла: Z. B. сообщает, что Пушкина и Алексеева звали Орест и Пилат.
Похоронены Соф(ья) Ив(ановна) и другие на Смол(енском) кладбище, но нет ничего.

23 ноября

У С(оломона) А(брамовича Рейсера)[17].

1) Рассказ об Я. Л. Барскове. Последний указ Николая II — Барскова в сенаторы. Из поморов, налетчиков, тайный советник; племянник — шелопут, революционер, попросил скрыть на квартире, спорил с жильцом, полиция предупредила вежливо, то был Вячеслав Михайлович Молотов[18].

В Публичной библиотеке (Барсков) — массе рассказывал...

Один из рассказов: на докладах Александр III любил поговорить об истории. Однажды запер дверь: «Кто же такой Павел I?»

— Прошу простить, но, вероятно, чухонский мальчик, в лучшем случае — графа Салтыкова.

Александр III: «Слава Богу, значит, есть надежда, что во мне хоть чуть русской крови».

2) Свердлов писал (1917 год, письмо издано где-то), что В(и)с(сариону) по-прежнему руку не подаю (сибирская ссылка, и В(и)с(сарион) пожаловался, подозревали, что служит...)

3) Виардошка то жила с Тургеневым, то нет, но держала его крепко, да старику и податься было некуда.

4) Щеголев зажал архив Петропавловской крепости. Вдруг М. Н. Покровский: «Архив-то надо отдать...» П(авел) Е(лисеевич) не хочет... М(ихаил) Н(иколаевич): «Да чего уж, чекисты-то в подъезде...» — «Ах, черт». Звонит: «Валя, отдай им ящики внизу».

Валя — блоковская Валентина...

Знач(ительную) часть архива сын разбазарил.

Б. Л. Модзалевский не прошел в ак(адемики), потому что Ольденбург знал, что он не знал французского.

5 декабря

Истории последних дней.

В. Тельпугов созвал авторов «письма 63-х» и советовался, как реагировать на зап(адную) печать. Резкие выступления (Аникст и др.): «Мы вам говорили: допущены ошибки!» Ильин-Богуславский: «В командировку в Италию мы вас не пошлем... Туризм — пожалуйста!» Аникст: «Ага! Репрессии... — а к вам репрессии применяли?» (Ильин 10 лет сидел).

Солженицын на обсуждении своей повести: Карякин упрекнул (и Солженицын взволновался), что Русаков — «потерянный человек», что нет того взгляда на стукача, что есть в Иване Денисовиче: «Дрянь, а человек все-таки».

Солженицын все время записывал, но за Кедриной записывать подчеркнуто не стал.

В Институте Азии, выступая, отвечал о Кедриной: «Да, говорила что-то...»

На обсуждении Б. Сарнов после Кедриной — Шкловский писал: «Булгарин не губил Пушкина. Он давал ему руководящие указания...»

Березко прервал: «Ну зачем же сравнивать советского писателя с агентом III Отделения». Ел. Мальцев защищал Кедрину...

9 декабря

Чудесная острота Светлова в «Лит. газету»: «Смерть — это присоединение к большинству». Его же: старость — это когда половина мочи уходит на анализы.

Рыба и еврей. Отличие: рыбу не режут ножом.

Без необходимого могу, но нельзя — без лишнего!

Карякин, Плимак, etc. Дискуссия о Достоевском. Наивно, интересно. Мысль: пророчество поэтов-писателей, знаменитых в древности, сейчас — пора!

Аббат Гальяни в 1774 году (Пушкин об этом — XIII, 286) (Пушкин. Письма, II., 1928, стр. 170): «Знаете ли вы мое определение того, что такое высшее ораторское искусство? Это — искусство сказать все — и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить все».

12 декабря

Знаменитый Генри Фэрфильд Осборн, профессор Колумбийского университета, в своей книге «Человек древнего каменного века» (ЛИФ, 1924) в предисловии благодарит, среди всех коллег, живых и мертвых, стр. 13: «С особенным удовольствием выражаю мою признательность художникам ныне исчезнувшей кроманьонской расы, из трудов которых я старался извлечь рисунки, относящиеся к жизни животных и людей каменного века» (затем идет благодарность Брейлю).

Седоватый шофер такси мне рассказывает: был офицером, февраль 1943 года, Карелия, немцы окружены и сами полуокружены. Целое подразделение (70 человек с обер-лейтенантом) «добровольно» сдались. Но надо уходить, приказ — расстрелять пленных; не спал, отпустил. Ребята обещали молчать. Его — к расстрелу. Но 52 из 70 немцев... пришли. Расстрел отменили.

16 декабря

Доклад во 2-й школе: ребята спрашивают о закономерности гибели цивилизаций, депрессии их, etc.

29 декабря

День рождения Веры (Кутейщиковой)[19]. Затем — у Цявловской. Прелестная новелла о сафьяновом альбоме из особняка Лобанова-Ростовского, который взял П. С. Шереметев (а свидетельствовала одна дама, вздыхавшая по П. С.), в Караганде — Н. А. Раевскому, а тот Т(атьяне) Г(ригорьевне). Т. Г. связала Василия Павловича Шереметева с Натальей Борисовной Волковой, и, может быть, найдется сафьяновая тетрадь с автографом «Запретной розе» (Лобановой-Ростовской, которую муж «не трогал»). Прелестные детали, сообщенные Татьяной Григорьевной. Василий Павлович Шереметев не продавал драгоценных портретов: «Это мои предки!» Подарил Рембрандта в Музей изящных искусств: «Чую, кисть не Рембрандта!»

30 декабря

За последние дни несколько интересных встреч.

С Юлианом Григорьевичем (Оксманом):

1) О переговорах Горького — Сталина: летом были переговоры — от Горького Луппол, от Сталина — Щербаков, Уч(аствовали) Каменев, Бухарин (Киров, но потом прекратил). Каменев верил в искренность Сталина; Ю. Г. сомневался, но Лев Борисович настаивал, что все в порядке. Горький жертвовал Зиновьевым, видимо, Блюхером. После 1 декабря все прекратилось. Прекратились встречи Сталина с Горьким (бывали ужины, Ю. Г. именовался «профессор». Ю. Г.: «Ах, какое время, и номер, и должности в Москве»). Получил фактически безотчетно 200 000 руб., которые тратил не он один, а потом писал общую расписку. Позже, на допросах, пытался Ю. Г. сам рассказать следователям, но те не слушали.

2) Арест Ю. Г. 5 ноября 1936 года. Накануне в Москве Кржижановский и (неразборчиво — *Ю. М.*) (Академия) отговаривали его ехать в Ленинград («Вас могут арестовать!!»). Рассердился, поехал — на лекции, etc. Вечером пришел, выложил на стол покупки (100 писем Чехова и материалы Гумилева; потом ими подторговывала вдова расстрелянного следователя). Сел ужинать. Звонок. Пришли... Потребовал санкции прокурора. Смутились: «Согласовали», но поехали. Ю. Г. с женой демонстративно ужинали, даже пригласили чекиста. Потом вернулся 1-й: «Какие вы все формалисты...» — положил санкцию. Наивная мечта Ю. Г.: «Месяца три посижу, отдохну»... Просидел 5 лет. Потом — переезд (спровоцированный разговор о Бухарине). Ю. Г. отрицал виновность — председатель суда откровенно: «Сейчас, в 1942-м, вас выпустить нельзя, после войны — можно будет. Мы знаем, что вы невиновны, но... положение ваше глупейшее...»

4) Эпиграмма Радлова на Н. К. Козмина (член-корр., старик, специалист по Надеждину):

На Надеждина Козмин
Все надежды возложил,
Но Надеждин Козмина
Безнадежно подкузьмил.

Рассказывают, что Сталину представили труд историков о происхождении Петра I от гостившего в России грузинского царевича. Резолюция Сталина сохранилась: «В архив. Не печатать. Руководитель принадлежит той нации, которой он служит».

Фото А. Эстрина

1967 год

27 января

Давно, в сущности, не записывал. Суета. В Москве аресты. А. Гинзбург, А. Добровольский и др. Гинзбург собирал коллекцию нелегальщины, собрал «белую книгу» о прессе, разослал ее,

расписался. Его вызвали — он был дерзок, etc. Обыск, затем — арест.

«Письмо 72-х» — против статьи $190^{1,2,3}$ (Некрасов, Капица, Леонтович, etc.) Ю. К. Борисова[1] должна была выступить против (на сессии РСФСР), но не выступила. Принято единогласно.

Поразительно, что Толстой в 1909 году искренне признавался, что не помнит содержания «Анны Карениной» («Наука и жизнь», 1967, № 1, с. 155).

14 февраля

Рассказ о С. И. Кавтарадзе

1. Берия, затем Сталин — «Ты хочешь убить Кобу?»

2. Взяли, полковник, записка: «Сосо! Я в тюрьме, узнай, в чем дело».

3. Берия вызвал, пригрозил. Берия повез его на 20 минут домой... размяк.

4. Объяснил Сталину, что Кавтарадзе изолирован от «банды», которая хотела его сначала втянуть, затем убить.

5. Финальные ночные переговоры на квартире С. И.[2].

Конан Дойл считал, что приключения с книгой куда интереснее, чем реальная охота на китов, слонов, etc.

27 февраля

Плимак о Шлоссере и Чернышевском. Чернышевский — герой: понимал, что рахметовых уничтожат вскоре после революции, ирония... но все же шел на революцию.

А. К. Гладков. О Пастернаке.

Естественность Пастернака — не подписал протест против А. Жида: «Не читал книги». Возмущение: «Подумаешь, не читал! Я тоже не читал!» В октябре 1958 большинство исключавших тоже не читало Живаго.

13 марта

— Кто виноват в гибели Цветаевой? Пастернак:

— Я.

Другие по живому следу
Пройдут твои путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

— Откройте окно (последние слова).

11 марта[3]

1. Рассказ Н. Ильиной о Корнее Чуковском: когда высадился в Англии, впервые почувствовал, что ни в чем, ни перед кем не виноват.

2. Из «Дневников» Роллана: встреча с А. В. Луначарским (лето 1917 года?). Кто «грядущий жених»? Л(ев) Д(авыдович Троцкий) решителен, властен, но непопулярен (не объединит, интриган, etc.).

Мартов — кристаллен, честен, слишком мягок, etc.

В(ладимир) И(льич) — среднее, и он будет.

3. Сообщили о том, что Светлана Сталина попросила убежища в Индии, etc. У нее был муж, член ЦК ИКП. Брак не утвердили, он умер, за границу не пускали. С трудом добилась: написала «Письма индийскому другу». 300 стр. Об отце. Мысль: дочерняя теплота плюс понимание отцом содеянного с христианско-буддистских позиций.

Когда отец умер, отметили у него молодое тело.

Ахматова рассказывала Н. Ильиной: за что на Борисе (Пастернаке) мученический венок, он был «за», принимал многое (спор о мученическом венке — кому).

4. Находка рукописи Нащокина у Елены Петровны Подъямпольской.

9 апреля

В середине марта в Москве — А. И. Солженицын. К Аркадию (Белинкову) визит. Весело нервен, подавлен. Не печатают — 70 печ. л. «Все свои книги уже написал...», подумал: «Кроме одной».

12 марта на выборах корреспонденты ожидали Никиту Сергеевича, голосовавшего за Косыгина. Весел, поздоровался с Шапиро:

— Я и раньше жил прекрасно, а сейчас лучше... С внучатами...

— Воспоминания?

— Нет.

— Но ведь история...

— История как-нибудь без меня обойдется.

Процесс Хаустова (рабочий) — за демонстрацию у памятника Пушкина. Разговор о Руссо, о высказывании любого мнения об английской пенитенциарной системе. Адвокат Калистратова требует оправдания. Дают высшую меру по этой статье — 3 года.

28 апреля

Эвери Брендидж и прочие «олимпийцы» были в Грузии, захотели в Гори, провели, все готово, но укрыто (как сам Сталин). Экскурсовод просил: «Нагибайтесь... нехорошо, чтоб видели». На витрине письма Сталина Светлане с подписью «Твой папусик».

(Бегство Светланы, гибель Комарова, процесс в Нью-Орлеане, переворот в Греции, тайна янтарной комнаты, чудеса в открывании науки.)

28 апреля выехал на Украину.

29 апреля — потрясающий вид на 110—125 км от Львова: зеленые листки, снег на северной стороне, обрывы, низкая горная растительность, убогий храм.

Impression

Ужгород — Цегальнянская улица, розовый дым, туман сакуры, айвы, зеленый влажный аромат, тихая бесконечная Мукачевская улица, зелень и замок.

Одесса.

Смесь: спешит по улице старый еврей в жилете в адресный стол, сына убили в Париже, спрашивал чей-нибудь знакомый адрес: никого!

Ленивые, крикливые женщины, тысячи еврейских детей, которые суют в рот бумагу, грязноватая роспись всего — и гостиниц, и жизни, вечный огонь потемкинцам, вежливое подробное объяснение улиц: южная естественность, которая дает в одной смеси талант Бабеля, Ильфа, в другой — усовершенствованное мещанство.

С трудом нашел «одесское»: 1) аптека до 9 часов, дежурит по ночам, 2) троллейбус с «не тем номером», но все знают, лезут, etc.

20 апреля

Узнал об отставке Семичастного и назначении Андропова. Важное событие в ряду многих куда более отложившихся в сознании параллелях русской истории сверху.

«Новый мир», № 3. Катаев, как прежде Тарасенков, хвалит и в то же время как-то сами не понимают своей запоздалой хвалы Бунину. Беспокоит их его

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ю. К. Борисова — актриса Вахтанговского театра.

[2] Этот рассказ — из серии любопытных историй Натана об удивительных, порою фантастических судьбах людей в сталинское время. Натан часто в разных компаниях обращался к этим сюжетам. Однажды о Серго Кавтарадзе, близком друге Сталина по большевистскому подполью, он начал рассказывать в присутствии М. М. Козакова, и тут неожиданно выяснилось, что первая жена М. М. была внучкой этого человека. Тогда они вдвоем, перебивая друг друга, принялись излагать эту историю, которую я вкратце попробую воссоздать.

Сталин начал истреблять своих соратников, дошла очередь до Кавтарадзе. Тот сохранял наивность и сумел убедить полковника, ведшего допрос, передать Сталину записку: «Сосо, я в тюрьме, узнай, в чем дело». Естественно, никакого ответа он не получил. Однако в 1942 Сталин вдруг спрашивает Берия: «А где мой друг Кавтарадзе? Хочу его видеть!» Берия немедленно из какого-то лагеря доставил Кавтарадзе самолетом в Москву, прямо в свой кабинет, где переодел его и повез к Сталину. Кавтарадзе, к тому времени уже потерявший наивность, не обрадовался встрече со старым другом, а испугался, решив, что будет еще хуже. Он не смог выговорить «Сосо» и обращался только «товарищ Сталин», правда, тот его не поправил. Но обратил внимание, что Серго ничего не ест и с угрозой спросил: «Ты что, в моем доме не хочешь принимать пищу?» (у кавказцев в доме врага не едят). Вконец испуганный Кавтарадзе через силу принялся есть.

Тем не менее все окончилось благополучно, и Кавтарадзе назначили заместителем министра иностранных дел. Он сидел тихо, даже квартиры не просил, продолжал жить в коммуналке, где-то за елисеевским магазином.

Сталин еще несколько раз приглашал его к себе и как-то спросил: «Серго, а почему ты меня к себе не зовешь?»

— Да я с радостью, товарищ Сталин,— забормотал Кавтарадзе.

— Замечательно. Сейчас и поедем. Звони домой.

Было около пяти утра.

— Товарищ Сталин, у меня нет телефона.

— Что? — и так глянул на кого-то в комнате, что того как ветром сдуло.

— Ничего, Серго, не беспокойся, мы все с собой привезем.

Приехали, во двор въехать не получилось, пришлось вылезать из машин. Во дворе рабочие таскали ящики. Увидев Сталина, не удержали ящики, и вся земля оказалась усыпанной сосисками.

Соседка долго не открывала запертую на цепочку дверь. Потом во дворе рассказывала: «Этот Кавтарадзе совсем из ума выжил, приходит под утро и тащит с собой портрет Сталина».

Через несколько минут появились какие-то мальчики, накрыли стол, провели телефон. Кавтарадзе разбудил жену, дочь.

— А, это ты, пионерка Майя Кавтарадзе? — спросил Сталин девочку.

Оказалось, что когда отца арестовали, она написала письмо вождю, уверяя, что отец ни в чем не виноват, и подписалась: «Пионерка Майя Кавтарадзе».

Вот какую историю рассказывал Натан, опираясь на несколько дневниковых строчек (а сколько колоритных деталей я опустила и, наверное, не все помню).

[3] Здесь или перепутана дата, или Натан записал рассказ Н. Ильиной, относящийся к их встрече именно 11 марта. Такие перестановки нередко встречаются в его дневниках.

Публикация и комментарии Ю. МАДОРЫ

существование. Перечитал вступительную статью Тарасенкова к стихотворениям Бунина в «Библиотеке поэта». Два момента замечательные: «Как это ни парадоксально, на первый взгляд, несмотря на свои тягчайшие идейно-политические заблуждения, Бунин не смог до конца растратить свой огромный талант художника-реалиста».

И статья обрывается на обличении «ржавчины пессимизма, роковой безысходности» и приводится «петух на церковном кресте». Дальше следовала бы сентенция, но.. статья обрывается смертью и нечаянно стала лучше..

Взгляды

1. Взгляды складываются и отвердевают. Проходят стадии мягкой и застывшей глины.

2. Интересно исследовать это и литературно жизненно, и научно (мозг. связи временные, становящиеся постоянными, затвердение). Наука нащупывает сознательно, человеческий опыт, литература давно это сделали интуитивно. Ситуация такова, что надо начинать с интуиции, наука подоспеет..

3. Взглядами я называю систему аксиом. Вернее, субъективных аксиом, потому, что на самом деле аксиома для одного, вовсе не аксиома для другого. X может быть палачом, A — мотом, У — фанатиком идеи, Z — обывателем, но каждый исходит (чаще всего подсознательно) из нескольких существенных аксиом, которые обычно не обсуждает как заданное, само собой очевидное (аксиомы отношения к труду, семье, нации, расе, самому себе). Выявить аксиомы интересно. Попытаюсь. Чаще всего аксиомы принимаются бессознательно, без формулировки, без подозрения, что они существуют. Они в подсознании и закрепляются сознанием. Реже осознанно, сознательно, обдуманно: «Я живу по таким-то правилам, ибо они верны».

4. В каждой системе аксиом есть свои понятия о добре и зле. Чудесный человек — по одной системе, ужасный — в другой.

Палач — семьянин, щедрый, веселый; угрюмый — добрый, свободолюбец; они будут спорить, драться, но в основном один не поймет другого. Каждый будет вжимать в партнера свои аксиомы, не догадываясь, как правило, что аксиомы не доказуемы и не опровергаемы. Впрочем, сложность в общих аксиомах.

5. К аксиомам подстраивается многое: строятся сложнейшие тезисы, новые открытия, и мысли аксиомы гнут в прокрустово ложе своих систем, иногда новые факты сотрясают (даже ломают, о чем позже). Но без линии выстраиваются в единую геометрию: фундамент — аксиома, здание — мировоззрение, жизнь и т. п.

6. Каковы же аксиомы, группы их? Надо: а) выявить главные сферы человеческого существования; б) найти соотношение общественного и личного в каждой системе.

7. Я начинаю с личности: не с государства, не со слоя, группы, класса. Это будет... Но в конце концов мой старый, добрый «антропологизм» оправдан не менее, чем абстракция товара в «Капитале».

Начнем с личности (анекдот об Алехине) — это целый мир, система; ее социальные, семейные, etc связи громадны и.. относительны. Горе ближнего ужасно, но насколько ужаснее свое (своей семьи). Каков я ни альтруист, не будь меня — не будет и моего альтруизма. Чтобы сохранить альтруизм — я эгоист, эгоцентрист; и каждый — не по злобе, а потому, что создан отдельным, единичным, как ни грозит обличением: твое горе уже есть эгоизм, не будь меня, не было бы горя... если бы мы были нечто вроде колонии кораллов (и то, не знаю), а так, **миллиарды личностей**; каждая имеет систему аксиом. Каких же?

8. Что определяет главные черты жизни любого:

Свое понятие о сохранении системы именно личности. а) физиология (полов; еды; склонность к женщинам; участь; сложность); б) среда в несколько кругов — семья, слой, класс, нация, раса, etc.

Я. Аксиома личного, физического сохранения (неразборчиво — *Ю. М.*)

Аксиома воспроизводства рода (любовь, семья)

Аксиома регулируемого отношения со своим слоем, классом (трудового — товарищеского).

Аксиома регулируемого отношения с другими общественными объединениями и категориями (подумать: тут непросто).

К 17—20 годам.

1. Физический (половой) комплекс: многое определяется в аксиомах этого рода (люблю таких женщин, признаю то или се в семье, любви).

2. Любовь и голод, физиология трудовая (создав) национальная etc. (осознав)

Очевидно, чисто индивидуальные качества (физиология) сплетаются с коллективной физиологией (в зависимости от того, частью какой системы некто себя сознает; если никакой, то он член общества людей с «никакой системой» — антихристов, антисемитов, etc.).

Личиая физиология (мозг) закрепляет все.

Надо: 1) группировать аксиомы по теме, 2) по сути, 3) сформулировать свои аксиомы.

Мои аксиомы: I. Я. II. Другие люди. III. Окружающий мир.

1. Труд (на себя или нет)

2. Существенными сферами человеческой жизни я считаю:

1) **мысли, взгляды, чувства человека к себе самому.**

2) сфера семьи — любовь, дети, родители; 3) сфера труда; 4) сфера своего слоя, класса; 5) сфера «земляческая», национально-государственная, расовая (политика, нация); 6) сфера общественная, что есть уже возвращение к личности, ибо единственная объединяет всех.

Мысли

а) История аксиом.

б) Продемонстрировать на определенном человеке: 1. Пушкин, 2. Мицкевич.

3. Природа споров, когда все не правы и правы

Что же такое философия, религия, вера, это и есть мировоззрение, аксиомы плюс темперамент.

Чудный пример: людоедство — вегетарианство.

Движение социальной мысли в XVIII — XIX веках: человек — человечество, затем — нация, раса, затем — слой.

Пушкии	**Мицкевич**
Личное (Z. B. писал стихи — неплохо) а) Инстинкты (женщины, еда, сон, etc.)	(— — —) Инстинкт сохранения, на них аксиомы эгоцентризма, важности собственной личности, самоуважения, заботы, etc.
б) Некий общий взгляд на себя (комплекс полноценности, как Z. B. «Я гениален», вера в собственую исключительность)	

Семья несет элемент принципа уважения (инстинкт+разум).

Профессионально-дружеский (клан) — известная тебе часть твоего слоя:

доброжелателен,
равнодушен,
недоброжелателен,
вера в исключительность клана.

Слой — дворянство, предки.

Раса, нация, государство; Россия, Польша.

Человечество.

Но расследовал не полностью, где же взаимосвязи.

Эйхман — Швейцер

Фото А. Гусева, монтаж М. Мелисова

...Если ты, свободный от предубеждений рассудка, вникнешь в эту идею, предчувствие оттолкнет тебя прочь, как от пропасти. Начало прозрения — о, отнюдь не научного, но глубокого и какого жуткого!

Даниил Андреев

К. Касьянова

Представляем ли мы, русские, собой нацию?

Эта статья написана через десять лет после завершения автором книги «К вопросу о русском национальном характере». Книга до сих пор не издана. Сначала о публикации не могло быть и речи потому, что подход к теме никакого отношения не имел к марксизму, то есть именно был не антимарксистским, а просто разворачивался в иной плоскости. Да и сама тема не вызывала у издателей энтузиазма, ибо, как известно, шли мы тогда к однородному обществу без всяких там классов и наций, каковые все должны были вот-вот слиться в невиданной однородной общности счастливых людей.

Интереснее другое: и в пору всеобщей гласности книга не пришлась ко двору ни левым, ни правым, ни почвенникам, ни западникам. «Русские не сложились в нацию» — это же оскорбительно для гордости великоросса, готового поступиться коммунистической идеей, но никак не статусом авангарда всего человечества. «Россия не должна слепо копировать западные модели, ей есть что сказать миру»,— тут же нахмурится западник, подозревая, что его опять толкают на тупиковый третий путь, искусственно отторгая от вершин европейской цивилизации.

Эта книга — исследование. Ее основу составляет сравнительный анализ ответов на знаменитый многостраничный социально-психологический тест MMPI — ответов «среднего американца» (такая средняя выведена уже давно, ибо тест очень популярен и многократно использовался) и «среднего русского» (такая средняя выведена самим автором на основе множества опросов). Отклонения «среднего русского» оказались весьма не случайны и дали исследователю материал для нетривиальных интерпретаций известных и малоизвестных черт русского характера: терпения и «взрывоопасности», социальной интровертивности и правдоискательства, своеобразного механизма целеполагания и не менее своеобразного — внутреннего контроля.

Одновременно эта книга — раздумье теоретика над прервавшимся процессом складывания нации. Именно такой, для многих неожиданный, поворот сюжета сделал ее чрезвычайно актуальной сегодня. Потребность в самопознании и самоопределении — одна из самых жгучих потребностей нынешнего дня.

Предлагаемая статья написана как бы «по мотивам» книги, к которой наш журнал еще не раз вернется. Тема статьи достаточно дискуссионна, и мы будем рады услышать голоса читателей в этой открывающейся дискуссии.

Мы, русские, большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой. Это не вызывает ни у кого сомнения. А вот сложились ли **мы** в нацию — пока еще вопрос. И ответить на него можно, только прояснив, что же мы понимаем под «нацией».

В обыденном сознании «этническое» и «национальное» часто вообще слабо различаются, а иногда употребляются как понятия взаимозаменимые. Но вообще-то принято считать, что «нация» — это определенная стадия в развитии «этноса». Вопрос, поставленный в заголовке, следовательно, формулируется теперь так: достигли ли мы, русские, в своем развитии стадии нации или находимся пока, по выражению Герцена, на «донациональном уровне»?

На протяжении своей истории каждый этнос претерпевает весьма крупные изменения, они обусловлены изменением среды его существования, как внешней, так и внутренней. Начинается каждый этнос с кровнородственных связей — с рода и племени. Семья и союз семей, связанных родством и свойством,— вот его основа, простая и ясная.

Но развивается хозяйство, умножается население, и племена начинают закреплять за собой землю, пастбища, охотничьи угодья. Первоначально селятся вместе родственники; постепенно, со временем войны, стихийные бедствия, миграции начинают перемешивать население. Все больше чужих, пришлых людей поселяется вперемешку с родственниками, системы кровнородственных уз ослабевают, перестают чувствовать себя «своими» люди, связанные отдаленными степенями родства. И тогда возникает необходимость выработать какие-то новые культурные скрепы взамен прежних, родственных. Если они не будут выработаны и на месте бывшего племени не сформируется устойчивая территориальная общность (община, марка), то первая же волна нашествия иноплеменников сметет ослабевшее этническое образование и рассеет по лицу земли потомков племени, просуществовавшего, может быть, сотни или даже тысячи лет. И уже через несколько поколений эти потомки забудут свой язык, обычаи, песни, войдя в состав других образований.

А если община сформировалась, значит, произошла некоторая трансформация тех социальных связей, которыми держится этнос. Это уже не только и не столько ощущение кровного родства, сколько общность территории, занятий; участие в одних и тех же событиях и обрядах; со временем сюда добавляется общность прошлого, могилы предков, приверженность одним и тем же, веками освященным традициям, эпос, фольклор. Все это существовало уже и в родовом обществе, но там оно играло как бы второстепенную роль, роль подкрепляющих факторов. Здесь же выходит на первый план и приобретает решающее значение.

Такая территориальная община продолжает культурную традицию, взаимодействуя с другими общинами как целое, как живая клетка, способная к развитию в истории. Со временем место прежнего племенного союза занимает государство. И поскольку наряду с центростремительными тенденциями в таких государственных образованиях всегда существуют и центробежные (этнос расселяется на большой территории, связи между отдаленными общинами начинают слабеть, возникают диалекты, вариации традиций и обрядов), то вырабатываются способы подкрепления единства этноса, использующие новые явления,— прежде всего разделение труда, порождающее торговлю, ремесла, города. На обширный единообразный слой земледельцев (или скотоводов) как бы нарастают сверху еще один за другим несколько слоев, гораздо меньших, но часто более активных. Они отличны от первого и друг от друга по занятиям и образу жизни, но сходны по многим культурным характеристикам, поскольку корень у них у всех один — все они формируются из выходцев, отпавших разными путями от основного слоя. Эти-то новые слои, поддерживающие живые и устойчивые связи внутри себя и друг с другом, способствуют объединению, развивая торговлю и связь, транспортные пути и органы управления, наконец, общенародную культуру на основе этнического фольклора в разных его вариантах. Так этнос продолжает существовать уже как сословное общество.

Но динамические процессы продолжают умножаться и ускоряться. Промышленная революция и урбанизация приводят к очень активным миграциям, массы населения начинают перемещаться из сел в города и из одних городов в другие, из страны в страну. Возникают сезонные миграции и постоянные миграционные потоки. Урбанизация разрушает устоявшийся образ жизни и социальные связи.

До сих пор общество развивалось и стабилизировалось на основании так называемого «обычного права», то есть права, установленного на обычае. Обычай же, как и традиция, весьма надежен, устойчив, но изменения в нем не могут происходить быстро. Он модернизируется и трансформируется, конечно, но страшно медленно, веками, уж во всяком случае десятилетиями. Обычай держится авторитетом предков, многих поколений предков. Его сила — в его древности. Обычай, установленный несколько лет назад,— это вообще еще не обычай, просто конвенциальная условность, которую можно принять, можно и отменить. Как современный юридический акт, только без сильного механизма, обеспечивающего его выполнение, каким располагает современное государство. Обычай обеспечен только общественным мнением и моральным чувством.

Активная миграция и социальная мобильность отрывают целые массы населения от устойчивых социальных систем (общин, ремесленных и торговых цехов и гильдий, феодальных дворов), выводят их из-под влияния общественного мнения более или менее стабильных социальных кругов. «Аутсайдеры» в прежних обществах были исключением и вдруг превращаются в массы. И прежде крестьяне уходили на заработки в города и могли жить там годами, а некоторые даже оставались там навсегда, но все-таки община как таковая сохранялась и продолжала культурную традицию. То же можно сказать о ремесленных и торговых сословиях, перемещавшихся особенно активно. И раньше дворяне могли в каких-то условиях массами беднеть, превращаться в однодворцев, уходить в чиновники и другой «служилый люд», но сословие как таковое сохранялось, развивало культурную традицию. Теперь сами эти образования начали рушиться и распадаться. А ведь личность «питалась» именно от поддерживаемых ими традиций. И это постепенно становилось очевидным.

В XIX веке было много надежд связано с той свободой, которую наконец-то обретала личность и которая должна была обеспечить человеку возможность стать «неповторимой индивидуальностью». Интеллигенты восторженно приветствовали освобождение человека «из-под гнета общины», которая, по выражению Ленина, «мяла и давила его». Маркс и Энгельс также возлагали надежды на капитализм и потому, что он «вырывал массы» из «идиотизма деревенской жизни». Так предполагалось в теории: освобожденная от всех пут человеческая личность на фоне

встающего из-за горизонта солнца свободного и счастливого общества будущего.

То, что происходило на практике, описывает нам литература второй половины XIX века. Тогдашние писатели-«деревенщики», в частности Глеб Успенский в своих очерках, оставили живое свидетельство о процессах, происходивших в период разложения русской крестьянской общины. Это — повествования о раскрепощенных от общинных уз людях, бывших крестьянах и ремесленниках, становящихся в новых условиях мошенниками, эксплуататорами и даже наемными убийцами. Г. Успенского, который в принципе очень уважает крестьян, просто поражает полная безответственность этих «раскрепощенных» индивидов, их свобода от всяких моральных ограничений и полное неведение в вопросах нравственности. Заголовки его очерков говорят сами за себя: «Своим умом», «Беспомощность», «Без своей воли», «Маленькие недостатки механизма», «Опустошители», «Свои средства». Отпадение масс людей от устойчивых систем коллективных представлений порождает падение нравов, рост преступности, пьянство, хулиганство, бессмысленную жестокость.

А ведь крестьяне как сословие всегда были необычайно устойчивы в моральном отношении. По преступности крестьяне занимали в России предпоследнее место среди сословий (последнее оставалось за духовенством). Но из того же крестьянина, «выброшенного расстройством деревенского духа и быта» в город, получается человек, в котором писатель видит индивида, «готового подчиниться в чуждой ему среде всевозможным влияниям с наивностью ребенка, не имеющего возможности знать и понимать, что́ в этих условиях зло и что́ добро». «Своего по части убеждений и нравственности у него нет ничего,— пишет он с горечью,— хоть шаром покати. Это совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно».

Личность получила-таки автономию от определенных структур общественного сознания, в которые она была «влита» (община, сословие). Но на первых порах никому большого счастья это не принесло. Человек оказался выброшенным из уютного, теплого гнезда, где все известно, в холодный непонятный мир, где люди разрознены, каждый борется и отстаивает сам себя, где обман и подлость довольно часто оказываются безнаказанными, а добрые поступки не вознаграждаются. Этот неустроенный, непредсказуемый для него мир, по выражению Чарлза Кули, «со всех сторон толкающийся локтями», как-то скрепляется извне скрепами государственных и формальных организаций и цивилизуется посредством массовой культуры.

Человек в нем вынужден, с одной стороны, приобретать индивидуалистические черты, а с другой — унифицироваться культурно и духовно. Раньше высоколобые интеллектуалы сокрушались о том, что община и сословие формируют личность как бы по единому образцу, оставляя очень мало места индивидуальности; но все-таки община от общины отличалась довольно сильно своими обрядами, фольклорными традициями и многим другим, и внутри сословий было множество подструктур, разнообразных и сложных. Теперь же на огромных пространствах все читают одну и ту же литературу, живут в одинаковых, не отличимых друг от друга домах, а несколько позднее — слушают одни и те же радиопередачи, смотрят одно и то же телевидение. Вот простор индивидуальности!

Тут этнос вновь вынужден перестроиться, чтобы наладить новые связи между людьми, потому что этнос — это то, что объединяет людей изнутри, культурно и духовно. Не унифицирует, а именно объединяет. Объединение предполагает определенные структуры большей или меньшей степени сложности, функциональную взаимозависимость между частями, как в любом организме.

•

Эту задачу этнос будет решать теперь, имея сформировавшуюся автономную личность. И хотя личность пока что движется в своем развитии скорее в сторону индивидуалистичности, чем индивидуальности, и скорее отчужденности от других, чем самостоятельности, тем не менее это уже не часть определенного коллективного сознания. Личность находится под влиянием разных структур, групп, субкультур и вынуждается самими условиями своего существования выбирать, сопоставлять, оценивать и ко всему относиться с некоторой дозой критичности и рефлексии.

Любая социальная группа, большая и маленькая, организуется прежде всего системой представлений, которые должны быть не хаосом, но космосом, объединяющим различные фрагменты и подструктуры в единое непротиворечивое целое. В нем нормативные пласты упорядочиваются ценностно окрашенными представлениями о мире и месте в нем человека, о том, что есть добро, что — зло, что

справедливо, что несправедливо, важно и второстепенно. Именно это делает поведение человека ценностно обоснованным и придает его жизни смысл и знвчение. «...Любая социальная группа,— пишет польский социолог Юзеф Халасинский,— это вопрос представлений... она зависит от коллективных представлений и без них ее невозможно даже вообразить». Еще ранее это бесстрашно и обнаженно сформулировал Эмиль Дюркгейм в своем труде «Элементарные формы религиозной жизни»: «Общество основывается... прежде всего на идее, которую оно само о себе создает».

Это представление общества о самом себе ранее человек впитывал бессознательно в своей общине, в своей устойчивой среде и привыкал с детства именно твк видеть мир. Теперь этот механизм передачи коллективных представлений нарушился, потому что сами первичные структуры, их хранившие, потеряли устойчивость и преемственность. Остается усваивать такие представления через осознание, рефлексию в процессе оценки и выбора. Но тогда сами коллективные представления должны приобрести вербальный и логически упорядоченный вид. Они должны стать ценностными высказываниями, принципами, лозунгами, программвми, потому что нация — это прежде всего идея.

Как переформировывались в нации, например английский и французский народы? Философы выдвигали и разрабатывали некоторые глобальные принципы о человеке и отношении к нему и его самого к миру и обществу. Часто им казалось, что они формулируют какие-то извечные и универсальные законы и истины (например, понятие о прирожденных правах человека). На самом же деле они переводили в слова ценностные положения и принципы собственных этнических культур. То, что некоторые принципы оказывались общими и «мигрировали» из одного этнического ареала в другой, объясняется большой близостью западноевропейской группы культур, которые издавна развивались в тесном общении друг с другом. На основании этих принципов и законов (и параллельно с их разработкой) строились идеалы и представления об обществе, в котором достойно и удобно жить человеку с такими принципами. Представления постепенно доводились до политических программ и лозунгов. Вряд ли все это было достаточно адекватно сформулировано, а тем более воплощено в ходе общественных движений и революций,— твк в истории никогда не бывает. Идеал остается идеалом. Но идеал сплвчивает людей, поднимает их на борьбу, на дела ради достижения цели, помогает переносить трудности, преодолевать кризисы. Система идеалов и целей, тесно связанная с этническим комплексом ценностей и представлений, и есть тот стержень, вокруг которого собирается, криствллизуется нация.

ФОРМУЛА РЕНАНА

Еще в XIX веке сам этот процесс складывания нации был осознан Ренаном. Хосе Ортега-и-Гассет назвал это «формулой Ренана»: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим — вот существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяния, впереди — общая прогрвмма действий... Жизнь нации — это ежедневный плебисцит».

Как видим, такая формула очень далека от марксистского постулата, будто нация — как бы побочный и неизбежный продукт формирования общего рынка. Хотя и складывание рынка с его связями как-то влияет на возникновение и устройство нации. Но ее рождение — и именно в этом пункте мы резко расходимся с марксизмом — уже не есть процесс стихийно-исторический, постепенный и в знвчительной степени бессознательный. Это как бы экстраполяция предыдущего пути развития этноса на новый этап.

Действительно, до сих пор этнос развивался и переходил из ствдии в стадию, из эпохи в эпоху, развивая новые механизмы и скрепы бессознательно, методом проб и ошибок, адаптируясь ко все новым ситуациям. Такой бессознательный, стихийный способ развития требует массы времени. Изменения укореняются постепенно, превращаясь со временем в обычаи, освященные давностью и многими поколениями людей, поддерживавших эти традиции. Этот процесс действительно хорошо выражается словом «складывание»: постепенное прибавление одних элементов к другим, испытание их, замена по частям.

Но динамичная история современности такого времени этносу на переформирование не отпускает. Здесь прерывается стихийно-историческое движение и включается элемент человеческого сознания и воли.

Государственные образования и социальные структуры, формируемые этносом, становятся большими и сложными, а следовательно, менее устойчивыми и хрупкими. Население расселяется по большой территории, создает свои варианты культуры, языка и обычаев. Собственно этнический элемент, передаваемый непосредственно по наследству, все сильнее размывается: на больших пространствах и в больших массах населения неизбежны смешанные браки. Этнос начинает как бы исподволь подвергаться эрозии. Наиболее активно сохраняют этнос на этой стадии предание и культура (те ее слои, которые ближе всего лежат к ценностным представлениям), да еще воспроизводимая по инерции иерархия образов жизни, присущая этносу. Но в какой-то момент возникает кризис (война, экономическая разруха), развязывающий деморализованные силы общества. Государственные и общественные структуры оказываются не в состоянии противостоять распаду целого. И тогдв следует призыв к нации, с напоминанием о защищаемых ценностях: отечество в опасности, наша жизнь и наши ценности под угрозой — поднимайтесь и беритесь за дело все, кто может. И этнос восстает и показывает, на что он способен. Побеждает или погибает.

Погибает, конечно, не сразу. Проигранная им битва за себя, за свое полноценное этническое существование,— лишь начало длительного процесса разложения. И уже в ходе этого процесса он может еще собраться с силами и возникнуть.

Победа тоже дается часто не сразу, а ценой многих социальных потрясений и катаклизмов. И из этого испытания этнос выходит обновленным и преображенным. Этнос выходит нацией. Происходит сплочение и повышение самосознания чисто этнического элемента, а вокруг него и вместе с ним — части элемента неопределенного и смешанного, маргинального, как говорят теперь. Тот, кто, услышав призыв «отечество в опасности», не укрылся в укромном месте, не побежал за границу, в мирные и благоустроенные государства, со своими детьми и имуществом, в взял оружие и стал защищать отечество, тот показал — в первую очередь себе свмому, затем уже и другим,— что ему важны эти ценности и эта культура, что он готов защищать ее, спасать, оберегать, следовательно, что он полноправный сын этого отечества.

КАК ГАСКОНЦЫ И БРЕТОНЦЫ СТАЛИ ФРАНЦУЗАМИ

Так в результате революций и войн XVIII—XIX веков образовалась французская нация — из бретонцев, провансальцев, гасконцев и прочих провинциальных образований, включающих массу людей с примесями испанской, баскской, фламандской, немецкой крови. Все они теперь французы: и пылкие, как порох, богатые воображением гасконцы, и тяжелые на подъем, рассудительные бретонцы. У них общая культура и общие ценности. Они их отстояли и утвердили.

Квкие именно ценности? В самом общем, схематичном и неконкретизированном виде они их сформулировали и написали на своих знаменах: «Свобода, равенство, братство». Кто-то скажет: какие же это национальные ценности, это же ценности общечеловеческие! Сами ценности — да. А вот иерархия их,— пожалуй, нет. В первую очередь — свобода, потом — равенство, а потом уже и братство. Имеет ли значение этот порядок? История показывает, что в результате борьбы и усилий народу удалось в определенной степени реализовать именно свободу и равенство (в форме демократии), а вот братство — в значительно меньшей степени. Конечно, «братство» — это ценность куда более сложная для реализации, чем «свобода». Ее воплощение требует, по-видимому, гораздо больших творческих усилий, самоотвержения, времени. Не хватило сил на это. Но если бы она стояла первой в ряду, может быть, ее удалось бы осуществить в гораздо большей степени. (В полном объеме осуществить ценности никогда не удается.)

Может быть, нужно было осуществить сначала «свободу» и «равенство», чтобы затем уже на этом основании строить братство как более высокое и сложное образование? Но опыт опять-таки показывает, что каждая ценность требует себе

всего внимания целиком. Она, как царствие Божие, которое нужно искать «сначала», чтобы все остальное «прилагалось» к нему. Другими словами, впереди ставится ценность, которая формирует культуру, является ее основой. Если мы в начале своего строительства социализма положили в основание всего материальную базу, чтобы потом на ней развить более высокие духовные ценности, то мы ее и строили все семьдесят лет. Не только до духовных ценностей не дошли, но и саму базу не построили, потому что положили в основание не краеугольный камень, не основополагающую ценность данной культуры.

Нации складываются весьма по-разному. Испанская и итальянская, например, сформировались в ходе борьбы за национальную независимость: испанцы — гораздо раньше, в процессе своей многовековой реконкисты, освобождая свою страну от завоевателей, наступавших на них из Северной Африки; итальянцы — гораздо позднее, уже в XIX веке. И из какого конгломерата этнических элементов сложилась нация итальянская! Веками наслаивались на Апеннинском полуострове волны разнообразных завоевателей, ассимилировались здесь с изначальной культурой и вносили свои этнические составляющие. Тем не менее итальянская нация все-таки создалась как единое целое со своим неповторимым лицом, со своей очень яркой и уникальной культурой. Значит, какое-то ядро изначальных ценностей народам удалось сохранить и пронести сквозь все перипетии своей бурной и сложной истории.

В наше время, когда к национальному самосознанию стали пробуждаться народы Африки, отвоевание национальной независимости перестало быть такой трудной проблемой. На первый план выдвигаются задачи и трудности, возникающие уже после освобождения «из-под ига» колонизаторов. Это прежде всего сильная языковая и племенная чересполосица, разный уровень развития отдельных малых регионов и, наконец, узкоплеменной национализм.

Когда в сороковых — пятидесятых годах XX века Леопольд Седар Сенгор, уроженец Сенегала, католик, философ и поэт, получивший блестящее образование во Франции и принятый в самых элитных интеллектуальных французских кругах, вдруг ощутил себя африканцем и развернул движение за пробуждение национального самосознания черной Африки, то главным для него была именно национальная идея. Он объяснял это так: существуют определенные этнические образования — «родины», общности людей, связанных единством языка, крови и традиций. То, на чем зиждется предыдущий этап развития этноса. «Нация — это не родина,— пишет Сенгор,— она не включает в себя естественные условия, она не есть проявление среды, она есть воля к созданию, а чаще к преобразованию». И немного далее: «...То, что формирует нацию,— это объединенная воля к совместной жизни».

В борьбе против племенного национализма, разрывавшего созданную при его участии республику бывших французских колоний Западной Африки (Сенегал, Мали, Верхняя Вольта и Габон), Сенгор обращается через столетие к Ренану, к его определению нации, и так его интерпретирует: «...Включаясь в ход мысли Ренана, можно определить нацию как коллективное призвание, зависящее от общей шкалы ценностей, от общих институтов и, наконец, от общих целей... Как призвание нация не может быть жесткой рамкой для действия, она сама — стимул». Подчеркивая творческий, динамичный характер нации, Сенгор затрагивает еще одну важную проблему: «...Чтобы народ превратился в нацию, необходимо, чтобы индивид через повышение уровня жизни и культуры развился в личность». Другими словами, необходимо, чтобы совершился процесс формирования автономных личностей, которые только и могут по-настоящему составлять нацию.

Мы уже говорили, что, с одной стороны, появление автономной личности — безусловный прогресс, а с другой — начало целого ряда проблем и трудностей для формирования нации как целого. В своем развитии эта личность начинает с индивидуализации, поисков уровня жизни и культурного развития для себя. Именно этот этап порождает толпы молодых людей, стремящихся вырваться из общин, из первоначальных условий существования, сбросить с себя контроль авторитетов, куда-то ехать, получать образование (желательно в крупных центрах культуры, желательно за пределами своей страны), добиваться там благосостояния, признания, наиболее благоприятных условий для творческой работы, которая на этом этапе служит прежде всего средством самовыражения, самоутверждения, самореализации. Только немногие очень одаренные личности, подобные самому Сенгору, на протяжении собственной жизни успевают этот этап завершить и начать проявлять интерес к чему-то более общему.

Юзеф Халасинский так пишет о Сенгоре: он «без дискриминации со стороны тех (где получал образование.— *К. К.*) и без укоров в собственной душе учился в элитарной европейской среде и был принят с большим признанием в интеллектуальные, педагогические и артистические элиты Парижа. И несмотря на такие успехи ассимиляции, пришел все-таки к выводу, что он не француз, а скорее, он — нечто большее, чем просто француз, потому что он еще и африканец». Он не пожелал сам «присоединиться к Франции в качестве бездомного подкидыша, усыновленного случайно нашедшим его богачом».

По-видимому, такие именно люди и должны, и могут работать на выявление национальной идеи. Они не будут жаловаться, что наш народ «не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность» (Н. Бердяев), что он слишком чтит традиции, уважает смирение и, напротив, сдержанно относится к творчеству новых форм, что в нем «есть темная, в дурном смысле иррациональная непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия». («Как бы далеко не заходило просвещение и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать»,— пишет Н. Бердяев и этим бессознательно употребленным оборотом «подчинение культуре» показывает подоснову своего анализа: то, что сложилось в самом народе,— это не культура, это дикость, темнота, ее обязательно нужно преодолеть, смять посредством «надевания» на народ единственно правильной культуры — западноевропейской. Ничего другого они не видели, наши радетели!) Они не будут также и сокрушаться без конца, что нас недооценивают, не любят, ненавидят, плетут против нас какие-то сложные и темные козни и заговоры.

Уж казалось бы, сколько упреков и претензий мог предъявить Сенгор, будучи черным африканцем, которого (доцента и уважаемого в парижских высоких кругах человека!) почтовый служащий в Дакаре бесцеремонно называл на «ты». Очень много мог бы предъявить, обидеться, возненавидеть и жить все время с этим комплексом неполноценности. Но он, став президентом вновь созданной африканской республики, наоборот, отстаивал и проводил политику сотрудничества с Французской республикой, бывшим «угнетателем». Потому что смотрел на дело гораздо шире. «Проблема, которая стоит теперь перед нами, черными,— говорил он в 1959 году на II Конгрессе писателей и художников,— заключается в том, чтобы понять, как включить негритянско-африканские ценности в мир 1959 года. Это не вопрос возвращения к жизни прошлого, чтобы затем жить в африканско-негритянском музее, это вопрос оживотворения мира ценностями нашего прошлого...» Можно сказать только: да, это настоящее дело для нации. С него она и начинается.

Обогатить, оживотворить мир своими ценностями, а не смотреть в рот человеку любимому богачу (или, согласно принятому в нашей современной речи эвфемизму, «спонсору»), ожидая подачек не только на уровне материальных ценностей, но и идей, и способов самовыражения, и образа жизни, не заимствовать без разбора и без ума и не догонять кого-то без конца. Догонять всегда бесперспективно, потому что пока мы заимствуем что-то, осмысляем это что-то и пытаемся укоренить у себя, те, у кого мы заимствуем, изобретают что-то новое, более сложное и интересное. А мы при такой установке ничего не изобретаем и теряем саму способность изобретать, ведь для этого надо уметь смотреть на мир своими глазами, подходить к нему с неожиданной стороны, воздействовать оригинально. Нужно выдвигать свои идеи, чтобы что-то создать. В том числе и нацию.

Своя национальная идея, представление о себе самом, иногда простое и ясное, иногда очень сложное и многоэлементное, конечно, всегда есть некоторая целостность, ни в коем случае не случайный набор, и в нем должны просматриваться системообразующие оси и принципы. Откуда они берутся? Конечно, от прежней культуры. На голом месте возникают лишь случайные, неустойчивые, часто нелепые образования. Этнос даже в периоды распада и переформирования упорно хранит свое прошлое, отложившееся и систематизированное в культуре.

Культура — образование многослойное. В ней есть внешние сферы, которыми она соприкасается с социальной и природной реальностью. Это нормативные образования — правила и рекомендации, предписывающие конкретные формы поведения в конкретных ситуациях. И есть сферы более глубокие: системы представлений, включающие мнения, убеждения, идеологии, которые обосновывают, объясняют и подкрепляют нормативные структуры. А есть еще ценностное ядро культуры.

В развитой культуре очень много норм-правил (в самых разнообразных формах). Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и способы завязывания социальных связей (знакомство, «ухаживание», прием гостей

и прочее, и прочее), воспитание детей, досуг, развлечения, рождение и похороны человека — все это приведено в систему, соотнесено друг с другом, украшено обрядами, расцвечено приметами, поверьями, песнями и сказками, то есть представляет собою настоящий культурный космос. Вот этими-то своими конкретными формами культура и соприкасается со своей внешней ситуацией, с природой, с человеческими потребностями, с другими обществами и культурами.

Внешняя ситуация подвижна. Естественно, на эти «подвижки» культура должна отвечать изменением, модернизацией своих внешних форм. Такое изменение происходит не бесконтрольно, но под наблюдением «средних этажей» культуры — представлений, убеждений и принципов. При введении новых форм именно им адресуются вопросы: если в нашем обиходе появится такая-то новая форма, это будет правильно или нет с точки зрения наших ценностей? А принципы и представления (если в этой сфере в данной культуре все в порядке) должны дать недвусмысленный и решительный ответ: да, вот эта форма подойдет, а вот эта не подойдет.

Модернизация в здоровой культуре в принципе идет постоянно, только интенсивность ее может возрастать и снижаться. Естественно, в период переформирования общества, а тем более крутой переломной ситуации в жизни этноса на «средних этажах» культуры начинается большое оживление: выдвигаются новые концепции, складываются новые идеологии, формируются представления о возможных путях дальнейшего развития. Но так же, как все новые формы проверяются на представления и принципы, так и эти новые концепции и идеологические структуры проходят оценку, проверку и отбор со стороны ценностного ядра культуры. Некоторые из них легко и органично вписываются в контекст и принимаются общественным сознанием различных групп, другие — «со скрипом», с бесконечными изменениями и трансформациями, а третьи отвергаются вообще. И если такие неприемлемые представления (и основанные на них нормативные формы) продолжают настойчиво навязываться людям, наступает ценностная реакция отторжения.

Это очень сильная эмоциональная реакция типа той, какую дает любой живой организм, например на ожог,— судорожный рывок с последующими агрессивно-защитительными действиями, взрыв моральных чувств (гнева, возмущения, боли, обиды). Понятно, что человек, а тем более люди, охваченные такими чувствами, способны на разного рода эксцессы. С ценностями шутить нельзя, это вещь очень серьезная. И страшно устойчивая. Могут трансформироваться обычаи и законы, уходить и зарождаться традиции, рушиться идеологии и меняться убеждения, а ценности остаются. В самой интимной, глубинной сфере личности носителя данной культуры они защищены сильнейшими моральными чувствами. И когда нарушается ценностное ядро культуры, люди теряют смысл жизни, теряют себя.

Что же это такое — «ценностное ядро культуры», которое, оказывается, существует не где-то абстрактно, «в культуре», а именно в нас самих, в самой глубине нашей личности, и не только способно подвигать нас на какие-то поступки, но и вызывать очень бурные чувства? Попробуем здесь немного углубиться в эту сложную и тонкую материю. И начнем с основания, с того, что Чарлз Кули называл когда-то «человеческой природой».

По его определению, под человеческой природой «можно подразумевать те чувства и импульсы, которые свойственны человеку и недоступны животным, в то же время они принадлежат человечеству в целом, а не отдельным его расам и эпохам. Это, в частности, симпатия и те бесчисленные чувства, в которые симпатия входит

составной частью, например любовь, самолюбие, обида, тщеславие, героизм, а также ощущение социальной справедливости и несправедливости». И далее он поясняет: «...Человеческая природа — не что-то существующее отдельно, в индивиде, это — групповая природа, или первичная фаза общества». Человек с нею не рождается, ему прививает ее общество, а точнее, первичная группа. Кули считается теоретиком первичной группы, но его совершенно не интересовала сама эта группа, ее формы, этапы развития. Его интересовал только сам процесс, совершающийся внутри нее: формирование из индивида человека, прохождение им «первичной фазы общества», приобретение того, что Кули назвал «относительно простое и общее условие общественного сознания».

Итак, социальная природа состоит, в свою очередь, из «чувств». Здесь нужно подчеркнуть, что в русском языке понятия «эмоция» и «чувство» разведены слабо и иногда используются как синонимы. Но в английской языке, а также в романских, понятие «эмоция» закреплено за простыми переживаниями: страх, гнев, восторг... К «чувствам» же (сентиментам) относятся более сложные психологические процессы: дружба, любовь, чувство чести. Они могут сопровождаться эмоциями, но сами, в своей основе таковыми не являются. Таким образом, то, что мы привыкли в своем языке называть понятием «чувственного», в этой системе будет отнесено скорее к эмоциональному и собственно «чувствам» в определенной степени как бы противостоит.

Привитие человеческой природы и есть воспитание в человеке способности переживать «чувства», или «сентименты», которые — и это очень важно отметить — не замыкаются на самого человека, а обязательно включают другого. «Симпатия», входящая в «сентимент»,— это способность сопереживать другим, сочувствовать (близко психологическому термину «эмпатия», под которым разумеется умение почувствовать другого изнутри, как бы войти в него). И «таким образом безличное не-я делается лицом, другим Я, то есть Ты» (отец П. Флоренский). Ты — не просто другой человек, Ты — это другой Я. Тут основа всякой морали: относись к ближнему, как к самому себе. Чтобы так относиться, нужно именно так и ощущать этого ближнего, так же хорошо, как самого себя, а точнее, самим собой.

Уча воспринимать другого, как самого себя, первоначальное воспитание в первичной группе выводит из человека его природные эмоции, которые в естественном состоянии направлены на себя, как бы замкнуты внутри человека, и сосредоточивает их на другом или на других. Так возникает «сентимент», или «чувство». А вместе с тем и даже несколько ранее этого возникает единомыслие: если другой для меня — Ты, то есть другой Я, то и мысли его — мои мысли, а чувства его — мои чувства. Я усваиваю их себе естественно, без всякого понуждения, без внутреннего сопротивления и недоверия, и не потому, что это для чего-то мне нужно. Чувства передаются от человека к человеку на основании любви. «Любовь взаимная одна только и бывает условием единомыслия, единой мысли любящих друг друга, в противоположность с внешним отношением друг к другу, дающим не более как подобомыслие, на котором основывается мирская жизнь — наука, общественность, государственность и т. д.» (отец П. Флоренский).

Первичная группа стремится «к пределу любви», который, по слову апостола, состоит в том, что «двое едино будут», и только в таком единстве от одного человека к другому — лично, доверительно — передается человеческая природа. Только таким чрезвычайно своеобразным способом и можно передать столь сложную, тонкую и неопределенную вещь, как «сентимент», или «чувство». Но вербальная неопределенность и сокровенность передачи не мешают и передающему, и получающему ощущать ее очень живо.

На поверхности в «сентименте» лежит плотный и слабо дифференцированный клубок чувств. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что чувства эти не просто переплетены друг с другом, но что они нечто как бы окружают, в центре их всегда что-то находится, какой-то предмет, на который все они и направлены. Это представление о каком-то явлении, состоянии вещей, качестве личности. И поскольку вокруг этого представления однажды было сформировано такое сильное поле чувств и эмоций, оно никогда уже не будет восприниматься носителем данного сентимента (данной культуры) равнодушно. Всякий раз, когда человек будет входить в соприкосновение с этим предметом, в нем сразу активизируется вся сфера чувств-эмоций, взывая к действию, к поступку. В современном мире принято называть эти предметы «ценностями».

Каждый из нас знает по опыту своей повседневной жизни, что симпатии наши далеко не одинаково интенсивны, различные предметы или ценности вызывают в нас различного рода чувства. Более того, одни и те же ценности вызывают в разных людях разное отношение: у одних данная ценность пробуждает сильное чувство, у других — слабое, у третьих — может и вообще не вызывать никакого.

Следовательно, утверждение Кули, что составляющие человеческую природу чувства и импульсы «принадлежат человечеству в целом, а не отдельным расам и эпохам», следует понимать так, что любая культура закладывает в своих носителей примерно одни и те же ценности. Это механизм сам по себе глобальный, он представляет необходимое, первичное условие существования общества как такового. Но, безусловно, отдельные культуры различаются сравнительной значимостью этих ценностей, их связью друг с другом внутри культурного целого и отчасти, может быть, даже набором. «Оригинальность каждой из культур,— пишет Клод Леви-Стросс,— заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и потому современная этнология все сильнее стремится познать истоки этого таинственного выбора».

А нужно ли это разнообразие? Не лучше ли, если бы все воспитывались в одинаковых представлениях и ценностных иерархиях? Тогда люди сразу понимали бы друг друга и больше было бы единомыслия (или, как теперь говорят, консенсуса). В XIX веке так и принято было считать в науке. Предполагали, что разные способы построения культур (и в частности — их «ценностных ядер») связаны прежде всего с условиями жизни различных обществ, а также с историческими обстоятельствами и, далее, со степенью их развития. Есть культуры развитые и слаборазвитые, последние постепенно приближаются к первым, постепенно все сольются в гармоническом единстве, и мир будет представлять собой единое целое (примерно таково отношение к нациям в марксистской теории). Но в XX веке возникли другие концепции.

«Когда мы становимся на точку зрения всей совокупности человеческих обществ, ...мы видим, что каждое общество выбирает лишь некоторые из множества возможных вариантов» (К. Леви-Стросс). Именно эта дифференциация культур, «возобновляющаяся всегда в разных плоскостях, позволяет постоянно поддерживать — в самых различных формах, многообразию которых люди никогда не перестанут удивляться,— состояние неравновесности, от которого зависит дальнейшая биологическая и культурная жизнь человечества». Наличие вариантов страхует человечество от безвыходных тупиков, вливает новые силы в дряхлеющие, когда-то передовые общества, и действительно, любая культура, когда-то считавшаяся «отсталой» и «дикой», имеет шанс в определенный момент «оживотворить мир своими ценностями».

Предположим. А чем мы можем оживотворить мир? Этим нашим бесконечным терпением, мимо которого ни один лихой иностранный мемуарист и ни один отечественный интеллектуал, побродивший по европам в поисках образования, не прошел, не пнув и не обозвав «тупым»? Этим нашим смирением, умением в своем представлении и воображении поставить другого выше себя, которое постоянно и упорно путается почему-то в головах европейцев и европеизированных русских с «рабской покорностью»? Какая-то она очень древняя и суровая, эта наша культура, требующая от человека сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, своих личных индивидуальных целей в пользу социальных групп и глобальных культурных ценностей. Все культуры в какой-то мере построены на таком самоограничении и на такой репрессии, без них нет культуры и нет общества вообще. Но важна также и сама степень. В нашей культуре эта требуемая от человека степень очень высока.

Может быть, еще несколько десятков лет назад такой вывод относительно собственной культуры был бы для нас огорчительным. Она бы показалась нам (и казалась тогда многим, кто думал над этой проблемой) какой-то уж очень «отсталой» и «архаичной». Ну были когда-то такие суровые времена, когда человек влачил жалкое, ограниченное существование, и тогда такое самоограничение было, наверное, необходимо ему для выживания. Но зачем оно в наш век, когда такую высокую ценность приобрело безграничное развитие всех способностей каждой личности, когда в качестве наиболее привлекательных ценностей фигурируют «многогранность» и «многосторонность» человека? А многогранность развития предполагает многогранность потребления (и, добавим еще, производства). Самоограничение как бы не признает вообще этих главных ценностей, вокруг которых «вертится современный мир».

Но в последнее время что-то стало меняться в мировом общественном сознании, началось какое-то переосмысление прежних идеалов. И вызвано оно прежде всего тем примечательным эмпирическим фактом, что личность, приняв установку на развитие всех бесчисленных граней своих, почему-то весьма часто остается навсегда в пределах «нижних» ее этажей. Это как с нашим построением материальной базы для коммунизма, на которой должна была расцвести вся полнота духовности человека. Удовлетворение «безгранично растущих потребностей» нашего человека оказалось совершенно не под силу нашей материальной базе — именно в силу бесконечности роста и неограниченности многообразия. Да и несравненно более развитая материальная база западноевропейских и североамериканских государств так ли уж полно удовлетворяет все потребности своего населения? Наши,— безусловно, когда мы из своей скудости вырываемся в их материальный рай; но у нас ведь и потребности не столь многообразны. А если мы их развили и «заявили», то неудовлетворение их вызывает уже в нас фрустрации, претензии, обиду на свою жизнь и всяческие комплексы. Это ведь только в XIX веке думали, что материальные потребности человека удовлетворить просто, так как они зависят от требований организма. Оказалось — совсем не так.

Оказалось, что безграничность саморазвития решительнейшим образом противодействует возможности самоактуализации. Для того чтобы сделать что-то ценное, что-то, что «переходит» за мои пределы и остается в мире после моей смерти, нужно в какой-то момент перестать наконец бесконечно себя развивать и направить свои усилия вовне — на какое-то дело. Нужно начать отдавать себя. Дело — это выбор, а выбор — это всегда самоограничение. Но тогда часть моих «граней», и иногда весьма значительная, рискует остаться в неразвитом состоянии.

Постепенно все более осознается: «вера в то, что в рамках ограниченного земного бытия можно достичь предельных идеалов человеческого существования», есть не что иное как «социальный идеализм» (Б. Парамонов). И отсюда делается вывод весьма примечательный: «Поскольку при такой установке это существование целиком заключается в рамки земных, попросту физических условий, сами идеалы приобретают чисто гедонистический, чувственный характер. Забывается, что само это существование имеет предел, что способность человека к «счастью» имеет естественную границу». И еще более ясно: «...все результаты человеческой культуры достигнуты вытеснением и репрессией низшей чувственной природы человека,— или сублимацией ее. Идея нерепрессивной культуры, не ограниченной никакой религиозно-моральной нормативностью,— самый большой соблазн и самая большая опасность современного мира».

И оказываемся мы со своей архетипической довольно суровой культурой, можно сказать, в самых передовых рядах современности: западная культура сделала всему миру «прививку» активности и динамичности, теперь эта активность начинает понемногу «разносить» мир, и он нуждается в другой «прививке», которая подняла бы ценность самоограничения. Такую прививку могут сделать только культуры сугубо репрессивные. Потому и выдающийся французский публицист Жан Франсуа Ревель в еженедельнике «Экспресс» не без упрека в адрес западной мысли отмечал, что «все сколько-нибудь значительные идеи приходят в современный мир с Востока».

Отметим здесь, для устранения могущих возникнуть недоразумений, что, когда мы говорим о культурах «репрессивных», предлагающих человеку в качестве ценности «самоограничение», не следует понимать нас слишком упрощенно: будто никаких других, так сказать, положительных, конструктивных ценностей такие культуры не предлагают, а предписывают просто поставить знак отрицания перед всеми теми «благами», которые считаются ценными в западных культурах. Это не так. Каждая культура предлагает человеку свои «блага», свои положительные ценности.

Вспомним, как С. С. Аверинцев анализирует различие эллинистических и восточных культур. Античный герой, стоящий выше страха и надежд, не должен испытывать чувства жалости или умиления: «испытывать жалость, тем паче внушать жалость вообще не аристократично,— «лучше зависть, чем жалость», как говорит певец атлетической доблести Пиндар. Позднее (античные) философы включают «жалость» («элеос») в свои перечни порочных страстей, подлежащих преодолению, наряду с гневливостью, страхом и похотью». Это — эллинистическое начало.

А вот что пишет святой отец Исаак Сирин (VII век): «И что такое сердце милующее?.. Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеке, о птицах,

о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью, а потому и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились, в также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблении в сем Богу». Речь идет об одной и той же ценности, а отношение к ней не просто разное, но явно противоположное.

Или еще пример. Считают нас неделовыми людьми, и есть тому основание. Человек нашей культуры может взяться за дело и не завершить его, отказаться на полпути. Но самое интересное ведь понять, что же под этим лежит, почему мы такие неделовые? Беспечные мы или нетерпеливые? Уж этого нам вменить нельзя никак. Терпеливее нашего народа трудно найти. И трудяги мы, каких мало. Значит, нужно искать ценность, которая может останавливать нас на пути к цели. Где искать? В восточных культурах, откуда наши корни. Вот как преподобный авва Дорофей поучает свою братию (конец VI — начало VII века): «Каково бы ни было дело, малое или великое, не должно пренебрегать им или не радеть о нем, ибо пренебрежение вредно, но не должно также предпочитать исполнение дела своему устроению, чтобы исполнить дело, хотя бы оно было со вредом душе... Будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, велико ли оно, как мы сказали, или мало, есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устроение, если случится неисполнить дела, есть три осьмых с половиною». Даже количественно определено расстояние между этими ценностями. И так до самого святителя Феофана Затворника, жившего уже в XIX веке в России, написавшего кому-то из своей паствы: «Дело — не главное в жизни, главное — настроение сердца, к Богу обращенное». Везде труду, а точнее делу, отводится явно подчиненное место.

«Душевное устроение» — слово-то какое выразительное! — это что-то не просто сделанное, но заботливо подобранное, обустроенное, бережно хранимое. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, в душе своей повредит?» Хотя, с другой стороны, тот же источник предписывает нам «положить душу свою за други». И мы полагаем, с гораздо меньшими терзаниями и сожалениями, чем наши деловые партнеры. Так мы воспитаны своей культурой. И поменять эти ценности местами означало бы для человека данной культуры перестать быть самим собой.

Тем не менее мы своей культуры не знаем... Она живет в нас по существу на бессознательном уровне. В основании нашего этнического характера лежит некий набор идей (или ценностей), которые в нашем сознании, сознании носителей культуры, связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций («сентименты»). Появление в сознании любого из этих элементов приводит в возбуждение всю эмоциональную сферу, вызывает бурные и яркие переживания, служит импульсом к более или менее типичному действию (если ситуация типичная, а то и просто к действию). Как бы цепочка такая: «предмет — чувство — действие», что можно назвать «социальным архетипом». Он не сам таинственным образом возникает в нашей психике по неведомым природным законам, он прививается человеку обществом в первичных группах. Но прививается на таком вот досознательном уровне, по крайней мере, на уровне довербальном. Этот импульс очень трудно выразить в словах, обосновать, переложить в систему осознанных, ясных представлений. Хотя, еще раз подчеркнем, переживания он вызывает очень яркие. Он вмонтирован в нашу психику очень глубоко, и импульс, возбуждаемый таким архетипом, бывает часто гораздо сильнее всего того, что может пробудить в нас любой элемент развитой рефлексивной структуры.

В нормальной культурно однородной ситуации носители одних и тех же этнических архетипов понимают друг друга без слов. Пришел незнакомый человек в дом, снял шапку, поздоровался, стоит у порога, ожидая приглашения, — значит, что-то спросить хочет или предложить, в общем, с добрыми намерениями пришел. Если стоит в шапке и молчит, значит — с вызовом или претензиями. Если здоровается, но как-то быстро, холодно и через порог дома старается не переступать, — имеет вражду или обиду. Все понятно.

Если этнос большой, расселен на обширных территориях, то, как мы уже отмечали, возникают варианты во внешних проявлениях — в поступках и реакциях. Но и тут еще как-то можно сориентироваться: приехал в отдаленные места, веди себя осторожно, присматривайся, прислушивайся, выясняй, «как у них тут принято». А вот когда с быстрой урбанизацией начинается движение масс из сел в города и наступает поистине вавилонское смешение, — тут человек и вовсе теряет всякое представление, как ему вести себя по отношению к тому или иному человеку, который как-то непонятно себя ведет. И вот тут уже этносу ничего не остается, как переформировываться в нацию: рефлексировать, делать понятными свои ценностные структуры и ясными связями соединять их с разными типами поведения, «осваивать» новые, никогда ранее не встречавшиеся ситуации, предлагать новые модели, основанные на «коренных» ценностях, — и все это на осознанном, вербальном уровне.

И лучше, если эти процессы рефлексии и освоения новых ситуаций пойдут быстро. В длительной ситуации неясности, хаоса социальные архетипы могут начать терять свою четкость и убедительность, «размываться», и тогда задача «собирания» этноса в нацию будет становиться все сложнее и сложнее. Вновь формирующиеся поколения усвоят и сделают своим мировоззрением какую-то окрошку из разнородных элементов, преподносимую им средствами массовой коммуникации. Так воспитанную автономную личность уже очень трудно вернуть к ее этническим корням, хотя она и будет ощущать внутреннюю пустоту и «неустроенность», тосковать по цельности и определенности. Из такого в общем-то дезориентированного человеческого материала никакого полноценного, благоустроенного общества создать невозможно, никакой обновленной культуры, а уж тем более какого-то «нового человека».

Возникают эпифеномены и квазиценности, человек пытается ставить себе жизненные цели «мимо» своих «настоящих» ценностей, а реализация таких целей не приносит ощутимого удовлетворения личности. Тогда возникают странности: попытки самоубийства на вершине карьеры или в очень благоприятных условиях жизни. А чаще, ощутив неудовлетворенность жизнью и ее бесцельность, человек попросту «тихо» спивается.

«Бесцельное существование, — пишет Ортега-и-Гассет, — это отрицание жизни, это хуже, чем смерть. Ибо жить — это значит выполнять какое-то задание; и поскольку мы уклоняемся от того, чтобы посвятить нашу жизнь чему-нибудь, мы ее опустошаем».

Нормальная личность не может самоактуализироваться, не может возвыситься над своим таким кратким и эфемерным существованием в этом мире, не реализуя сверхиндивидуальных ценностей. Однако «нормальная личность» — вовсе не «средний индивид», поскольку личность, даже и «нормальная», — само по себе явление выдающееся. Нормальная она потому, что именно она нормализует мир: делает его пригодным к существованию, приводит его в соответствие с человеческими ценностями. «Средний индивид» может сему содействовать, но только если для него эта деятельность чем-то привлекательна или чем-то вознаграждает его. «Нормальная личность» мотивируется самой целью. А потому, когда дезориентируется «средний индивид» и перестает действовать конструктивно, когда все приходит в хаос и начинают распадаться не только прежние этнические, но одновременно и организационные и формальные государственные связи, когда человек оказывается в ситуации полной неопределенности, требующей от него выбора, — вот тут-то и начинают включаться «нормальные личности» и активно взваливать на себя труднейшие задачи. Потому что в таких условиях дело и слово — именно за личностью.

Все наши человеческие структуры, в том числе и такие огромные, просто «необозримые», с точки зрения отдельного человека, как социальные институты,

государство и само общество,— все они основанием своим имеют личность, ее ценности, ее системы представлений, ее волю к действию и согласие или несогласие жить таким-то и таким-то определенным образом. Не личность отдельного человека, конкретного индивида, а личность как тип, воспитанный данной культурой, носитель ценностей данной цивилизации. На нее и падает задача — собрать вновь в единый живой организм распавшийся этнос. Конкретнее — сформулировать и выдвинуть в виде понятных идей, представлений и лозунгов систему ценностей, отрефлексировать: что мы за люди, в каком мире мы хотим жить, какие условия и образ жизни были бы нам удобны и приемлемы, какие духовные принципы мы будем защищать и воплощать в жизнь.

В своей монографии «Современные нации» Флориан Знанецкий выдвигает такую идею: нация создается группой интеллектуалов, принадлежащих к данному этносу, своего рода умственной аристократией данной эпохи. Она может и должна выработать комплекс представлений, который ляжет затем в основу кристаллизирующейся национальной культуры. Напомним, что такая задача — вербализация существовавших до сих пор на подсознательном невербальном уровне представлений и ценностей народа — дело уникальное, осуществляемое только на переходе от предыдущих стадий развития этноса к нации, которая складывается, как мы подчеркнули, при условии существования автономной личности.

История утверждает, что национальные государства складываются в процессе распада феодального сословного общества. Массы людей выпадают из привычных исторических структур и не встраиваются ни в какие другие. Таких людей называют «аутсайдерами». Вот эти аутсайдерские массы и выделяют из себя активный фермент, начинающий формирование новой большой структуры, которая охватывает и упорядочивает своими отношениями разваливающееся общество,— нацию. Каким образом это происходит, можно проследить, допустим, на примере Польши по работам польского социолога Юзефа Халасинского.

Он описывает, как активизируется и изменяется деятельность салонов, возникших в Польше в начале XIX века по примеру Франции, где они были распространены уже в XVIII веке и играли важную культурную и политическую роль. В двадцатые — тридцатые годы жизнь в польских салонах особенно насыщена: здесь активно обсуждаются все более или менее значительные факты культурной жизни (не только культурной, конечно, но в данном случае именно это важно), все более или менее проявившие себя люди, столичные жители и приехавшие из провинции, обязательно попадают в салоны и имеют возможность там высказываться, развивать и обосновывать те или иные концепции, спорить с другими. Все новые идеи немедленно подхватываются и обкатываются общественным мнением. Немного позднее параллельно с салонами возникает и начинает активно функционировать сеть небольших столичных кафе, которые оккупируют кружки интеллигентов — художников, литераторов, артистов, ученых, нарождающихся предпринимателей (культурной их прослойки).

Затем появляются журналы. Чаще всего это не политические журналы, а научные, научно-практические и познавательные. Они, например, ставят своей задачей давать полезные советы земледельцам или ремесленникам. И в них звучит такая любовь, даже нежность, к земледельцу и ремесленнику, к его судьбе, труду, уважение к его терпению и умениям. Как же, ведь это наш, польский крестьянин, представитель народа, который дал миру Коперника! Пусть пока он бедный и необразованный, но это не его вина, он может подняться и стать богатым и сильным. Мы должны ему в этом помочь, потому что мы — один народ, у нас общая судьба.

К концу XIX века в Польше существовала уже «общественность», большая группа людей, прямо или по крайней мере косвенно знавших друг друга. «Общественность» формировала мнения, знала и поддерживала своих художников, литервторов, артистов, широко отмечала их юбилеи, проявляя свое уважение к их труду на общее дело, и в какой-то мере направляла их усилия. В начале XX века национальное самосознание уже выработало комплекс представлений о себе как о народе, имеющем собственную оригинальную культуру, достойное уважения историческое прошлое и желающем самостоятельно строить свою судьбу, а не растворяться в каких-то больших, этнически безразличных государственных образованиях. Революция 1917 года, развалившая Российскую империю, создала возможность для поляков стать самостоятельным государством. И они оказались готовыми к тому, чтобы этой возможностью воспользоваться.

Подобные же процессы шли, по-видимому, в Финляндии, завершившись тем же. Чехия и Словакия в составе Австро-Венгрии переживали ту же опасность утраты

собственной культуры. Одно время на грани исчезновения оказался чешский язык (местные диалекты продолжали существовать, но общенациональная литература и поэзия создавались на немецком языке). Только самоотверженными усилиями интеллигенции удалось возродить национальный язык. Во всех этих странах существовала трепетная любовь к своей культуре, боязнь ее потерять и борьба за ее выживание. И это сплачивало нации.

Совсем иначе обстоит дело с крупными, сильными государствами, образованными на основании какого-то этноса, но включавшими в свои рамки множество различных этнических «добавок» и разнородных культурных элементов. Их существованию ничто не угрожает, никто не покушается на их государственность и культуру. Опасность разрушения этноса зарождается и развивается внутри такого организма. В «вавилонском смешении», рожденном бурной индустриализацией и урбанизацией, нарастает безликая аутсайдерская масса, а этнические архетипы начинают терять свои очертания и «расплываться» в сознании своих носителей. Их не подкрепляют более культурные и социальные влияния извне, поскольку рушатся механизмы социального контроля, тысячелетиями работавшие на воспитание молодых поколений и на поддержание систем представлений, на которых социальные архетипы основаны.

Массы автономных личностей стремятся к самоутверждению и ищут себе благоприятные условия существования и развития «всяк на свой образец». Удерживают их в социально приемлемом состоянии в основном лишь внешние скрепы — формальное юридическое право и государственные органы его защиты. Для формирования внутренних, неформальных, сильных скреп (костяка, скелета взамен скорлупы или раковины) и нужна национальная идея, дающая индивидуальной жизни основание и участие в надындивидуальных задачах.

Вот тогда и возникают системы представлений о естественных правах человека, о достойном человека образе жизни (в различных вариантах, отражающих различие ценностных иерархий), постепенно внедряются в умы и выбрасываются в критические моменты в качестве лозунгов и девизов, объединяющих массы.

Россия была державой, которой, после неудачного похода Наполеона, ничто извне не угрожало. Кроме того, она была не просто этнически смешанным государством, но многонациональным, на огромных пространствах которого причудливо расселились и переплелись самые разнообразные, большие и малые, сильные и слабые этносы. Выработка национальной идеи в такой стране — задача очень сложная и трудная.

В XIX веке Россия выступила с одной популярной в сознании интеллигенции идеей: что ей необходимо догонять Западную Европу и устраивать свою жизнь по тамошнему образцу. Идеология Просвещения, господствовавшая в Европе в XVIII веке, с ее культом разума и идеей однонаправленного неуклонного прогресса, была основанием для целой системы представлений о развитии исторического мирового процесса. Согласно этим представлениям, мир движется к некоторому состоянию, осознаваемому человеческим разумом как совершениое, постепенно накапливая в себе его элементы. Существуют некоторые ствдии, как бы ступени приближения к нему. Существуют также стадии приближения к познанию этого состояния в человеческом представлении.

Все народы и страны проходят эти ступени, и всем предстоит достигнуть именно этого совершенного состояния. Одни народы движутся быстрее, другие медленнее, третьи вовсе еще не осознали такое движение как свою историческую задачу. И разные культуры — в принципе один и тот же субстрат, находящийся просто на разных этапах и стадиях «развития». Конечно, в философии этот комплекс идей имел весьма разнообразное преломление и по-разному обрабатывался научной мыслью, но мы здесь имеем дело с общественным сознанием, которое всегда упрощает научные представления (если оно их использует в своей работе) и сводит все многообразие к простой первооснове.

«Прививку» западноевропейское просветительское общественное сознание сделало нашему, российскому в XVIII веке, в период бурного заимствования с Запада технологий, научных представлений, философских идей, форм искусства, элементов образа жизни, вплоть до причесок, нарядов, обстановки и даже иноземных языков, вытеснивших в некоторых слоях аристократического общества русский язык в быту. «Прививка» продолжала действовать и после наполеоновских войн, пробудивших патриотические настроения. Заимствование перестало быть столь прямым и примитнвным, но идеология гонки за лидером сохрвнилась. Когда аутсайдеров становилось все больше, умножились и вошли в повседневность «салоны» и «кружки»,

молодежь набросилась прежде всего на западноевропейские новейшие учения.

С середины тридцатых годов начинается «упоение гегелевской философией». В кружке Станкевича, например, человек, не знакомый с Гегелем, считался «почти что не существующим человеком» (П. Анненков). В другом кружке, где был Герцен, подобным же кумиром стал Сен-Симон. «Герцен носился со своим Сен-Симоном в первых порах, как с Кораном, и рассказывает в собственных записках, что, явясь однажды к Н. А. Полевому, назвал его отсталым человеком за равнодушный отзыв о реформаторе». Национального же самосознания в этот период еще не было никакого. Целое поколение воспиталось на этой смеси из элементов гегельянства, шеллингианства, французского философского материализма и социального утопизма. И когда в середине сороковых годов сложилось и заявило о себе славянофильское направление, ему пришлось буквально пробивать стену накопившихся расхожих суждений и тривиальных истин, образовавшуюся и укоренившуюся в общественном сознании.

О необходимости осознания собственной культуры и ее проблем впервые заговорил, конечно, А. С. Хомяков. Это он в середине сороковых годов выдвинул и горячо отстаивал гипотезу, что петровские преобразования насадили в России элементы западной культуры, образец которой в качестве эталона и был принят высшими слоями общества. И это врастание в чужую культуру, по мнению Хомякова, оторвало образованные слои русского общества от народа. Народ продолжал жить в своей системе представлений, но при этом лишился притока новых идей, совместимых с этой системой, которые могли бы быть в нее включены. Образованные слои теперь пытаются нести народу просвещение уже по новому образцу, но ведь «просвещение есть не только свод и собрание положительных знаний, оно глубже и шире такого узкого определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе».

Необходимо, чтобы те знания, которые передаются народу, те нововведения, которые предлагаются для его блага, отвечали на какие-то вопросы, разрешали какие-то проблемы данной, конкретной культуры. «На Западе всякое учреждение, так же, как и всякая система, содержит в себе ответ на какой-нибудь жизненный вопрос, заданный прежними веками...». Но это ответы на их вопросы. Наша жизнь и история ставят перед нами другие задачи и проблемы, «а мы еще ничего не сделали, продвигаясь раболепно в колеях, уже прорезанных Западом, и не замечая его односторонности». Все статьи Хомякова этого периода полны беспокойства о том, что «разумного просветления всего духовного состава» в народе не происходит, а напротив — разрывается преемственность в культуре. «По мере того, как высшие слои общества, отрываясь от условий исторического развития, погружались все более и более в образованность, истекающую из иноземного начала; по мере того, как их отражение становилось все резче и резче, умственная деятельность ослабела и в низших слоях. Для них нет отвлеченной науки, отвлеченного знания; для них возможно только общее просвещение жизни, а это общее просвещение, проявляемое только в постоянном круговращении мысли (подобно кровообращению в человеческом теле), становится невозможным при раздвоении в мысленном строении общества».

Этот вывод подтверждает вся литература писателей-разночинцев второй половины XIX века. Она вновь и вновь ставит ту же проблему: почему русские крестьяне, кустари, мещане проявляют такое поразительное неумение и неспособность к творчеству новых форм социальных отношений? Старые формы (например, способы земельного передела в общине) отработаны до ювелирного совершенства. Но стоит только возникнуть новым явлениям, которые ставят перед людьми новые вопросы, ставят их перед необходимостью приспособиться, трансформировав существующую социальную структуру,— «низшие слои», предоставленные самим себе, ничего не могут предпринять, кроме бессмысленных волнений и репрессий по отношению к тем, кто хоть немного выходит за пределы строго обозначенных правил. А дело в том, что «низшие слои» не имеют притока идей от слоев образованных, которые в это время заняты освоением систем представлений, выработанных для решения совсем других, не наших проблем. Именно проблемы-то в этом случае и остаются без внимания — те, которые рядом. Хотя предполагается, что со временем мы их все одним махом разрешим, когда поднимемся «до уровня» передовой западной культуры.

Характерен эпизод, приведенный в воспоминаниях П. Анненкова,— о лекции Грановского, который «...говорил все, что нужно и можно было сказать от имени науки, и рисовал все, чего еще нельзя было сказать в простой форме мысли. Большинство слушателей принимало его хорошо... Когда в заключение своих лекций профессор обратился прямо от себя к публике, напоминая ей, какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования,— голос его покрылся взрывом рукоплесканий, раздавшихся со всех концов и точек аудитории».

Восторженная картина западной цивилизации, к которой, как к вершине, стремится общечеловеческая история,— и восторженная реакция публики, приученной воспитанием именно к такому изображению вещей. Еще одно подкрепление последовательно вырабатывавшегося в обществе рефлекса. Нельзя забывать, что огромные слои общественного сознания живут и движутся именно такими «рефлексами»; напряженная, критическая работа мысли — удел очень тонкой интеллектуальной пленки.

В этой тонкой мыслящей «пленке» все обстояло гораздо сложнее. Тот же Грановский в 1845 году на даче в Соколово, которую он снимал вместе с Герценом и Кетчером, после одного из грандиозных гостевых приемов, когда доверительные разговоры и откровенные споры затягиваются заполночь, в запале сказал одному из своих оппонентов: «А я тебе должен сказать здесь прямо, что во взгляде на русскую национальность и по многим другим литературным и нравственным вопросам я сочувствую гораздо больше славянофилам, чем Белинскому, „Отечественным запискам“ и западникам» (П. Анненков).

Это — показательное признание факта, что славянофилы с их теориями и взглядами ближе всего стоят к архетипическим, этническим глубинам, к ценностным структурам народного сознания. Славянофилы и западники не альтернативны, в перспективе они не должны исключать друг друга, поскольку их функция — друг друга дополнять.

Примерно в то же время, когда А. Герцен напечатал в «Отечественных записках» свою статью «Дилетантизм в науке», в которой давал право науке «нисколько не беречь дорогих преданий, убеждений, облегчающих существование людей и народов на земле и уничтожать их без робости, как только они противоречат в чем-либо ее собственным научным основаниям», А. Хомяков предпринимает реабилитацию византизма. «Объявляя византизм великим и еще не вполне оцененным явлением в человечестве, А. С. Хомяков тем самым отрицал и уничтожал громадную массу исторических, критических и теологических трудов Запада, враждебных восточной цивилизации, понижая его кичливость и многие предметы его гордости, как, например, эпохи Реформации и Возрождения» (П. Анненков).

Естественно, встретившись в салоне Еланской, они не могли не вступить в спор. При первой же стычке Герцен, как он вспоминает в «Былом и думах», почувствовал крепкую и аргументированную оппозицию своей точке зрения. Хомяков отвергал самую предпосылку, на которой строились все рассуждения Герцена, а именно — культ разума, наследие эпохи Просвещения. Он указывал на необходимость учитывать нравственные аспекты и духовные потребности человека. Герцен искал этих встреч и споров. Выступая в качестве оппонента, Хомяков заставил его прочитать толстенные исторические труды западных писателей и даже материалы всех вселенских соборов, познакомиться с догматикой православного учения, которой Герцен совсем не знал.

Глубоко проникнуть в концепцию Хомякова и принять ее целиком Герцен не мог, но не мог и опровергнуть, во всяком случае убедительным для себя самого образом. Тем не менее она в него как-то запала, и он, по-видимому, неоднократно возвращался к ней, особенно после того, как сам оказался в Западной Европе и на практике познакомился со всеми сторонами образа жизни, который так восторженно идеализировал. Позднее он скажет: «Наша европейская, западническая партия тогда только получит место и значение общественной силы, когда овладеет темами и вопросами, пущенными в обращение славянофилами» (П. Анненков).

Но для того чтобы западники могли «овладеть» этими вопросами и построениями славянофилов, их нужно было извлечь из интуитивной, слабо осознанной сферы представлений и придать им форму логическую и вербальную. Нужно было, чтобы сказанные слова превратились в понятия с четко выявленным содержанием, нужны были разъяснения, определения, дефиниции. Нужна была настоящая продуманная и ясно изложенная концепция. Всего этого сделать славянофилы не смогли. Они даже не успели сказать тех слов, которые можно было бы считать основными отправными точками концепции.

Хомяков неожиданно умер от холеры в 1860 году, в возрасте пятидесяти шести лет,

в расцвете творческих сил. Остался архив материалов по русской истории, которую он собирался написать со своей оригинальной славянофильской точки зрения. Друзья укоряли его за медленную работу, считали лентяем, пытались засадить его за писание, закрыв в кабинете на ключ. Но, по-видимому, дело все-таки было не в лени. Собранный большой исторический материал требовал напряженного осмысления, вживания в него, «претворения» его в концепцию, во что-то цельное и завершенное, а такой процесс невозможно ускорить или замедлить, он совершается в своем ритме и темпе.

Был и целый ряд обстоятельств, тормозивших этот процесс осмысления и формулировки идей и ценностей. Одно из них мы здесь затронем как весьма важное, продолжающее существовать и до настоящего времени. Мы пытаемся осмыслять свои этнические ценности в чужой, заимствованной системе понятий — в понятиях научной психологии, фрейдизма, западных философских систем (поскольку своих философов, как правило, не знаем или знаем гораздо хуже, чем иностранных), западных политических структур и разного рода социальных и культурных концепций, взятых из чужого общественного сознания. В терминологии наших наук очень много понятий, попросту калькированных из чужих языков, они прочно вошли не только в научный язык, но и в язык общественного сознания, причем в последний они входят уже эмоционально ярко окрашенными.

Попробуйте сказать типичному представителю нашего, современного общественного сознания, что «демократия» как явление имеет свои отрицательные стороны,— он возмутится праведным гневом, он зачислит вас в разряд «противников демократии», «ретроградов», он вам приклеит массу ярлыков и штампов, потому что он не может думать о «демократии» иначе, как только восторженно и с придыханием. А ведь мы все — представители общественного сознания, и в большей или меньшей степени — типичные. Какой тут возможен объективный анализ, тем паче — критический разбор?

Но альтернативной, собственной системы понятий в нашем языке не выработалось. Только Ломоносов в XVIII веке предпринял этот труд — перевод научной терминологии на русский язык, и введенные им слова («кислород», «водород», «широта», «долгота») удачно вписались в язык, в том числе и в разговорный, используются ныне нами очень естественно. И насколько удобнее использовать их в любых описаниях — структура явления, за ними стоящего, просвечивает отчетливым образом в структуре самого слова.

Хомяков отлично осознавал опасность, подстерегающую человека, пытающегося описать какое-либо своеобразное этническое явление с помощью заимствованных из чуждой среды слов. Он вообще придавал языку очень большое значение, считая, что через наше сознание язык влияет на мир, и более всего – на социальную реальность «Дайте какой бы то ни было власти название иноземное, и все внутренние отношения ее к подвластным изменятся и получат иной характер, который не скоро исправится. Назовите Святую Веру религией, и вы обезобразите самое Православие».

Осталось нераскрытым и неописанным одно из основных слов, которое славянофилам все-таки удалось сказать: «соборность». Какое-то явление оно описывает, которое отчасти пересекается с «демократией» и имеет с ней какие-то общие элементы. Но в только что начавшей формироваться концептуальной системе славянофилов равенства между этими понятиями нет, соборность имеет какие-то свои характеристики, о чем мы сейчас можем только догадываться по отдельным, разбросанным в разных работах замечаниям. А. Хомяков: «Желательно, чтобы сход решал дела приговором единогласным. Таков был издревле обычай славянский. ...Если уже нельзя получить решение единогласное, лучше передать дело посреднику, излюбленному от всего схода. Совесть и разум человека, почтенного общим доверием, надежнее, чем игра в счет голосов».

С уходом из жизни Хомякова и Грановского, с эмиграцией Герцена эта тонкая аналитически и критически мыслящая пленка нашего тогдашнего общественного сознания получила весьма сильные повреждения и разрывы. И минимизировалась возможность не только выработки, формулировки этнической концепции, системы представления народа о себе самом, но и «привития» этой концепции общественному сознанию. Нарушились тесные связи внутри аутсайдерского слоя, что, в свою очередь, сильно уменьшило возможность достичь какого-то необходимого уровня единомыслия, взаимопонимания.

И тут подкатил период массового аутсайдерства, когда разночинская масса стала расти в геометрической прогрессии. Уже в 1845 году на дачу в Соколово народ приезжал в таком количестве, что не умещался внутри дома и столы приходилось выносить на улицу, на лужайку перед домом. А через несколько лет даже ядро разночинского «сословия» не смогло бы разместиться ни на какой отдельно взятой даче. Там, в Соколове, люди еще находили возможность непосредственно, интимно общаться друг с другом, говорить по душам, с полной искренностью. А ведь только в таких условиях и возможен обмен мыслями, то, что называется «филиацией», то есть проникновением и движением идей из одного сознания в другое: люди общаются без фильтров, непредубежденно, с полным доверием друг к другу. И тогда происходит сближение точек зрения и убеждений.

Поскольку интеллектуальная пленка аутсайдерства ослабела, а масса его росла быстро, влияние на нее аутсайдерской элиты стало малозаметным. Вновь прибывающий в столицы человеческий «материал» не успевал проходить «обработку» уже выработанными системами представлений и убеждений. А это вело к понижению уровня массы.

Молодые люди прибывали из провинции в университеты и другие учебные заведения со смутным чувством глубокой неудовлетворенности и обиженности на жизнь, но уже с прочно сформированной установкой на то, что у нас все отсталое, что нам нужно «догонять Европу» (вот у них, там — действительно жизнь, а мы здесь прозябаем, обречены на неполноценное существование!), с довольно слабыми способностями к анализу, теоретическому мышлению, зато с огромной жаждой действовать и все вокруг себя переделать. Они-то и составляли основной «субстрат» аутсайдерской массы. Вырабатывать из себя она могла только все те же штампы и тривиальности, которые бессознательно усвоила из сознания общественного. А прежде и больше всего она настроена была учиться (что в принципе было правильной установкой) и страстно набрасывалась на французские журналы, французских историков, немецких философов, а позднее — на политэкономические доктрины разного рода. Но не для того, чтобы в чем-то разобраться, подумать, сопоставить с реальными проблемами, собственными и страны в целом (последних она вообще не знала и не представляла), а для того чтобы найти сразу же, немедленно, простое и прямое руководство к действию.

И, как всегда бывает с догоняющими, масса усваивала зады европейской мысли. По воспоминаниям П. В. Анненкова, в круг чтения входили: «Книга Прудона «De la propriété», тогда уже почти что старая, «Икария» Кабе, малочитаемая в самой Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-работников; гораздо более распространенная и популярная система Фурье,— все это служило предметом изучения, горячих толков, вопросов и чаяний всякого рода... В промежутке 1840—1843 годов такие трактаты должны были совершить окончательный переворот в философских исканиях русской интеллигенции, и сделали это вполне. Книги названных авторов были во всех руках в эту эпоху, подвергались всестороннему обсуждению и изучению, породили, как прежде Шеллинг и Гегель, своих ораторов, комментаторов, толковников, а несколько позднее, чего не было с прежними теориями, и своих мучеников». Это — еще до наступления периода массового разночинства. Позднее кумирами стали Конт и Спенсер, потом в дело пошли Бюхнер и Молешотт, Милль и Маркс. Теории не очень высокого уровня, но отличавшиеся большой определенностью выводов, часто весьма косвенно вытекавших из анализа материала, а то и вовсе из него не вытекавших, но бывших просто преломлением любимых философских идей и убеждений автора.

Например, К. Маркс, будучи рикардианцем, позаимствовал у Рикардо трудовую

теорию стоимости. Но в трудах Рикардо тщательно оговорены все случаи, когда теория трудовой стоимости не должна применяться, так как здесь она не работает. Рикардо сам понимал свою теорию стоимости как частично объясняющую действительность, применимую ограниченно. Маркс нигде об оговорках Рикардо вообще не упоминает, что позволяет ему, за счет понижения теоретического уровня концепции, представить свои выводы как всеобъемлющие, как открытие законов, действующих повсеместно.

Серьезному экономисту Евг. Бем-Баверку сразу бросилось в глаза, что, приступая к изложению своей теории стоимости (точнее — «ценности», ибо введенное у нас при переводе понятие не вполне соответствует по объему немецкому «der Wert»), Маркс говорит сначала о «благах» вообще, потом неожиданно переходит к анализу только одной их категории — «товаров», то есть благ, специально произведенных человеком для обмена. Извлекая из них то общее, что сам же по определению заложил в них: что все они «овеществленный труд», «сейчас же, на 13 стр. он снова оставляет это ограничение и только что добытый для более тесного круга товаров вывод применяет к более широкой области «потребительных ценностей», и на этом основании приходит торжественно к выводу: «Потребительная ценность или благо имеет ценность только потому, что в ней воплотился или материализовался воплощенный человеческий труд».

Общая характеристика труда К. Маркса у Бем-Баверка такова: «Прежде всего он проповедует с особой силой, что меновые отношения товаров основываются ни на чем другом, как только на количестве труда; он весьма резко полемизирует с экономистами, которые, кроме количества труда, влияния которого на меновую ценность хозяйственных благ, допускающих произвольное увеличение производства, никто не отрицает,— признают еще и другие причины, определяющие ценность и цену,— исключительно на количестве труда как единственном основании меновых отношений, он строит в своих двух томах очень важные теоретические и практические выводы, свою теорию добавочной ценности и свое осуждение капиталистического строя общества, чтобы в третьем томе развить теорию цен производства, которая в сущности признает влияние и других определяющих причин, но вместо того чтобы исследовать вполне эти причины, он торжественным жестом указывает только на те пункты, в которых его идолопоклонничество труда — действительно все еще или только по его мнению, оказывает свое влияние на изменение цен... на зависимость средней нормы прибыли от «общей ценности» и т. д.». «Это называется,— завершает свой анализ Бем-Баверк,— уклониться от сознания в противоречии». В подкрепление Бем-Баверк приводит цитату из Зомбарта: «Ведь если после погружения вдруг всплывает «совершенно обыкновенная» теория издержек производства, то это значит, что пресловутое учение о ценности провалилось. В самом деле, если я в конце концов все-таки обращаюсь к издержкам производства, то к чему же тогда весь тяжеловесный аппарат теории ценности и прибавочной ценности?» Это тот «гранитный научный фундамент», на котором базируется учение, названное Лениным «всесильным», «потому что оно верно». Отсюда черпалась уверенность в том, что мы непобедимы в конечном счете, так как правильно познали законы истории и действуем в соответствии с ними.

Эти «тонкости», конечно, совершенно не были замечены ни нашими разночинными интеллигентами, бурно увлекшимися марксизмом, ни теми рабочими, которых они просвещали в кружках, специально посвященных изучению «Капитала». Важно ведь было, что марксизм как бы вовсе не содержал в себе смущенных оговорок, гипотетических предположений, наоборот, вселял в читателя чувство уверенности, давал ему право что-то осуждать, чему-то сочувствовать, звал к борьбе и вселял надежду в окончательную победу, хотя бы в отдаленном будущем.

Из сменявших друг друга западных учений делались выводы совершенно абстрактные и практически бесполезные для той настоящей деятельности, в которой так нуждалась в те времена страна. Естественно, что на таком основании совершенно невозможно было выдвинуть никакой национальной идеи. И даже вопрос об этом не стоял. Хотя к народу в принципе относились очень положительно и даже с умилением.

Крестьянское сознание, конечно, не могло воспринять всерьез ту окрошку из иностранных философских и экономических доктрин, партийных программ, составленных во Франции и Англии для решения местных проблем, абстрактных постулатов и практических рецептов, неизвестно на какую ситуацию ориентированных, которую несли им молодые разночинцы, имевшие целью не столько просветить их, сколько этим просвещением возбудить против царя и существующей власти. Все это

совершенно не было связано с реальной крестьянской жизнью, которой пропагандисты не знали. Только наиболее вдумчивые из них, например Глеб Успенский, пожив среди крестьян, приглядевшись к их жизни, начинали понимать, что существование крестьянина — это вовсе не «влачение по браздам», как им казалось издалека. Что жизнь его насыщена не только напряженным трудом, преодолением многочисленных трудностей, но и праздниками, своими эмоциональными взлетами, что в нем своя эстетика. Короче, что крестьянская жизнь, уклад и обиход — это сложная система, включающая в себя множество пригнанных друг к другу элементов, связи между которыми отлажены веками и тысячелетиями, и что нельзя по произволу (или, что одно и то же, исходя из каких-то совершенно абстрактных постулатов) изымать из этой системы элементы и заменять их какими-то другими, вовсе на эту систему не рассчитанными, не рискуя обрушить всю систему.

Осознав провал своих намерений немедленно просветить и направить темных крестьян, разночинная интеллигенция должна была ухватиться за учения, предлагающие ей «объективно действующие законы истории», которые все равно, независимо от сознания населения, ведут куда надо и в конечном счете «пробьют себе дорогу». В этом настроении — одна из причин огромной популярности марксизма в России.

Конечно, сказать, что в пятидесятые — восьмидесятые годы XIX века в русском разночинстве вообще не было никакого критически мыслящего слоя, было бы и несправедливо, и попросту неверно. Подспудная работа мысли не прекращалась. Молодые интеллигенты, поварившись в столичных кружках, походив «в народ», поездив по России, что-то начинали осознавать, обдумывали свой опыт, полученный в наблюдениях материал, спорили, обсуждали. Те же самые люди, которые в шестидесятых — начале семидесятых годов ходили в народ, в восьмидесятых уже смотрели на этот этап своей жизни со снисходительной улыбкой, как на неизбежное ребячество. Но все это стоило сил. И жизней. И очень слабо усваивалось вновь прибывавшими волнами молодежи, сознание которых было заштамповано предыдущим этапом развития общественного сознания и которые ничего не желали слушать, начиная все вновь, с «нулевого цикла».

Михайловский и Ключевский адаптировали западные социологические теории, накладывая их на отечественный материал, которым они владели; прямолинейный «охранитель» Леонтьев писал свои статьи о византизме, исполненные очень метких замечаний и дерзких гипотез, не опасаясь противопоставляться самым «любимым» доктринам тогдашнего общественного сознания. Данилевский издал свою книгу «Россия и Европа». Постепенно накапливался систематический статистический материал. Владимир Соловьев открыл для невежественной в религиозном отношении разночинной интеллигенции православие, как «терра инкогнита»,— и воспитал себе последователей.

Именно эта струя общественной мысли, пробиваясь подспудно через все нагромождения тривиальных мыслей, накопившихся в общественном сознании еще с XVIII века, постепенно набирая силу, породила наконец «веховцев», и это уже был постмарксистский этап развития русской разночинной — и не только разночинной — мысли.

Это был непреходящий вклад в историю русской мысли. Сожалеть можно лишь о том, что плод созрел слишком поздно.

«Веховцы» были людьми, выварившимися во всех растворах. Многие получили в детстве традиционно религиозное воспитание, потом стали материалистами, марксистами, пережили возвращение к идеализму и почти все в конечном итоге вновь сознательно пришли к религии. На этом длинном пути они получили огромный личностный опыт и хорошо его осмыслили.

Однако потребовалась еще революция 1905 года, чтобы эта часть интеллигенции, объединившись вокруг сборника «Вехи», решилась противопоставить себя всей остальной интеллигентской массе и бросить ей упрек, что путь, по которому она ведет страну,— путь в никуда. На это обвинение последовала бурная реакция: поток опровержений, контробвинений, поношений. Тем не менее сборник выдержал в течение одного года более десяти изданий. Тенденция себя отстояла, закрепилась и стала набирать силу. В 1918 году «веховцы» подготовили второй сборник, который они рассматривали как продолжение первого. Он назывался «Из глубины». И здесь идея восстановления культурной преемственности зазвучала уже в полную силу.

«Самым безобразным детищем того, что называется современной культурой, является именно ее плоскостность, ее отрицание времени, рода и племени. Безродность как осуществляемое начало, есть начало неосуществимое, в этом

заключается осуждение всех окрашенных им течений мысли». Необходима «связь мысли личной с мыслью вселенской через мысль рода и народа» (П. Новгородцев).

Рационалистический утопизм, характерный для русского интеллигентского сознания, проявляется, по мысли авторов, в стремлении «устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия», а это влечет за собою «кризис общественности».

Но критика «безродности» интеллигентских построений — совсем не возвращение к идеям народников шестидесятых годов: одновременно порицается также и вера в то, «что народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного созидания». «...Следовало бы сказать, что народу и интеллигенции надлежит быть вместе в служении некоторому общему делу, стоящему выше народных желаний и интеллигентских теорий. Такому требованию одинаково противоречит и ломка народной жизни по отвлеченным требованиям интеллигентских утопий, и возведение народных желаний в степень высших идеалов государственного строительства».

Со времени народников и тем более со времени славянофилов уже многое изменилось как в мире вообще, так и в русском общественном сознании. «Значение совершившегося в России и совершающегося в мире есть внутреннее уразумение родства и соборности. Мир испокон века держится родством и соборностью...» (В. Муравьев). Для того чтобы государство представляло собой прочное духовное единство, «оно должно утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию, и оно должно в глубине своей таить почитание своего дела, как дела Божия» (П. Новгородцев).

И наконец, постановка задачи. «Судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями. Они определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти. Не всякие такие стремления выливаются в идеи, в них формулируются. Явиться могучей движущей и творческой силой исторического процесса страсть может, только заострившись до идеи, а идея должна, в свою очередь, воплотиться в страсть» (П. Струве).

Как видим, такая постановка проблемы вполне соответствует всему описанному нами: необходимо выработать комплекс идей, основанных на ценностных структурах («стремлениях» и «страстях»), который должен, в свою очередь, «воплотиться в страсть», то есть быть воспринятым как ценность. А для этого вырабатываемые идеи должны совместиться с теми неосознанными структурами, которые уже и ранее существовали в массах, с тем, что мы назвали выше «социальными архетипами». Нужно только поставить себя в контекст истории и культуры своего народа, ощутить себя его частью, ощутить связь с его судьбою и прошлым, уразуметь, что века и тысячелетия, прожитые народом, не безвременье и бескультурье, но процесс, в котором нечто существовало, созидалось, поддерживалось.

Нужно пожелать включиться в этот процесс и отнестись с уважением к тому, что было сделано до нас, «чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо этими святынями творилась и поддерживалась Россия как живая соборная личность, как духовная сила» (П. Струве).

Так была поставлена задача.

Но на ее реализацию история не оставила времени. Сам сборник «Из глубины», оконченный печатанием в 1918 году, не вышел из складов типографии, а еще через несколько лет и читать его в России стало, по существу, уже некому. Русская интеллигенция, прошедшая длинный и извилистый путь формирования и самосознания, частью была истреблена, частью эмигрировала за пределы страны, оставшаяся была загнана в глубокое подполье. А народ остался в донациональном состоянии. И его положение при вступлении в новый этап своей истории можно описать словами, которыми еще в XIX веке Герцен описывал одного из революционеров, прибывших к нему в Лондон из России: «Видно было, что он вышел на волю из всех опек и крепостей, но еще не приписался ни к какому делу и обществу — цеха не имел... От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити

поведения... Он далеко не оселся, не дошел ни до какого центра тяжести, он был в полной ликвидации всего нравственного имущества. От старого он отрешился, твердое распустил, берег оттолкнул и, очертя голову, пустился в широкое море».

Более полувека безвременья вовсе не продвинули нас вперед в решении наших этнических проблем — тема эта считалась закрытой, окончательно упраздненной, и говорить о национальных вопросах применительно именно к русским считалось неприличным, шовинизмом, оскорблением чувств прочих российских национальностей, для которых их собственные национальные и этнические проблемы тем не менее не снимались, а снисходительно поощрялись. Но вот эксперимент с построением социализма окончился ничем. И мы опять стоим примерно в том же пункте, в котором встретила революцию старая русская интеллигенция.

Запрет на тему теперь вроде бы снят. Мы постепенно осваиваем то, что было сделано до нас: Федотова, Ильина, Флоренского и других. Окружаем не просто уважением, но пиететом русскую культуру. Пока наше обращение к ней сводится в основном к апологетике. Это, безусловно, нужно и полезно, особенно сейчас. Но хорошо бы отдавать себе отчет, что восхваление само по себе задачи не решает. Для того, чтобы что-то конструктивно созидать, нужно иметь знание. В данном случае знание о себе самих. А мы о себе самих продолжаем говорить до сих пор в чужом языке, чужими словами; оперируем чуждыми нам схемами и концепциями. По существу мы просто пытаемся, оставив ту же систему представлений, какую выработало для нас безвременье, поменять знаки на обратные.

Представляли нам долгое время социализм как общество всеобщего блаженства, а капитализм — как исчадие ада. Теперь мы сделаем все наоборот: представим себе капитализм как источник благоденствия, а социализм — как исчадие ада, и дело с концом. Вроде бы все подтверждается реальностью: народы, выбравшие себе капитализм как принцип организации производства и распределения, действительно создали благосостояние, а мы, выбравшие социализм, пришли к развалу и нищете. Что же тут обсуждать? А обсуждать много чего есть. Потому что существует еще не один важный пласт человеческих отношений, который специально никакому укладу не принадлежит, но играет важную роль в общей организации социума или социального космоса. Только весь этот космос в целом может обеспечить благосостояние.

Польская писательница Э. Ожешко еще в конце прошлого века выразила это очень хорошо: «Производство, созидающее благосостояние и дающее возможность пользоваться материальным комфортом и благами жизни, может осуществляться систематически и эффективно только в таких обществах, где есть моральные элементы и движущие силы, такие, как взаимопонимание и порядочность, уважение справедливости и признание взаимных обязательств, забота об общественном всеобщем благе. Там, где не хватает таких элементов и стимулов, там человеческий труд начинает количественно уменьшаться и качественно ухудшаться, всякому взаимодействию препятствует взаимное недоверие; под влиянием эгоизма отдельных индивидов распадаются социальные связи и нарушаются те пружины, которые поддерживают социальные стремления. Там уменьшается и само материальное богатство, пересыхают глубиннейшие источники средств к существованию... Народ, который остался сегодня без чести, завтра останется без хлеба».

Вроде бы мы все это и признаем, но отделываемся от проблемы слишком легко: сам капитализм, рынок, когда мы его введем, нам все это и наладит. И тем самым обнаруживаем глубоко в нас сидящий марксистский способ мышления: экономиче-

ские отношения определяют все. А как да не определяют? Может быть, мы и со своим «социализмом» (про него никто определенно не знает, что это за строй такой, может, он и в состоянии развить внутри себя какую-то форму рынка) пришли бы к какому-нибудь приличному образу жизни, если бы не нарушили вот этой моральной — стимулирующей основы человеческого поведения сначала трудармиями, потом — репрессиями и концлагерями, затем — ложью и лицемерием. А Западу удалось пронести свою моральную основу через все революции. Для такого рода ценностей безвременье, особенно затянувшееся на десятилетия, по-видимому, разрушительнее всех революций, ибо в период безвременья воспитываются поколения людей.

«На примере нашей судьбы мы начинаем понимать,— писал С. Франк в 1917 году,— что на Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния и даже, наоборот, в известной степени содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только извне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан; короче говоря, потому, что это был не чистый социализм в своем собственном существе, а всецело буржуазный, государственный, несоциалистический социализм.. Внешне побеждая, социализм на Западе был обезврежен и внутренне побежден ассимилирующей и воспитательной силой давней государственной нравственной и научной культуры». Но эти же могучие культурные силы, не давшие социализму проявить свои разрушительные свойства и направившие его в русло созидания, точно так же ведь «обезвредили» и внутренне «победили» и капитализм, сделали и его созидательным.

Сами по себе ни капитализм, ни социализм не являются абсолютно плохими или абсолютно хорошими, в каждом из них много возможностей и вариантов. Соответствующий уклад как бы наслаивается на уже сложившиеся культуру, политический строй, обычаи, и от этих первичных элементов зависит, какие формы приобретет капитализм или социализм в данной стране, какие представления и ценности он будет поддерживать. Стихийные же рыночные процессы, ничем не сдерживаемые и не облагораживаемые, начинают разрушать саму эту первооснову, особенно если она и ранее уже была в достаточно обветшавшем состоянии.

Мы сейчас входим в период этих стихийных рыночных процессов. Для того чтобы капитализм у нас сложился и стал созидательным, нам придется потрудиться, обживая и окультуривая его для себя. Наши культурные — моральные и ценностные — компоненты должны сказать здесь свое веское слово. И они все равно его скажут, но лучше, чтобы они его сказали не через семьдесят лет, когда материальные и культурные ценности подвергнутся еще одному капитальному разрушению, а какие-то химерические и никого не устраивающие экономические структуры успеют уже сложиться и затвердеть. Активная и осознанно осуществляемая адаптация сохраняет массу сил и ресурсов. Но для такой адаптации нужно хорошо знать, к чему конкретно мы хотим адаптировать этот рынок, и не только рынок, но и свободу и демократию, о которых мы так долго и горячо мечтали.

С реальными явлениями нельзя работать на уровне слов и чистых идеалов. Здесь необходимо знание на уровне структур и механизмов. Вот соприкоснулись мы с вожделенными свободой и демократией и обнаружили, что демократия в наших стихийных условиях иногда отбрасывает нас к безвластию, а «невежественная свобода», по выражению одного из древних подвижников, «есть матерь страстей» (авва Исаак Сирин). Столкнувшись с такими парадоксами, мы склонны уходить от проблемы, утверждая, что это не «настоящие» свобода и демократия. А какие настоящие? Спросите нас про ту же демократию: какая она должна быть? А такая, чтобы всем было хорошо! И больше ничего мы не сможем ответить, потому что под этим понятием у нас нет совершенно никакого содержания. И то же со свободой: понятно, это когда человек может делать так, как он хочет, но, безусловно, чтобы не причинял никому вреда. И попробуйте представить себе, как можно такое требование осуществить. Как раз тут наши представления самые расплывчатые и неконкретные.

Осознав свою некомпетентность, мы сразу же обращаем взгляд на Запад (как всегда, как в течение многих веков). А как у них там это устроено? У них устроено в принципе неплохо. Так что им хорошо. Но не следует забывать, что это «хорошо» зависит очень сильно от ценностей, признаваемых в той или иной культуре. То, что с точки зрения их культуры хорошо, с нашей точки зрения может таковым не оказаться.

И опять мы приходим к тому же вопросу: надо бы нам знать твердо, как же мы хотим жить. Естественно, мы хотим, чтобы страна была богатая, сильная, чтобы нас уважали. Мы всегда этого хотим. Мы хотим, чтобы было много хороших продуктов, вещей, чтобы все это можно было купить. Но прежде чем все это появится на наших прилавках в достаточном количестве, все это необходимо произвести. И именно нам, не кому-то другому. Человек должен быть мотивирован к производству, к труду. Что-то находить для себя в самом процессе труда, выстроить какой-то устраивающий его образ жизни. Общество ведь в конечном счете — не что иное, как большой механизм, имеющий целью все это устойчиво обеспечивать. Каждое общество действует тут своими способами. Вот об этом-то и идет речь. Мы должны понять, какой именно вариант образа жизни, а тем самым и общества, хотим иметь. И когда мы это сформулируем, будет сделан решающий шаг на пути к образованию из нас нации.

Но прежде чем мы сформулируем идею, нам придется создать свой язык. Нужно перестать играть словами, под которыми нет конкретного смысла. Если говорить о «соборности», нужно понимать, что это за понятие такое. Славянофилы, пустившие его в обращение, не оставили четкого определения. Нужно раскрыть, что мы вкладываем в понятие «духовность», которым мы так любим оперировать, потому что у него много различных смыслов. Нужно многое понять, осмыслить и определить. Иначе мы будем топтаться на месте.

Время же идет, и социальные архетипы, основа нашего этноса, постепенно бледнеют и стираются. Другими словами, задача формулировки национальной идеи, способной нас всех сплотить, становится все сложнее и труднее.

Кто-то может сказать: ну и пусть они себе стираются, эти архетипы. Освободимся от них и ассимилируемся в какую-нибудь приличную европейскую культуру. Чем плохо? Однако ассимиляция также требует труда, и она осуществляется медленно. Это означает еще несколько десятилетий, а может быть, и веков безвременья. Целые поколения будут жить в условиях «непонятно чего». Потому что архетипы — это только связующие звенья, способ осуществления ценностей. А ценностное ядро в нас живо и сильно. Оно только заблокировано отсутствием адекватных средств выражения. Но оно активно сопротивляется и будет сопротивляться всем способам проявления чуждых для него ценностей. Это процесс болезненный. И в конечном счете ассимиляция — менее интересный и ценный результат, чем создание собственной нации на основе собственного этноса. Мне так кажется. И я думаю, что не мне одной. Вот мы и есть материал для будущей нации.

Деятельные и активные люди уже мобилизуются на защиту этнических ценностей. Но пока нет четко выраженной идеи, эта «борьба за...» по существу превращается в защиту пустого места. Не совсем, конечно, пустого. Что-то на нем есть, какой-то материал для будущего здания, но работа здесь не ведется, поскольку нет проекта. Вот разработка проекта и есть задача настоящего момента. И так создание нашей нации превратилось в долгострой, в работы, которые время от времени замораживаются, время от времени вновь начинаются на все более и более разрушающейся строительной площадке. В промежутках, естественно, часть строительных материалов разворовывается, часть ржавеет и гниет. А проекта все нет, и работы ведутся подо что-то такое неопределенное, в будущем.

Пора взяться за дело с умом. «Да смыслиши о всех, яже твориши»,— сказал Господь Иисусу Навину. Он вложил в нас разум, дабы мы им пользовались и действовали осмысленно. А пока о нас можно сказать только то, что было сказано в самом начале: мы — большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой, но мы пока что не нация. ●

...Говорил ли...
Иисус как личность, как конкретное историческое лицо, проживавшее в такой-то стране от такой-то до такой-то даты, или же Его разумом и устами трансформируется в человеческие слова голос Бога, который Он слышит в себе... Ибо нельзя представить, чтобы Иисус во все мгновения своей жизни говорил только как Вестник и никогда — просто как человек...
Даниил Андреев

Дерзкая книга

Много лет тому назад мне в руки попалась самиздатовская рукопись опального православного священника отца Ж. В одном месте этой рукописи автор настойчиво вглядывается в евангельский рассказ спасения Христом блудницы. С намерением испытать Иисуса фарисеи привели к нему «взятую в прелюбодеянии» женщину и спросили: нужно ли побить ее камнями, как того требует Закон? «Кто из вас без греха,— дипломатично ответил Иисус,— первый брось в нее камень». И фарисеи, «будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних» (Ин. 8:3—9).

Отца Ж. поразило то, что Иисус только тихо воззвал к совести пришедших уличать его фарисеев и те тотчас послушали голос совести. Но при чем тут человеческая совесть? Конечно, все люди грешны, но и грех греху рознь. Прелюбодеяние — грех смертный, кара за него установлена Богом (Лев. 20:10, Втор. 22:22). О чем тут разговаривать? Какая совесть? К тому же тонкие аналитики фарисеи не могли не понимать, что своим уходом они сами нарушают ясные и четкие повеления Торы и, кроме того, по логике вещей косвенно подтверждают, что повинны в таком же тяжком, как прелюбодеяние, грехе и потому должны быть, как эта женщина, побиты камнями. Неужели они не нашли, что возразить ему? Кто мешал им в ответ галилейскому проповеднику заявить, что он с учениками устраивает оргии по ночам? что он не еврей вовсе, а грек и язычник? что он продался Пилату за 30 сребреников? Почему никто этого не сделал и не сказал? Что за непостижимый для нас мир? Чудеса! Отец Ж. так и решил, что тут Христос совершил с фарисеями чудо... И все же: можно ли и как постичь этот древний мир и этих людей?

Само по себе изучение источников, ознакомление с религиозными установлениями, нравами и обычаями тех времен вряд ли особенно помогут делу. Нужны не знания, сколь бы обширны они ни были, а знание, изнутри дающее целостное понимание основной установки человека на жизнь. Надо понимать мотивы, движущие самой жизнью, знать то, как эти люди сознавали себя и Бога, как чувствовали себя живущими на свете. Только знание самого чувства жизни, с которым жили фарисеи Иудеи, способно разъяснить случившееся в том или ином эпизоде Евангелия. Так, в чувстве жизни религиозного еврея заложено более никому не ведомое чувство мистической ответственности за всякое свое действие на земле. И отвечая фарисеям, Иисус, надо думать, переводил их вопрос о неизбежности казни в тяжелейший для еврейского сознания вопрос об исполнителях казни; разрешение этого вопроса связано не с совестью и человеколюбием, а с образом Бога в человеке. Вот из чего можно пытаться понять евангельскую сцену.

Если ко всем евангельским лицам относиться не как к условным фигурам Божественной мистерии, если требуется жизненная подлинность этих сцен, то нельзя не признать, что как таковое еврейское чувство жизни есть один из главных действующих смыслов в новозаветном повествовании. А это совершенно особое чувство-сознание жизни, которое — что особенно нам здесь важно — сохранено евреями с тех далеких времен. Родившийся в этой среде с детства впитал мир великих учителей еврейства, бывших старшими современниками Иисуса, и потому многие фразы и образы Евангелия ему близки и понятны, но близки и понятны иначе, чем людям христианской культуры. Он знает, чем дышит, как живет, думает, чувствует — и чувствовал! — религиозный еврей, что им движет, как и почему он поступает так, а не иначе.

Книга Хаяма Маккоби интересна уже тем, что она представляет новую, русскую, читателю совершенно не известную еврейскую точку зрения на евангельские события. Отметим сразу же, что ученый не имел ни малейшего намерения полемизировать с каким-либо вероисповеданием. Он вообще никого и ничего не «разоблачает». Его задача в стороне от религиозного спора. У него как у еврейского читателя есть впечатление от рассказанного в разных местах Нового Завета. Одни места, на его взгляд, подлинны, другие сомнительны, третьи совсем недостоверны. При этом автор безусловно искренен и в своих впечатлениях и в своем интересе к предмету разговора и в отношении к своему герою. Конечно, в нем живет обида за то, что его народ, столь преданный заветам Бога Авраама, Исаака и Иакова был объявлен виновным в смерти Христа. Именно эта еврейская боль, давно вошедшая в то самое чувство жизни, о котором мы говорили, многие столетия не дозволяла евреям углубляться в евангельские события и выражать свой взгляд на них. Эта же боль побудила к творчеству автора в наше время,— пожалуй, единственное время в истории, когда можно рассчитывать быть услышанным в мире. Перед вами не бесстрастное научное исследование, а творчество боли, в котором, строго судя, не могут не искажаться какие-то пропорции.

Будучи историком высокого класса, Х. Маккоби строит свое изложение на убедительных (в той или иной степени) доказательствах и рационалистских ходах исследовательской мысли, посредством которой автор предъявляет свой труд широкому читателю. Однако у него свое, априорное поэтическое видение религиозной личности Иисуса. Его духовное горение, его борьба, его подвиг веры рисуется автором «Революции в Иудее» во всем величии человеческого идеализма, самозабвенно ждущего от Бога свершения пророчества Захарии! Этот ясновидческий образ почерпнут Маккоби из того же самого напряженного и страдальческого чувства жизни, по указаниям которого он судит о подлинности или недостоверности разных мест Евангелия. Придется ли этот образ вам по вкусу или нет, но он живой и взят из знакомой автору жизни.

Синтез науки и ее украшающего религиозно-художественного творчества в исторических исследованиях сам по себе важен и продуктивен. К этому надо добавить живость мысли автора и дерзость его замысла. Эта дерзкая книга, способная со всех сторон вызвать огонь на себя, обречена на посрамление разного рода строгой ученостью. Но читать ее, даже в выдержках, чрезвычайно интересно.

И. МАРДОВ

Х. Маккоби

Революция в Иудее

(Иисус и еврейское Сопротивление)

Введение

Когда пытаешься понять Евангелия, позиция еврея дает некоторые преимущества, особенно для того, кто был воспитан в тесном общении с еврейской литургией, церемониями еврейского религиозного года, раввинской литературой и с общими еврейскими взглядами на мораль и культуру. Многие аспекты Евангелий, требующие для нееврея научного выяснения, для такого еврея столь же привычны, как воздух, которым он дышит.

Когда Иисус пил вино и преломлял хлеб на Тайной Вечере, он делал то, что приверженец иудаизма делает всякий раз, как совершает церемонию киддуша перед праздничной или субботней трапезой. Когда Иисус начал свою молитву словами «Отче наш, иже еси на небеси...», он следовал образцу фарисейских молитв, которые по сей день образуют часть еврейского ежедневного молитвенника.

Но в то же время еврей, читающий Евангелия, немедленно замечает вещи, не производящие впечатления достоверных, например рассказ о том, будто фарисеи хотели убить Иисуса за то, что он исцелял в субботу. Фарисеи никогда не включали врачевание в свой список дел, запрещенных по субботам, а методы врачевания, применявшиеся Иисусом, не включали никаких действий запрещенных. Нет поэтому никакой вероятности, что они стали бы порицать, даже мягко, субботние исцеления Иисуса. Более того, картина кровожадных и готовых к убийству фарисеев, рисуемая в Евангелиях, противоречит всему, что о фарисеях известно из Иосифа Флавия, из их собственных писаний и из иудаизма, существующего по сей день и созданного ими.

Таким образом, мы видим в Евангелиях противоречие между отрывками, производящими достоверное впечатление, и отрывками, которые впечатления достоверности не производят. Для еврея, изучающего Евангелия, это противоречие очевидно, и он хочет узнать, как же оно возникло. И проблема разрастается, когда он рассматривает религию, основанную на Евангелиях, то есть само христианство с его странной смесью еврейских, нееврейских и антиеврейских элементов.

Как могло случиться, что религия, столь полная заимствованиями из иудаизма, на протяжении большей части своей истории рассматривала евреев в качестве парий и отверженных? В цивилизации, основанной на еврейском Писании, цивилизации, чьи языки пронизаны еврейскими оборотами, к евреям относились с необычайной ненавистью, кульминацией которой явилось истребление шести миллионов европейских евреев в годы второй мировой войны.

Проблема Вараввы

Эпизод с Вараввой служит отличным введением в круг проблем, которые ставит Евангелие. В этом эпизоде все действующие лица сведены вместе, как в ключевой массовой сцене пьесы. Римляне представлены Пилатом — явление редкое, так как в целом римляне в Евангелиях удивительно незаметны. Представлены и все группы евреев: первосвященник со своей саддукейской свитой, фарисеи, революционные зелоты, иродиане и еврейская толпа. Все они обрисованы как объединенные в ненависти к Иисусу. Если бы мы смогли действительно понять эпизод с Вараввой, мы смогли бы понять и Евангелия в целом, ибо этот эпизод содержит в миниатюре не только элементы, из которых составлено повествование Евангелий, но и их отношение к жизни и смерти Иисуса.

Напомним фабулу, составленную из контаминации сведений всех четырех Евангелий. Иисус схвачен и передан в руки Пилата. В той же тюрьме, где заключен Иисус, есть другой пленник, по имени Варавва, мятежник или разбойник. Время действия — пасхальное празднество, и в это время еврейская толпа Иерусалима имеет право просить освобождения одного заключенного. На Пилата, римского губернатора, личность Иисуса произвела благоприятное впечатление. Пилат также убежден в невиновности Иисуса по выдвинутым против него обвинениям. Толпа начинает кричать, требуя выполнения обычая, освобождения одного заключенного. Пилат пользуется случаем и предлагает освободить Иисуса, «Царя Иудейского». Но еврейские священники снуют среди толпы, убеждая людей не соглашаться на это предложение. Толпа поддается увещеваниям священников и отказывается от предложения Пилата освободить Иисуса. Вместо этого громким криком требуют освободить Варавву, человека насилия. Пилат с горечью сознает, что ему придется уступить этому требованию, и спрашивает, что ему сделать с Иисусом. «Распни его! Распни его!» — кричит толпа. Пилат в ужасе от этого кровожадного требования, отказать в котором тоже не может. Однако он хочет снять с себя вину в этом деле. Для этого он в знак своей невиновности публично умывает руки. Еврейская толпа же настаивает на своей ответственности, призывая проклятие на собственные головы и на головы своих детей. В результате Варавву отпускают, а Иисуса уводят для распятия.

Немедленно возникают некоторые вопросы. Почему, собственно говоря, Пилату пришлось распять Иисуса? Если у евреев было право освободить выбранного ими заключенного, то это вовсе не давало им права диктовать губернатору, какой каре он должен подвергнуть других заключенных, которых не освобождали. Одно из Евангелий — от Иоанна — дает ответ на этот вопрос: евреи шантажировали Пилата, грозя донести на него цезарю, если он не казнит Иисуса, ибо «всякий, делающий себя царем, противник кесарю». Но почему об этом надо было напоминать Пилату? И почему об этом напоминали евреи, не слишком-то славившиеся своей покорностью власти Рима? Почему Пилат, римский губернатор, забывает тот факт, что претензии быть «Царем Иудейским» равносильны мятежу против Рима? А он настолько забывает это, что фактически признает Иисуса царем, представляя его народу со словами: «Се Царь ваш!» и вопрошая толпу: «Хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?»

Вопросы эти уже достаточно озадачивают, но если мы обратимся к событиям, приведшим к инциденту с Вараввой, возникают еще более головоломные вопросы. Всего несколькими днями раньше Иисус вступил в Иерусалим, приветствуемый бурными восторгами народа. Это называют его триумфальным въездом, и оно описано во всех Евангелиях как событие всенародного значения. Народ приветствовал его как сына Давида и также как пророка. Когда Иисус ехал на молодом осле, толпа приветствовала его с энтузиазмом, размахивая пальмовыми ветвями и устилая его путь своими плащами. Затем последовало «очищение храма». Иисус вошел в храм и, не обращая внимания на храмовую стражу, опрокинул столы менял и торговцев и изгнал их с храмовой территории бичом. Евангелия говорят, что он смог это сделать, потому что власти перепугались, видя сильную народную поддержку Иисуса. «Побоялись народа, считавшего Иисуса пророком» (Матфей).

Триумфальный въезд Иисуса был, согласно рассказу Евангелий, в воскресенье. В четверг вечером он был арестован. В пятницу он был мертв. И эпизод с Вараввой описывает, как последнее слово было за еврейскими массами, за иерусалимской толпой. Они с жаром требовали смерти Иисуса и настаивали, чтобы его казнили одной из самых жестоких казней, какие известны людям.

Ключевой вопрос, возникающий при рассмотрении всей этой истории с Вараввой, таков: почему толпа, приветствовавшая Иисуса как героя в воскресенье, вопит, требуя его крови в пятницу? Наиболее часто даваемое объяснение гласит, что толпа разочаровалась в Иисусе. Она лелеяла большие надежды, что он — обещанный мессия, который победит римлян, восстановит еврейскую независимость. Вместо этого он был легко побежден и принял свое поражение и арест с пассивной кротостью и молчанием. Что же до Вараввы, то он был человеком насилия. Он тоже был подавлен силой и схвачен, но, несомненно, проявил доблесть в отчаянном сопротивлении, что сделало его любимцем толпы. В результате с непостоянством толпы она перенесла свою верность на Варавву. Ее прежняя восторженная любовь к Иисусу обратилась в ненависть и презрение, и в этом умонастроении она легко дала первосвященникам и старейшинам уговорить себя требовать смерти Иисуса.

Нет сомнения в том, что евангельский рассказ старается создать именно такое впечатление. Бездуховная толпа не понимает, что Иисус — не тот мессия грубого успеха, которого она ожидала. Его царство не от мира сего, он Сын Божий,

Главы из книги.

который должен претерпеть поражение и смерть, дабы искупить грехи человечества. Выбор Вараввы был выбором этого мира и отвержением царства духа.

Однако же трудности объяснения смены толпой позиции остаются. Иисус вступил в Иерусалим в Вербное Воскресенье как монарх и безоговорочно принял такие приветствия, какие предназначаются лишь претендентам на трон. Его действия по изгнанию менял из храма явно не были проявлением пацифизма или принципиального неприятия насильственных действий. Он раздал мечи своим ученикам (Лука, XXII, 38), и во время его ареста было некоторое сопротивление.

Еврейское простонародье не имело оснований полагать, что Иисус пацифист. Его намерение претерпеть распятие без борьбы он сообщил только своим ближайшим соратникам, да и те не слишком-то поверили в это. Толпа, знавшая о чудесных исцелениях Иисуса, не стала бы отчаиваться из-за одного его ареста. Она бы стала ждать, уповая на то, что он совершит какое-нибудь чудо, например, обрушит стены своей тюрьмы. Такое чудо органично входило бы в ее представление о мессии. То, что Иисус пренебрег поддержкой регулярного войска, что он не отвечал на большинство обвинений в его адрес, означало бы, что он спокойно полагается на поддержку сверхъестественную, которую наверняка призвал бы, когда время настанет. И когда выступил римский губернатор, на которого Иисус явно произвел сильное впечатление, и предложил освободить его, толпа должна была бы воспринять это как то самое чудо, которого она ждала. Римские губернаторы обычно отнюдь не были расположены оказывать милости претендентам на престол, а уж особенно такому, который вступил в Иерусалим в стиле завоевателя и захватил его. Бог явно лишил разума римского губернатора.

Но вместо того чтобы видеть в предложении Пилата подтверждение своих надежд на Иисуса, толпа обратилась против Иисуса и с необычайной злобой потребовала его смерти. Популярности свойственно улетучиваться, а толпы вообще отличаются непостоянством, но обычно такое непостоянство ведет к пренебрежению, а не к активной травле. Можно было бы понять толпу, забывшую Иисуса, если бы перед нею выступил новый мессия. Однако Варавва преуспел не более, чем Иисус. Он тоже был арестован и заключен в тюрьму. И Варавва вовсе не был врагом Иисусу, так что поддержка его нимало не требовала враждебности к Иисусу. Оба они томились в тюрьме римского губернатора по причинам, которые должны были казаться людям весьма схожими. Оба стали подозрительны оккупационным властям из-за своей популярности среди коренного населения, которое начало волноваться, возбужденное надеждами на освобождение от римского ига.

Ситуация была нимало не похожа на непостоянную римскую толпу, описанную в шекспировском «Юлии Цезаре». Та толпа переносит свою верность от Помпея к Цезарю, от Цезаря к Бруту и, наконец, от Брута к Антонию. Всякий раз это переход от одного вождя к его смертельному врагу. Но аналогия между римской толпой и еврейской толпой, рисуемой в Евангелиях, — а такую аналогию проводят часто, — ложная. Еврейская толпа не просто отличается непостоянством, она необъяснимо предательски и злобно себя ведет. Она проявляет беспричинную ненависть, которая явно служит каким-то целям рассказчика, но лишена всякой вероятной основы в реальности.

Стоит отметить, что только последний рассказ, от Иоанна, рисует Варавву «разбойником». Три более ранних считают его мятежником. Иоанн явно хочет подчеркнуть бессмысленную злокозненность евреев, рисуя их предпочитающими простого бандита Иисусу. Но слова «разбойник» и «бандит» на всем протяжении истории употреблялись для очернения борцов за свободу. Греческое слово, переводимое как «бандит», часто применялось к еврейским борцам за свободу их недоброжелателями. Даже настоящие бандиты никогда не добиваются народного уважения, если не преследуют хоть некоторых социальных целей как минимум, не проявляют склонности грабить богатых, но помогать беднякам. В рассказе Иоанна евреи предпочли Варавву просто потому, что он был бандитом. Им не оставлено никакого оправдания за их выбор.

Каково реальное значение истории с Вараввой? Оно яснее ясного. Раз за разом эта история применялась как оружие против евреев, как доказательство того, что ответственность за смерть Иисуса лежит не на меньшинстве священников или старейшин, а на всем еврейском народе. Для христианской церкви было важно утвердить себя в качестве истинного Израиля, доказать, что евреи лишились своего положения народа Божьего вследствие того, что предали Иисуса и что все «обещания» в Ветхом Завете теперь относятся не к евреям, а к христианам.

Был ли весь эпизод с Вараввой просто выдумкой, вставленной в историю Христа, дабы дискредитировать евреев и взвалить на них коллективную ответственность за смерть Иисуса, или какое-нибудь зерно правды в нем имелось, сколько бы искажений он потом ни претерпел? Да и что значит само имя «Варавва»?

Другую трудность в эпизоде с Вараввой, столь же загадочную, как противоречивое и злокозненное поведение толпы, представляет роль, играемая в нем римским губернатором Пилатом. В отличие от Вараввы Пилат упоминается в письменных источниках вне Нового Завета. Поэтому возможно составить независимое суждение о его характере. В Евангелиях он показан человеком кротким и добродушным. Но его фигура в сочинениях Филона и Иосифа Флавия выглядит совершенно иначе: он жесток, жаден и коррумпирован. Он был ответствен за многие несправедливые казни и в конце концов был смещен с должности за то, что провел в Галилее бессмысленную бойню. Сам Новый Завет содержит намек на это, упоминая о «галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лука, XIII, 1).

Но если бы даже Пилат был честным, добросовестным должностным лицом, роль, отводимая ему в истории с Вараввой, лишена смысла и логики. Почему он настолько не сознает политического смысла титула «Царь Иудейский», что именно этим титулом представляет Иисуса толпе? Почему он столь беспомощен перед лицом толпы? Ведь если он был действительно убежден в невиновности Иисуса, ничто не могло бы помешать ему освободить арестованного.

Сама «пасхальная привилегия» есть еще один сомнительный момент в рассказе. Ни в каком другом источнике нет свидетельств, что такая привилегия действительно существовала. И само по себе совершенно невероятно, чтобы именно евреям из всех народов империи была дарована эта уникальная привилегия освобождать узника, обвиненного в мятеже. Вряд ли для любого римского губернатора было бы возможно поддерживать порядок в беспокойной провинции, если бы смутьянов можно было освобождать по прихоти той самой толпы, чьего мятежа более всего следовало опасаться. Ученые сейчас почти единодушны, считая «пасхальную привилегию» вымышленной.

Общая цель рассказа в той части, в какой она касается Пилата,— усилить вину евреев, выгораживая римлян. Хотя окончательное решение казнить Иисуса было решением Пилата, приговор и метод казни были римскими, авторы Евангелий умудряются показать, что римляне на самом деле были не в ответе!

Дойдя до этого пункта, мы вправе расширить наше исследование и задать вопрос: какова вообще роль римлян в Евангелиях? Или еще лучше: где же римляне в Евангелиях? Ответ: они едва упомянуты. Во всех четырех Евангелиях, вместе взятых, само слово «римляне» встречается лишь один-единственный раз (у Иоанна, XI, 48). Но для каждого, кто знаком с еврейской историей во времена Иисуса, это покажется весьма загадочным. Ведь самым главным политическим фактом для Иудеи этого периода была римская оккупация. Однако в Евангелиях она трактуется как нечто, не представляющее ни интереса, ни важности. Это похоже на то, как если бы кто-либо писал о Франции 1940—1945 годов, не упоминая, что она находилась под оккупацией гитлеровской Германии.

Как пришли римляне

Римская оккупация была для евреев осквернением Святой Земли Единого истинного Бога нацией жестоких и злобных идолопоклонников. Она была издевательством над двумя тысячелетиями еврейской истории, посвященными прославлению свободы и отказу примириться с порабощением. То, что народ Божий мог быть лишен своей автономии, было ужасом и тайной, которую можно было понять только как пролог к новой драме освобождения. Оно, освобождение, должно было быть даже более крупным событием, чем Исход из египетского рабства, возвращение из Вавилона или изгнание греческих империалистов два столетия тому назад.

Однако Евангелия рисуют Иисуса забывшим о событии по имени оккупация. Он, по-видимому, никогда не ставил под вопрос право римлян господствовать военной силой над Палестиной, обескровливать страну своей непомерной данью и устраивать бойню и распятия каждый раз, когда их власти бросают вызов. Один-единственный раз, согласно Евангелиям, Иисус снизошел до рассмотрения проблемы, которую ставила оккупация. Это произошло, когда фарисеи и иродиане (странная комбинация, как увидим в дальнейшем) задали Ему вопрос: «Позволительно ли давать подать кесарю или нет?» Ответ Христа «Отдавайте кесарю кесарево, а божие — Богу»

толковался по-разному. В данной связи мы просто отмечаем, что этот единственный эпизод дает крайне неверное представление о римской оккупации. Нужно и важно понять, что при жизни Иисуса Палестина вовсе не была давно замиренной римской провинцией, подобно Галлии или Греции, что было несколько серьезных восстаний, целью которых было изгнание римлян.

Евреи прослеживали свою историю в глубь веков дальше любого другого народа в римском мире, кроме египтян. Они не раз теряли свою независимость и раньше, но всякий раз им удавалось ее вернуть. Хотя их положение как малого народа в мире сражавшихся друг с другом империй было отчаянным, евреи считали себя по сути своей свободным, самоуправляющимся народом. Но на самом деле времена, когда Палестина была сильным суверенным государством, лежали далеко позади. Фактически эти времена миновали с царствованиями Давида и Соломона (то есть около 1000 года до новой эры). С тех самых пор евреев размалывали между жерновами великих держав, чьи армии проходили сквозь их страну в разных направлениях. В 772 году до новой эры пришли ассирийцы и увели в изгнание крупную часть их народа — потерянные десять колен Израиля. Оставшиеся стали известны под именем иудеев, по колену Иуды, или Иегуды, крупнейшего оставшегося племени. Затем евреев изгнали из их страны и увели в Вавилон; но когда вавилонское иго сменилось мягкой властью Персидской империи, им разрешили вернуться на родину и восстановить свое государство (516 год до новой эры). Под главенством Эзры и его преемников была установлена республиканская теократия, управляемая согласно закону Моисея, толкователями которого были книжники и жрецы.

Персидская империя была опрокинута греками при Александре Македонском. Палестину Александр завоевал в 332 году до новой эры, но к евреям отнесся с некоторым уважением и постарался в их внутренний строй не вмешиваться. После смерти Александра империя была поделена между его преемниками, которые часто вели войны друг с другом. Сначала евреи попали под власть Птолемеев, которые правили из Египта и были династией веротерпимой. Но позже в Палестину пришла более суровая власть Селевкидов, правивших из Сирии. Один из них, сумасбродный Антиох Епифан, спровоцировал евреев на восстание, попытавшись заставить их отказаться от иудаизма и принять эллинистический образ жизни, включая поклонение самому Антиоху в качестве бога. Евреи нашли лидера, Иуду Маккавея, который в серии сражений изгнал армии сирийско-греческой династии из Палестины в 160 году до новой эры и положил начало независимому еврейскому государству. Степень независимости, достигнутой на этот раз, была наибольшей за все предыдущие пятьсот лет.

Независимость эта, однако, не могла продержаться. Она оказалась результатом хаоса и «вакуума силы», последовавших за смертью Александра. Ситуация совершенно изменилась с возвышением Рима и его претензиями на роль новой великой державы. Некоторое время — даже после того, как римляне одержали верх над всеми другими народами в регионе — евреям удавалось поддерживать некую ограниченную независимость. Римляне все еще были заняты междоусобными войнами. Но как только эти внутренние распри окончились установлением императорской династии Августа, еврейская независимость была обречена.

Ирония событий заключалась в том, что римляне впервые появились на арене еврейской истории в виде друзей. Иуда Маккавей после изгнания сиро-греков заключил договор о дружбе с Римом (160 год до новой эры). Селевкидские правители Сирии в то время уже очень боялись Рима, и результатом договора было ограждение евреев от новых вторжений греков. Однако малая страна призывает покровительство великой державы, как правило, на собственное горе. Евреи спаслись от греков только для того, чтобы войти в сферу влияния римлян. Но это стало заметно не сразу. Тянувшаяся довольно долго интермедия была полезна тем, что дух еврейского народа получил возможность возродиться.

Непосредственной причиной прямого римского вмешательства в еврейские дела были распри, вспыхнувшие внутри еврейского царского дома. Царская династия Хасмонеев была наследницей Маккавеев, изгнавших сиро-греков.

Помпей в то время сражался против Митридата, царя Понта (в Малой Азии). Один из его офицеров по имени Скавр имел ставку в Дамаске и, услышав о гражданской войне, разгоревшейся в Палестине между двумя братьями Хасмонеями, Аристобулом и Гирканом, почуял поживу и предложил им вмешаться. Оба брата готовы были заплатить ему за поддержку 400 талантов (около 1 миллиона 600 тысяч долларов). Скавр решил, что скорей получит эти деньги от Аристобула, и помог последнему, послав угрожающее письмо союзнику Гиркана, арабскому царю Хариту, который тут же и вышел из игры. Другой офицер Помпея, Габиний, тоже выманил у Аристобула огромные взятки. Словом, явился римский коршун, и то был конец еврейской независимости.

У второго брата Хасмонея, Гиркана, был на редкость умный министр по имени Антипатр, владевший искусством вести дела с римлянами. Антипатр был родом араб (эдомит или идумей), но исповедовал иудаизм. Когда сам Помпей после победы над Митридатом двинулся на юг, в Сирию, хитроумная дипломатия Антипатра сумела перетянуть его к поддержке Гиркана. Все взятки Аристобула оказались потраченными даром и вдобавок он совершил ошибку, решив противиться Помпею силой оружия.

Аристобул затворился в Иерусалиме и бросил вызов римлянам. У Помпея была закаленная в боях армия в десять легионов (50 тысяч человек) — одна из самых могучих армий, когда-либо виданная в этих местах. С типичной римской методичностью и умением Помпей осадил Иерусалим и взял его. К ужасу евреев, римские солдаты вступили в храм, куда входить разрешалось только жрецам. Священники в это время оказались заняты совершением жертвоприношений и отказались их прервать, после чего были тут же заколоты. Затем сам Помпей, движимый любопытством, вошел в Святую Святых, самое священное место, куда мог заходить только первосвященник, да и то раз в году — в Иом Киппур. Он там не нашел статуи и этим подтвердил утверждения евреев, что они поклоняются Невидимому Богу (александрийские греки распространяли слухи, будто Святая Святых содержит статую осла).

Помпей не разграбил храмовые сокровища, но сам тот факт, что язычник смог безнаказанно войти в Святую Святых, был страшным ударом для евреев. С хасмонейской мечтой о независимости теперь было покончено. Весь инцидент — это своего рода миниатюрная репетиция трагической драмы Иудейской войны против Рима, которая произошла 133 года спустя и в ходе которой храм сравняли с землей. Армия Помпея убила двенадцать тысяч евреев. Но по сравнению с бойней Иудейской войны эти двенадцать тысяч стали казаться всего лишь горстью.

Итогом разгрома Аристобула Помпеем оказалось ироническим образом вовсе не возведение Гиркана на царский трон, а назначение хитроумного Антипатра губернатором, причем Гиркану была отведена всего лишь роль первосвященника. Так Помпей положил начало римской политике управления Палестиной через посредство квислингов из местных уроженцев. На них возлагалась ответственность за сбор дани.

Теперь главным союзником римлян в Палестине стал Антипатр. Он помогал хищным офицерам, Скавру и Габинию, вымогать колоссальные суммы у Харита, царя Набатеи, и Птолемея, царя Египта, под видом платы за покровительство. Всякий раз, когда евреи пытались восставать против римской власти, Антипатр действовал на стороне Рима. Так, например, когда евреи Галилеи, ободренные тяжелым поражением римлян в Парфии, подняли восстание, Антипатр помог Кассию, другу Брута, подавить его. Он завел также много влиятельных друзей среди римлян. В числе их был молодой человек по имени Марк Антоний, в то время начинавший свою карьеру как полководец на Среднем Востоке.

После смерти Помпея Антипатр связал свою судьбу с новой звездой — Юлием Цезарем и оказал ему огромные услуги во время его кампаний в Египте. В благодарность Цезарь дал Антипатру римский титул прокуратора, а также сделал его полноправным римским гражданином и освободил от налогов. Юлий Цезарь в отличие от большинства римских командиров имел некоторую склонность и уважение к евреям (в чем походил на свой греческий образец, Александра Великого), но даже Цезарь не забывал целей римского империализма в Палестине. Он распорядился, чтобы четверть урожая каждого года (кроме седьмого, который был по еврейскому закону годом, оставленным под пар) уплачивалась Риму как дань. Это может показаться достаточно тяжелой данью, но евреи восприняли ее как облегчение по сравнению с годами ограбления, воцарившимися после завоевания их страны Помпеем. Тогда коррумпированные офицеры вроде Скавра обогатились. Храм (чьи сокровища Помпей пощадил) был ограблен в 53 году до новой эры Крассом на 10 тысяч талантов золота (около 40 миллионов долларов), и налоги взимались в неупорядоченных размерах. Более того, сбор этих налогов продавался за деньги откупщикам или «мытарям», которые, опираясь на мощь

римских легионов, выколачивали эти деньги из населения с крайней жестокостью. Цезарь же запретил практику передачи взимания налогов в руки откупщиков и объявил неприкосновенными взносы на храм, регулярно присылавшиеся еврейскими общинами от Испании до Вавилонии. Он также покровительствовал гражданским правам евреев и свободе еврейского культа во всем римском мире. Когда Юлий Цезарь был убит, его оплакивали евреи всей империи. Если бы последующие правители Рима были подобны ему, Иудейской войны не было бы.

Здесь следует подчеркнуть, что евреи Палестины составляли лишь часть еврейского народа. Их было около трех миллионов в Палестине и несколько более трех миллионов вне ее. Евреи побывали подданными стольких империй, что центробежные силы разбросали их по всему известному тогда миру. Еврейская община имелась даже в Индии, она была основана в 175 году до новой эры, когда индийские приобретения Александра все еще оставались частью эллинистического мира. Еврейские поселения в Северной Африке и Испании возникли «в кильватере» Карфагенской империи. Евреи были предприимчивыми купцами, а кроме того, последовательно возвышавшиеся империи использовали их как солдат. В Александрии, великом эллинистическом городе Египта, еврейская община насчитывала около пятисот тысяч человек. Крупная и процветающая община Вавилонии, пользовавшаяся фактически самоуправлением под властью парфян, восходила еще к Вавилонской и Персидской империям. Евреи диаспоры, или Рассеяния, как их принято было называть, сохраняли свою самобытность вследствие отличающей их религии. Более того, частые паломничества в Иерусалим на крупные праздничества означали, что связь с родиной не обрывалась.

После смерти Цезаря в 44 году до новой эры у евреев Палестины вскоре появились основания скорбеть, так как Кассий, который в отличие от Брута был не прочь грабить население любыми средствами, немедленно потребовал дань в размере семисот талантов (около 2 миллионов 800 тысяч долларов). Антипатр получил приказ собрать эту сумму. Когда некоторые евреи проявили нежелание платить, Кассий продал в рабство все население четырех городов. Вероятно, в результате этого Антипатр был отравлен, и должность его перешла к его сыну, Ироду, позже прозванному Великим.

Ирод был столь же коварен и решителен, как отец. Его необычайные способности на протяжении всей его карьеры были направлены на то, чтобы сделать еврейское царство органической частью Римской империи. У него хватило ума, чтобы понять, что этого нельзя добиться путем подавления иудаизма или уничтожения самобытной культуры. Поэтому он все свое влияние употреблял на подчеркивание еврейских претензий на специальные привилегии как носителей веры, внушавшей благоговение своей древностью и чистотой. Он отстроил заново иудейский храм с такой щедростью и пышностью, что даже греки стали восхищаться им как одним из чудес света. Ирод был умелым правителем, и его хитроумное ведение торговых дел с Аравией принесло его стране большую выгоду.

Несмотря на все это, Ирод потерпел полное фиаско в своем намерении примирить еврейский народ с подчинением Римской империи. Хотя он имел успех, его личная жизнь становилась все мрачней. Он оказался изолирован от своего народа и умер тираном, лишенным друзей. И в тот же миг, как было объявлено о его смерти, евреи подняли восстание против своих римских сюзеренов.

Главная причина того, что Ирод не сумел достичь своей цели и потерпел провал, была та, что, будучи иностранцем, не понимал характера и самосознания евреев. Ирод, подобно своему отцу, Антипатру, был весьма честолюбив, но горизонт его желаний ограничивался верхушкой иерархии в Римской империи. Верхом его честолюбия было играть заметную роль на имперской арене, якшаться на равных или почти на равных с такими людьми, как Антоний и Август. Поскольку надежды народа были сконцентрированы на приходе мессии, вся слава Ирода не производила на евреев никакого впечатления, и его представление о еврейской роли внутри Римской империи нимало их не воодушевляло. Конечно, путь Ирода был путем здравого смысла. Другой путь вел прямехонько к тотальному конфликту с Римом, к лишению привилегий и прав, к изгнанию. Но протест против мира, который нес Рим, был частью еврейского предназначения. Не для того этот народ перешел Красное море, провел сорок лет в пустыне, пережил империи Ассирии, Вавилонии, Персии и Греции, чтобы удовлетвориться вкладом вассала в римскую культуру.

Положение Ирода было положением вассального царя. Это было связано с известными привилегиями, так как вассальные царства в отличие от покоренных провинций не были обязаны платить налоги прямо Риму или нести военную службу в римской армии. Но без разрешения императора Ирод не мог принять никакого важного решения, даже касавшегося его собственной семьи. Он обязан был являться в Рим по любому вызову, чтобы отчитываться в своих поступках или ответить на обвинения, выдвинутые против него. В любую минуту он мог быть и смещен с царства.

Однако же под властью Ирода евреи были избавлены от самых явных унижений. Римские армии не вторгались в страну, как в дни Помпея или Кассия, требуя дань и продавая в рабство тех, кто не мог ее платить. У Ирода была собственная армия, и ее офицерский состав состоял из евреев. Когда римский государственный деятель Агриппа посетил Палестину в 15 году до новой эры, он явился не с армией, а как гость, друг Ирода. Словом, то был режим сосуществования, по крайней мере внешне. Всякие проявления еврейского национализма, имевшие антиримскую тенденцию, Ирод подавлял беспощадно. Но неполитические проявления еврейского духа, такие, как изучение закона фарисеями или монашеский аскетизм эссеев, он поощрял. А тем временем спокойно шел и процесс романизации. Ирод отстроил заново еврейский храм; но он же построил и храм божественному Августу. Он послал своих сыновей на обучение в Рим. И он ввел Акцийские игры в греко-римском стиле, с гонками колесниц, театральными представлениями, выступлениями атлетов и гладиаторскими боями до смерти.

Когда Ирод умер после мрачной старости, обезображенной безумием и убийствами, евреи оказались лицом к лицу с реальностями римской власти. Не защищаемые более огромным влиянием, которым Ирод пользовался у римских лидеров, евреи узнали, насколько далеко за это время зашла их зависимость от Рима. В горькой обстановке этого пробуждения и провел свое детство Иисус.

Римское правление

После смерти Ирода в 4 году до новой эры не оказалось никого, способного играть далее роль вассального царя. И тут-то Рим сжал когти. Римские войска под командованием Сабина захватили Иерусалим (Сабин был подчиненным Вара, римского легата Сирии).

Сабин занял дворец Ирода и разместился там с армией. Она состояла из пяти тысяч римских солдат и около пяти тысяч солдат других наций. Иерусалим в это время был переполнен еврейскими паломниками, явившимися на праздничество Шавуот. Легко представить себе их горе и ужас. Население Иерусалима, пополненное паломниками, восстало против Сабина как один человек. Бой не без труда выиграли римляне. В его ходе часть храма была подожжена. Сабин воспользовался этим, чтобы сделать как раз то, чего евреи опасались,— он ограбил храм. Римские солдаты уносили колоссальные суммы, а сам Сабин присвоил четыреста талантов (около 1 миллиона 600 тысяч долларов).

Однако евреи продолжали наседать на Сабина и осадили его во дворце Ирода. Известие о том, что происходит в Иерусалиме, облетело всю страну, и народ стал браться за оружие в различных районах, включая Галилею, родной край Иисуса. Тогда-то впервые проявил себя знаменитый вождь партизанской войны против римлян Иуда Галилеянин.

Сабин оказался в опасном положении и написал Вару, вышестоящему офицеру, прося о помощи. И Вар выступил на выручку римских войск, осажденных в Иерусалиме, еще с двумя легионами и крупными силами вспомогательных войск. Он выручил осажденных, а заодно подавил и отдельные вооруженные отряды. Теперь евреи начали знакомиться с тем, что означало восстать против Рима. Вар ввел в Палестине форму наказания, ставшую характерной чертой пейзажа: он распял две тысячи пленных мятежников. Иисусу в это время было года два.

Распятие — самая варварская форма казни, когда-либо придуманная. Особая жестокость здесь состоит в растянутой и возрастающей агонии. Некоторые жертвы выдерживали пытку этой казни целых три дня. Крест имел обычно форму буквы Т, и ноги жертвы не касались земли. Менее жестоким методом считалось пронзать руки и ноги гвоздями, так как это вело к более скорой смерти. Если же распятого привязывали веревками, ноги вообще не закреплялись, так что всю тяжесть тела несли вытянутые руки. Это положение скоро вызывало полную неподвижность и беспомощность и вело к одеревенению и острой боли. Жертва всегда была нагой, и страдания еще усиливались бичеванием, предшествовавшим распятию. Бичевание было таким жестоким, что мясо висело клочьями.

Распятие было первоначально не каз-

нью, а формой человеческого жертвоприношения, используемой в культах плодородия, так как считалось, что медленно умирающая жертва окажет более благоприятное воздействие на урожай. В частности, распятие практиковалось в культе Таммуза, умирающего и воскресающего бога Ливана и Финикии. Позже распятие применялось только как способ казни, особенно когда считалось, что преступник заслуживает величайшего презрения и унижения. Карфагеняне (по происхождению финикияне) широко применяли распятие, и именно от них римляне заимствовали эту форму казни. Согласно римскому закону, распинать полагалось только рабов или лиц, совершивших отвратительные преступления. В Палестине римляне пользовались распятием как средством запугивания, предотвращающим мятежи. За время своей оккупации они распяли тысячи, а может быть, даже сотни тысяч евреев.

Для евреев распятие было особенно отвратительной и ужасающей формой бесчеловечия. В еврейском законе оно было категорически запрещено настолько, что запрещалось распинать даже мертвое тело (Второзаконие, XXI, 23).

Распятие Варом евреев в самый год смерти Ирода показало евреям с отчаянной ясностью, какому жестокому обращению они теперь подвержены. За один этот год они стали свидетелями осквернения и ограбления своих святых мест и того, как лучшие люди народа, восставшие в защиту алтаря, были с презрением замучены до смерти. Неудивительно, что эти события и воцарившееся в результате их отчаяние дали сильный толчок распространению апокалиптических грез об избавлении избранного народа руками Бога. Многие благочестивые евреи стали рассуждать так: подобные дела могли произойти только в конвульсиях Последних Дней. С этого времени возникли мессианские движения всякого толка. Одним из них было движение Иоанна Крестителя. Другим — движение Иисуса из Назарета.

Через десять лет Иудея и Самария были объявлены частью римской провинции Сирии, и второстепенный римский чиновник с титулом прокуратора был назначен правителем страны Давида и Соломона. (Титул прокуратора был титулом чиновника скорее фискального, чем военного или политического, титул этот означал что-то вроде «главного сборщика налогов».) Теперь унижение народа божьего было полным. В Галилее сохранялись некоторые крохи суверенитета.

Первые годы прямого управления Иудеей, к сожалению, слабо освещены в документах. Однако же мы знаем, что за двадцатилетний срок (с 6 по 26 год новой эры) сменилось четыре прокуратора. Их имена: Копоний (с 6 по 9 год), Марк Амбибул (с 9 по 12 год), Анний Руф (с 12 по 15) и Валерий Грат (с 15 по 26). Согласно принципу Тиберия, такие часто сменявшиеся чиновники оказывались оводами ненасытными. От римского историка Тацита мы знаем, что в этот период (17 год новой эры) евреи послали депутацию в Рим, чтобы протестовать против чрезмерного обложения их налогами. Мы знаем также, что гнусная система откупщиков, отмененная Юлием Цезарем, была снова введена, как только римляне стали править сами. Откупщики были немногим лучше гангстеров. Обычно контракты на откуп заключались с римскими гражданами, а их помощники вербовались из подонков обираемой ими страны. Вот кто такие «мытари», к которым обращался Иисус, чтобы вернуть их с пути греха. Меру оптимизма и веру Иисуса можно измерить по тому, что он надеялся наставить на путь истинный даже этих самых отъявленных пыточных дел мастеров и вымогателей.

Для поддержания своей власти римляне имели в Иудее постоянный гарнизон. Штаб этих войск размещался в Цезарее, прибрежном городе, выстроенном Иродом в греко-римском стиле. В Цезарее постоянно находилось три тысячи солдат. В других городах страны имели гарнизоны поменьше. Римский гарнизон Иерусалима состоял из пятисот солдат.

Хотя обычной штаб-квартирой прокуратора была Цезарея, находившаяся милях в шестидесяти от Иерусалима, он трижды в год являлся в город с большой вооруженной свитой. Визиты эти совершались во время крупных празднеств, когда за большими толпами паломников требовался полицейский надзор. Это объясняет присутствие Пилата в Иерусалиме во время ареста Иисуса.

Еще более важным для евреев, чем утрата свободы и физический и экономический гнет, было унижение, которому теперь стала подвергаться их религия. Официально римляне продолжали традиции Александра Великого и Юлия Цезаря — политику уважения еврейской религии. Но во времена жизни Иисуса эта официальная политика весьма неудовлетворительно проводилась в жизнь на практике.

Евреи пребывали в постоянной тревоге, что их храм может оказаться оскверненным каким-либо намеренным актом идолопоклонства.

Действия римлян по установлению контроля над храмом вызвали глубокое возмущение. Так, например, первосвященническое одеяние, в котором полагалось облачаться на Новый год и в Иом-Киппур (судный день), было взято на хранение римским прокуратором. В этом жесте подразумевалась угроза, что в случае неповиновения одеяние это не будет предоставлено для искупительных церемоний.

Куда более важным было то обстоятельство, что теперь римляне фактически назначали и смещали первосвященников. Прокуратор Валерий Грат, непосредственный предшественник Понтия Пилата, сместил и назначил четырех первосвященников. Последним из них и был Каиафа, оказавшийся замешанным в аресте Иисуса. Опять-таки римляне такой тактикой не достигли желаемого результата. Итогом стало не более глубокая покорность римскому правлению, а возросшее презрение к лицу, занимавшему пост первосвященника.

И хотя ритуальные церемонии, в которых первосвященник принимал участие, не утрачивали святости из-за того, что он лично был презираем как креатура римлян, о том, чтобы подобный первосвященник имел какой-либо авторитет учителя в вопросах морали или религии, и речи быть не могло.

Тем не менее само по себе первосвященство все еще было институтом, имевшим историческую важность, и циничное превращение римлянами первосвященника в свою марионетку, сведение его статуса к сущему издевательству вызывало глубокое возмущение.

В 26 году новой эры на пост прокуратора заступил Понтий Пилат. Как мы уже видели, Евангелия рисуют его человеком добрых намерений. Из других же источников, однако, ясно, что он был наихудшим из прокураторов, правивших до тех пор. Филон Александрийский, выдающийся еврейский философ, приводит следующее суждение о Пилате: «Он был жесток от природы, имел злое сердце и совершенно не знал раскаяния». Филон дает также следующую картину правления Пилата в Иудее: «...взятки, тщеславное и наглое поведение, грабеж, притеснения, оскорбления, частое обречение людей на смерть без суда и непрестанная, ничем не смягчаемая жестокость». По Иосифу Флавию, Пилат сознательно стремился оскорбить религиозные чувства евреев. Он совершил беспрецедентный шаг: с обычных квартир в Цезарее перевел свою оккупационную армию (с ее идолопоклонническими штандартами) в Священный город. Иосиф Флавий говорит, что это было сделано «для того, чтобы отменить еврейские законы».

Иисус начал свои деяния, когда властвовал этот жестокий прокуратор и когда бедствия, отчаяние, апокалиптические надежды и беспомощный гнев против римской тирании достигли пика. Ни один еврей не мог не испытывать глубокого несчастья народа, вызванного римской оккупацией.

Что действительно произошло

Пора рассмотреть в свете обстановки в Палестине подлинные факты, кроющиеся под рассказом Евангелий о жизни Иисуса. Если мы отвлечемся от самого повествования Евангелий и сосредоточим внимание на костяке событий, то увидим четыре последовательных стадии в жизни Иисуса:

1. Иисус начал свою общественную деятельность тем, что провозгласил наступление «царства Божьего».
2. Далее он изъявил притязание на титул «Мессия» и был приветствуем как таковой своими сторонниками.
3. Он вступил в Иерусалим, приветствуемый народом, и предпринял насильственные действия в «изгнании торгующих из Храма».
4. Он был арестован, стал пленником Пилата, римского губернатора, и был распят римскими солдатами.

Евангелия говорят нам, что когда Иисус применял выражения «царство Божие» и «мессия», он имел в виду нечто совершенно отличное от значения, придаваемого этим словам всеми прочими евреями своего времени. Но это лишено всякого вероятия по самому существу своему. Если он имел в виду нечто совершенно иное, зачем же он вообще пользовался этими выражениями?

Евангелия были написаны примерно спустя 40—80 лет после смерти Иисуса, когда обстановка была чрезвычайно отлична от той, которая преобладала во время жизни Иисуса. Кроме того, они были написаны вне Палестины, не на еврейском языке, а греческом, и авторами, чья точка зрения была эллинистической, а не еврейской. Неудивительно поэтому, что в их руках жизнеописание Иисуса претерпело значительные искажения. К счастью, Евангелия

не написаны разом; они содержат некоторые элементы или слои, уцелевшие от более ранних и более правдивых отчетов о жизни Иисуса. Эти более ранние элементы можно распознать по тому, что они соответствуют обстановке, реально существовавшей в дни жизни Иисуса.

Но даже и без таких полезных деталей возможно восстановить главные контуры действительных событий, приглядываясь к ключевым концепциям, таким, как мессия. Что хотел сказать Иисус, когда претендовал на то, что он является мессией? Что имел в виду прежде всего Петр, когда приветствовал Иисуса словами: «Ты Христос»? (Это был инцидент, известный как «Приветствие», поворотный пункт в деятельности Иисуса.) Будучи евреем из фарисеев и зелотов (что показывает его прозвище «Бариона»), Петр, несомненно, не считал слово «мессия» именем божественного существа. Он и представления не имел о тех позднейших ассоциациях, которые этот титул приобретет в других устах; он отнюдь не считал слово «христос» мистическим прозвищем божества эллинистически-гностического образца, которое сходило из мира Света дабы совершить божественное жертвоприношение в Мире Тьмы.

А уж идея, что стоявший перед ним человек Иисус был Богом, показалась бы ему странной и просто безумной. Он почитал Иисуса как своего учителя и пророка, и теперь он признал его своим царем. Называя Иисуса мессией, он, конечно, имел в виду, что Иисус, или точнее царь Иисус, воссядет в Иерусалиме на трон Соломона и станет царствовать, неся своему народу мир и процветание и служа «светочем для народов». Понятие «христа» никоим образом не было связано для него ни с жертвоприношением, ни с божественностью.

А если представление Петра о должности мессии было сколком с фигуры типа царя Соломона, то его поступок, когда он приветствовал Иисуса в качестве мессии, был революционным, мятежным актом. Он этим бросал вызов власти Рима и провозглашал, что римская оккупация пришла к концу.

Согласно Евангелиям, главным, что привело Иисуса к смерти, было его кощунство, состоявшее в уверениях, что именно он мессия или Христос. Однако такая претензия ни в коей мере не рассматривалась бы как кощунственная евреями того времени, к какой бы партии они ни принадлежали. Этот титул в глазах евреев принадлежал царствующей особе, а не божеству.

Нет нужды сомневаться в том, что Иисус часто обращался к народу на темы чисто религиозные и моральные, подобно всякому фарисейскому учителю. Но если бы он ограничивался этими темами, он никогда не окончил бы жизнь на римском кресте. В Евангелиях сделано ударение на деятельности Иисуса как проповедника, учителя и исцелителя, но исключено всякое сознание им главной политической реальности эпохи, а именно римской оккупации.

Мы видим следующую картину: проповедник и исцелитель внезапно, безо всякой предварительной подготовки или указаний совершает политический акт, вступив в Иерусалим в Триумфальном Въезде. И затем он немедленно возвращается к проповеди и пассивно ожидает ареста и казни. Эта картина ложная, так как публичные речи Иисуса имели с самого начала сильную политическую окраску.

Отрывком ключевой важности в Евангелиях является следующий (Лука, III, 31):

«В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить тебя».

Этот отрывок уцелел только в одном из четырех Евангелий, и этот один из тех ключевых отрывков, которые дают нам заглянуть в подлинную историю. Он нам показывает, что Иисус, подобно Иоанну Крестителю, рисковал жизнью, что его жизни угрожали коллаборационисты, которых вовсе не занимали религиозные предметы, но зато весьма заботили революционеры.

Яркий свет бросает также на действительное сцепление событий следующий отрывок (Лука, XXIII, 2):

«Мы нашли, что он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом, Царем».

Здесь это представлено как ложное обвинение, выдуманное евреями, чтобы дискредитировать Иисуса в глазах Пилата. Но на деле это верное описание деятельности Иисуса, переданное еврейскими доносчиками Пилату, когда они выдали Иисуса оккупационным властям как опасного вождя Сопротивления. Это упоминание термина «Христос» в его подлинном политическом значении уникально в Евангелиях. И оно превращает в бессмыслицу уверения, содержащиеся в других местах Евангелий, что провозглашение себя Христом могло быть сделано основой религиозного обвинения в ереси, а не политического обвинения.

Иисус, учитель и пророк

Когда Иисус вошел в Иерусалим в своей конечной попытке захватить власть, он знал, что рискует жизнью, но он не ставил себе целью потерять жизнь. Целью, которую он себе ставил, был успех — победа над римлянами и установление царства Божия на Земле. Он потерпел неудачу и был распят точно так же, как сто лет спустя потерпел неудачу и был разодран до смерти железными гребнями рабби Акива. Оба, Иисус и Акива, были еврейскими героями, чье значение состоит в их жизнях, а не в их смертях.

Воспитанный в Галилее, центре идеалистического сопротивления Риму, в месте рождения зелотского движения и его лидера Иуды Галилеянина, Иисус не мог не видеть и не сознавать трагедии утраты еврейской независимости и присутствия свирепых и беспощадных идолопоклонников в святых местах народа Божия. Он должен был пылко ожидать любых знаков приближающегося искупления, спасителя, ниспосланного Богом, чтобы избавить евреев от иноземной оккупации. Он почувствовал бы всенародное потрясение попыткой Пилата осквернить Святой Город. То было в 26 году новой эры, когда Иисусу было тридцать лет и он уже стал Учителем. Его должно было взволновать выступление Иоанна Крестителя с пророческим известием о наступлении царства Божия. А вскоре после этого он почувствовал, что и сам призван к сходной пророческой миссии.

Из Евангелий достаточно ясно, что первое появление Иисуса как общественной фигуры было в роли пророка, а вовсе не в роли мессии, или Христа. Подобно Иоанну Крестителю, он возвещал пришествие царства Божия и призывал народ поверить «благой вести» и каяться. В продолжение этого периода он всегда изображает себя «пророком» (например, Матфей, VIII, 17). Исключением является Евангелие от Иоанна, которое отличается от более ранних Евангелий тем, как в нем подается личность и биография Иисуса, и которое, как мы увидим, было в большой степени продуктом церковного мифотворчества и христологии.

Ясно также, что Иоанн Креститель никогда не подчинялся Иисусу. Напротив, движения Иоанна и Иисуса были сходны по цели.

«Царство Божие», возвещенное как Иоанном Крестителем, так и Иисусом, было вовсе не «духовным» царством, находившимся в далеких небесах или в некой отдаленной точке во времени. Оно было земным царством, расположенным в Палестине и в ближайшем будущем. Сама фраза «царство Божие» была боевым лозунгом зелотов и других антиримских групп; она означала, что Бог станет царствовать (а отнюдь не Его небесную территорию), и относилась к проектируемому возврату к еврейской системе теократии — возврату, достичь которого можно было только одним путем, а именно — изгнанием римских оккупационных войск.

Сам Иоанн Креститель был фигурой сильного политического значения. Он призывал к «покаянию», которое в сочетании с «благой вестью» о наступлении царства Божия означало призыв готовиться к свержению римлян. Это значило, что великие дни, предсказанные пророками, были близко, те дни, когда иностранные захватчики будут изгнаны и евреи станут суверенным народом, который все государства станут уважать. «Покаяние» было жизненно важным, так как наступление великого дня будет ускорено таким возвращением к Богу. Но также потому, что наступление царства Божия будет сопровождаться великими войнами и потрясениями, в которых погибнут многие евреи и выживут только те, кто будет перед тем основательно очищен покаянием. Именно для того, чтобы символизировать это право на избрание, Иоанн использовал в своей кампании старинный еврейский ритуал крещения.

Иисус первоначально был в точности такой же фигурой, как Иоанн, то есть пророческой фигурой Предтечи, готовящего народ к наступлению великих дней, но не пытающегося самому принести их. Когда Иисус вступил на поприще пророка, в жизни его настала крупная перемена.

Он сколотил маленькую группу избранных учеников, с которыми образовал странствующую коммуну. Это было многовековой моделью еврейской пророческой организации, как мы видим это на примере таких пророков, как Илия и Елисей в Ветхом Завете. Иисус не был в то время военным вождем, миссия его состояла в том, чтобы служить провозвестником и «подготовителем пути». Тем не менее он был религиозным и политическим вождем. Цель его миссии — не дать народу погрязнуть в подчинении Риму и разжечь в нем надежду на избавление в близком будущем. Поэтому деятельностью своей он занимался, рискуя жизнью. Такие пророческие фигуры немедленно возбуждали вражду римских и проримских властей, и почти все они

кончили жизнь от рук палача. Иосиф Флавий, к примеру, ясно говорит, что Иоанн Креститель был казнен по политическим причинам.

В рассказах о проповеди Иисуса, сохранившихся в Евангелиях, мы видим, что преобладающая нота в ней была «апокалиптической», то есть страстное пророчество близкого прихода «царствия Божия». Притча за притчей втолковывает одни и те же вещи — что пришествие царства Божия будет внезапным и что те, кто подготовится к нему, будут спасены, а неподготовившиеся погибнут.

Таким образом, в качестве народного вождя Иисус был пророком и «подготовителем пути». Но вскоре в его деятельности открылась новая и еще более опасная фаза. Он приобрел убеждение, что мессия и избавитель, чье пришествие он возвещал, был не кто иной, как он сам.

Царь Иудейский

Евангелия говорят как можно меньше о претензии Иисуса на то, что он «Царь Иудейский». Это выражение появляется совершенно внезапно, когда Пилат спрашивает Иисуса: «Царь ли ты Иудейский?». Нигде в Евангелиях мы не находим ни событий, ни действий, которых мы были бы вправе ожидать перед таким вопросом: провозглашения вступления Иисуса на трон, помазания его как царя. Когда Иисус предстает перед еврейским судом, ни слова не говорится о его притязании на трон; вместо этого он обвиняется в кощунстве. (Но именно эта претензия — основа доноса на него Пилату.)

Однако, когда Христос вступает в Иерусалим, народ, очевидно, знает о его притязании, ибо приветствует его царским титулом «Сын Давидов» и (согласно Луке) «царь». И обвинение, написанное на его кресте, гласит: «Царь Иудейский». Словом, Евангелия весьма туманно повествуют об этом. А обычное толкование (что Иисус претендовал на этот политический титул, не имея никаких политических намерений) вносит добавочную путаницу.

Все дело в том, что составители Евангелий, не будучи в силах отрицать претензии Иисуса на царский трон, сознавали, что они им чрезвычайно мешают, ибо знали: такие претензии — мятеж против Рима. Поэтому они маскировали эти факты.

Однако приглядимся пристальней к евангельским рассказам, особенно к трем «синоптическим» Евангелиям — от Марка, Матфея и Луки.

Синоптические Евангелия (в отличие от Евангелия от Иоанна) в основном следуют канве более раннего Евангелия или группы Евангелий, в которых содержался отчет о деятельности Иисуса, составленный в среде иудео-христианской церкви, и в этом отчете Иисус был изображен человеком, земным пророком и царем.

Первым важным событием, которое мы можем восстановить подобным образом, будет ни мало ни много коронация Иисуса в качестве царя Иудейского. Вслед за приветствием Иисуса Петром в качестве «Христа» (то есть царя) следует таинственный эпизод, именуемый Преображением. И этот-то инцидент при ближайшем рассмотрении оказывается замаскированным, «спиритуализованным» отчетом о коронации Иисуса.

Приглядимся к описанию Преображения, данному Марком:

«И по прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем, и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: тебе одну, Моисею одну и одну Илии. Ибо не знал, что сказать, потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака пошел глас, глаголющий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте».

Несмотря на то, что рассказ этот приукрашен чудесами, под ним можно различить отчет о коронации. Возвещение «Сей есть Сын Мой возлюбленный» — заимствование из Коронационного псалма (Псалтырь, II), который читался при венчании на царство каждого еврейского царя. (Следует помнить, что «Сын Божий» было царским титулом, и никакой божественности в нем не подразумевалось.) Регулярной чертой еврейской коронации, предусмотренной церемониалом, было то, что царя венчал (точней, помазывал) какой-либо пророк, обращавшийся к царю, который ему отвечал. В отсутствие настоящего пророка кто-нибудь должен был исполнять роль пророка.

На коронации Иисуса эту функцию явно исполняли два человека, разыгрывая роли Моисея и Илии. Присутствие Илии естественно, поскольку пришествию мессии, по еврейским верованиям, должно было предшествовать явление Илии, которому надлежало выполнять функцию пророка на коронации мессии. Добавочное присутствие Моисея можно, пожалуй, объяснить тем, что Иисус был кульминационным мессией и сам был пророком, так что Моисей, величайший из всех пророков, должен был присутствовать на его коронации.

Постройка «кущей» (шатров) Петром может быть объяснена тем фактом, что чертой ближневосточных коронационных ритуалов, включая и еврейские, было возведение царя на трон в «куще», или шатре (еврейское «сукка»). Эта черта Преображения стала настолько непонятна составителям Евангелий, что они изобразили Петра как не знающего, что говорит, когда предлагает соорудить шатры. Петр, вероятно, сделал только один шатер, для самого Иисуса. Остальные два были, возможно, добавлены составителями Евангелий из уважения к Моисею и Илие и по невежеству относительно действительного значения шатра.

Примечательно, что Преображение произошло точно через «шесть дней» после приветствия Петра. Одной из черт ближневосточных коронационных ритуалов было то, что в них имелось провозглашение, а спустя неделю за ним следовала полная церемония коронации. Это один из редких случаев, когда в Евангелии указывается точный срок между двумя событиями. Теперь мы видим, что приветствие Петра, когда он назвал Иисуса «Христом», — не случайное событие, а формальная часть коронационного ритуала, то есть его начальная стадия, или Провозглашение.

Важная черта ближневосточных коронационных ритуалов — то, что они происходили на горе. Местом коронации Иисуса была гора Хермон, расположенная близко к Кесарее Филипповой, где Петр произнес свое приветствие. Гора Хермон — высочайшая гора в Палестине, место, внушающее благоговейный страх. Оно-то и должно было показаться Иисусу идеальным местом для коронации. Мы снова видим, что странствие Иисуса в Кесарию Филиппову (вне территории Галилеи) было вовсе не случайным, каким оно выглядит в Евангелиях, а сделано специально с целью коронации.

Другой чертой еврейской коронации было присутствие представителей Двенадцати Колен Израилевых. Это способно объяснить присутствие Петра, Иоанна и Иакова, лидеров двенадцати апостолов, которые сами представляли Двенадцать Колен.

Наконец, сам термин «преображение» означает регулярную черту коронационного ритуала. Новый царь рассматривался как заново рожденный и проходил через определенный ритуал, чтобы показать, что он «сделался иным человеком» (I Книга Царств, X, 6).

Вслед за коронацией Иисус начал царское шествие к своей столице, Иерусалиму. Одним из регулярных ритуалов или обычаев для нового царя было совершить вступительный объезд своего царства. Иисус не мог сделать это немедленно, ибо первой его задачей было появиться в Иерусалиме и принять меры против римлян. Но он планировал совершить вступительный объезд всего своего царства как только освободится для этого. Это показывает стих у Луки вскоре после рассказа о Преображении (Лука, X, I): «После сего избрал Господь и других семьдесят (учеников) и послал их по два перед лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти».

Это еще один пример того, как Лука по недосмотру оставил отрывок, который другие составители Евангелий подвергли цензуре. Из последующих инструкций этим семидесяти ясно, что они были посланы не в те немногие города, которые лежали на пути Иисуса в Иерусалим, но в большинство населенных пунктов Палестины. Эта группа семидесяти даже не упоминается ни одним другим из составителей Евангелий. Число 70 многозначительно, так как это число членов синедриона. Иисус в качестве пророка-царя назначил свой синедрион и разослал его членов в полном составе, чтобы подготовить города своего царства к его вступительному объезду. Совершенно ясно, что Иисус не имел никакого намерения умереть на кресте в Иерусалиме и не ожидал этого, он намечал совершить объезд своего царства после появления в Иерусалиме.

Однако Евангелия рисуют Иисуса на этом этапе его деятельности неоднократно пророчащим собственную смерть в Иерусалиме и последующее воскресение. А ученики показаны неспособными понять эти пророчества. И однажды происходит даже серьезная ссора между Иисусом и Петром именно по этому вопросу.

Ученики Иисуса, вышедшие из зелотов, возможно, желали организовать настоящее военное сопротивление. Воодушевление, вызванное по всей стране выступлением Иисуса в качестве пророка-царя, должно было казаться идеальным поводом для мобилизации сильной армии, чтобы вступить в бой с римлянами. Но Иисус был убежденным апокалипсистом, он считал, что битва против Рима будет выиграна главным

образом чудесным путем, и потому не предпринимал никаких серьезных военных приготовлений.

Личная харизма Иисуса была так велика, что ему удалось преодолеть сомнения своих сторонников и убедить их в том, что чудесное вмешательство Бога, предсказанное пророчествами в еврейском Писании, придет и что поэтому нужна лишь символическая военная подготовка. Иисус не взвешивал благоприятные политические или военные возможности. Он готов был рисковать своей жизнью, веря в то, что его призвание носит космический характер.

Его цель не состояла в том, чтобы изгнать римлян силой оружия, как Иуда Маккавей изгнал греков; такой успех привел бы только к основанию еще одной династии. Иисус хотел установить царство Божие, открыть новую эру в мировой истории и ничего другого. Иисус желал победы, но не собственной своей личной победы, а победы Бога.

С горы Хермон Иисус, направляясь в Иерусалим, прошел сквозь Галилею, затем через Перею, по восточному берегу Иордана, пока не достиг Иерихона. Здесь к нему присоединилась большая группа и стала его свитой. Возле самого Иерихона он миновал нищего слепца Вартимея, который приветствовал его как «Сына Давидова». Это первое упоминание данного титула в Евангелии от Марка, и оно показывает, что шествие Иисуса в Иерусалим так сильно ассоциировалось с претензией на еврейский трон, что даже Марк не может изобразить его как что-либо иное, а не царскую процессию. Все Евангелия отмечают, что Иисус, когда достиг Иерусалима, был приветствуем толпой недвусмысленно царскими титулами, такими, как «Сын Давидов» и «Царь Израильский».

Бурно приветствуемый как законный царь Иудейский, Иисус въехал в Иерусалим на молодом осле, намеренно исполняя пророчество Захарии (Захария, IX, 9):

«Ликуй от радости, дщерь Сиона,
Торжествуй, дщерь Иерусалима:
Се Царь твой грядет к тебе,
Праведный и спасающий,
Кроткий, сидящий на ослице
И на молодом осле».

Когда народ приветствовал его как царя, громко восклицая «Осанна!», старинный возглас независимости, и бросал перед ним на дорогу пальмовые ветви, все понимали, что участвуют в акте мятежа против Рима.

Апокалиптические надежды, сосредоточенные на нем сначала как на пророке, затем как на пророке-царе, вылились в экстатический прием, когда многолюдные толпы Иерусалима, и среди них множество паломников из стран Рассеяния, приветствовали его возгласами «Осанна! Спаси нас!».

Какова была дата триумфального въезда в Иерусалим? Согласно Евангелиям, дело происходило во время праздника Пасхи, то есть весной. Однако имеется множество указаний на то, что это было не так и что триумфальный въезд состоялся фактически осенью, во время еврейского праздника Суккот.

Вся серия событий от триумфального въезда и до распятия Иисуса будто бы заняла только шесть дней (от Вербного воскресения до Страстной пятницы). Между тем эта серия событий включала следствие, проведенное первосвященником, суд перед синедрионом, суд перед Иродом Антипой и суд перед Пилатом, не считая различных людских дел, политических актов и судебных процедур, даже если не допустить, что имело место подлинное восстание. Выдвигаемая здесь теория состоит в том, что триумфальный въезд Иисуса в Иерусалим состоялся непосредственно перед праздником Суккот, а казнь его состоялась на Пасху, шестью месяцами позже.

Наиболее ясная черта, указывающая на осень как время триумфального въезда в Иерусалим, это пальмовые ветви, которые были на виду в Вербное воскресенье. На Пасху пальмовых ветвей в этих краях нет, и нет никакой вероятности, что поклонники Иисуса стали бы его приветствовать засохшими пальмовыми ветвями, сохранившимися с прошлой осени. Кроме того, пальмовые ветви играли — и продолжают играть — важную роль в ритуале праздника Суккот. «Ветви деревьев», упомянутые в описаниях триумфального въезда, также важны в этих ритуалах, так как их обильно используют, строя крыши к шатрам, или «суккам», давшим имя празднику, и как дополнение к пальмам (Книга Левит, XXII, 40).

Подтверждение того, что временем триумфального въезда была осень, можно найти в истории, как Иисус проклинает смоковницу, что случилось сразу после его въезда. Иисус, по-видимому, встретил на своем пути смоковницу без плодов и сказал: «Отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек», после чего смоковница засохла. Стало быть, это должно было произойти осенью, так как никто не ожидал бы увидеть смоковницу, усыпанную плодами, весной. Причина сердитой реакции Иисуса на это зрелище, видимо, такова: библейские пророки предсказали, что время мессии будет временем небывалой плодовитости растений и животных (например, Иоиль, II, 22: «...Смоковница и виноградная лоза окажут свою силу»). Иисус, приверженный галилейской вере в злых духов, мог решить, что в смоковнице обитает злой дух, борющийся против царства Божия.

То, что толпа возглашает именно «Осанна!» (еврейское «хоша-на» со значением «спаси, пожалуйста»), также подтверждает осеннюю датировку въезда Иисуса. Этот возглас специально используется в литургии в ритуале Суккота и более ни в каких других праздниках. Возглас этот был обращен к Богу, а не к Иисусу, и означал примерно вот что: «Спаси нас, Боже, через посредство твоего мессии». Слово «спаси» на всем протяжении еврейского Писания специально связано с милостью Божией, оказанной через посредство правителей и борцов, защищавших Израиль от его врагов. Молитва о таком спасении возносилась в праздник Суккот и была бы особенно подходящей как сопровождение для въезда Иисуса со спасительной миссией.

Это приводит нас к пункту еще более важному: что праздник Суккот был специально царским праздником. Как правило, еврейское царское семейство играло малую роль в церемониале еврейской религии. Но как раз праздник Суккот представлял исключение. На этот праздник царь лично входил в храмовый двор и читал вслух «царский параграф», то есть ту часть Моисеева закона, где говорилось о его обязанностях (Второзаконие, XVII, 14—20).

Особенно Иисус должен был при этом думать об одном своем великом предке, а именно о царе Соломоне. Соломон был царем, чей статус был близок к пророческому, и ему приписывалось авторство трех канонических произведений (Песнь Песней, Притчи и Экклезиаст). И освящение Первого Храма Соломон совершил именно в праздник Суккот. При этом Соломон произнес длинную трогательную молитву Богу, стоя на платформе, специально построенной во дворе храма.

Мы можем видеть теперь, почему первым действием Иисуса по вступлении в Иерусалим было очищение храма. Этот поступок был значительно снижен, «заземлен» составителями Евангелий, которые изобразили его как личную демонстрацию, в которой Иисус выгнал из храма менял бичом. Но действие было во много раз важнее этой частности: Иисус в качестве законного царя провел основательную реформу храма, очистив его от коррупции продажного саддукейского первосвященства. Иисус находился теперь на вершине своей власти. Хотя у него не было организованной армии, еврейские массы аплодировали каждому его шагу. Храмовая полиция, которая приняла бы резкие меры против насильственных действий одного лишь человека, была бессильна воспрепятствовать реформам Иисуса.

Передатировка триумфального въезда с весны на осень делает всю серию событий гораздо более осмысленной. Осень — это время, какое избрал бы для вступления в Иерусалим любой, серьезно выступивший в роли мессии. Но есть и еще один, более важный мотив, который мы не упоминали.

Пророчество Захарии говорит, что великая битва последних дней состоится осенью, во время праздника Суккот. В годовщину этого великого события всем народам Земли надо будет являться в Иерусалим на празднование Суккота в мессианские времена (Захария, XIV, 16). Когда Иисус въезжал в Иерусалим верхом на молодом осле, он подчеркивал свою связь с концепцией Захарии о последних днях. Те, кто знал свое Писание (а таких было много), по одному уже способу, как он въезжал, должны были узнать его намерения — сразиться с римлянами прежде чем окончится праздник Суккот.

Почему же составители Евангелий (видимо, следуя уже установившейся к тому времени позднецерковной традиции) переместили триумфальный въезд на весну? Наиболее вероятной причиной было то, что для позднехристианской церкви важнейшее событие в жизни Иисуса — его смерть на кресте, которую она стала рассматривать как высший смысл всего рассказа. Поэтому казалось более драматичным сжать ход событий, подчинив их все последней сцене драмы. А так как распятие состоялось весной, то она поэтому и стала временем всех кульминационных событий в жизни Иисуса.

День Господень

Теперь мы подходим к эпизоду, известному как Тайная Вечеря.

Тайная Вечеря была празднованием в кругу ближайших учеников Иисуса явления его в качестве царя и близкого свержения власти Рима. Подготовившись

несколькими ночами медитации и молитвы на горе Елеонской, Иисус пришел к убеждению, что «День Господень» близок, и созвал своих учеников для окончательного закрепления связывающих их уз перед решающим испытанием. Атмосфера должна была быть чрезвычайно напряженной. Они собирались пойти на великое дело, от исхода которого будет зависеть судьба их страны и всего мира.

Тайная Вечеря рассматривалась также как предвкушение великого пира и празднества, предстоявших в случае успеха Иисуса.

После Тайной Вечери Иисус повел учеников, как обычно, на гору Елеонскую. Но на сей раз дело обстояло не как обычно. Иисус был убежден, что то была ночь, когда Бог явится во славе и свергнет иноземных захватчиков его Святой Земли. Поэтому он потребовал, чтобы его ученики опоясались мечами. Были взяты два меча, и тогда Иисус сказал: «Довольно». От мессии и его сторонников потребовалось бы участие в битве, подобно Гидеону и его небольшому отряду, ибо в пророчестве Захарии было сказано среди грозных предсказаний вмешательства Бога: «И сам Иуда будет воевать в Иерусалиме». Но двух мечей достаточно: чудо будет еще больше, чем в случае Гидеона.

Эпизод с мечами сохранил изо всех составителей Евангелий один Лука. У него не могло быть никакой возможной причины выдумать его, ибо он противоречит всему духу его рассказа. Единственное возможное объяснение его включения состоит в том, что эпизод уцелел от первоначального рассказа, и у одного Луки не хватило духу его выкинуть. Составители Евангелий следовали канве более старого Евангелия.

Иисус теперь решился проверить на деле свое толкование пророчества Захарии. Полезно поэтому поглядеть на это пророчество, имевшее для Иисуса такую важность и оказавшееся роковым.

«Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая пред лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее к югу. И вы побежите в долину гор Моих, ибо долина гор будет простираться до Асила... и придет Господь Бог мой и все святые с Ним. И будет в тот день: не станет света, светила удалятся. День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь, лишь в вечернее время явится свет... И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя Его — едино... И вот какое будет поражение, которым поразит Господь все народы, которые воевали против Иерусалима: у каждого исчахнет тело его, когда он еще стоит на своих ногах, и глаза у него истают в яминах своих, и язык его иссохнет во рту его... и сам Иуда будет воевать против Иерусалима... все оставшиеся из всех народов, приходивших против Иерусалима, будут приходить из года в год для поклонения Царю, Господу Саваофу и для празднования праздника кущей... и не будет более ни одного хананея в доме Господа Саваофа в тот день».

«Сражавшиеся против Иерусалима» были не кем иным, как римлянами, языческими варварами, объединившими народы в великую империю и поднявшими лица свои против Бога. Он же, сам Иисус из Назарета, был тем лицом, которому пророк адресовал свои инструкции, мессией, который въедет в Иерусалим на молодом осле и встанет в «долине гор» вместе с горсткой «святых», чтобы быть свидетелями явления славы Божией на горе Елеонской. Он увидит, как некая чума поразит римлян и поведет «Иуду» в бой против них. Затем, после великой победы, он станет править в качестве царя-мессии в Иерусалиме, где каждый год, в день годовщины своей победы, станет приветствовать представителей каждого народа на Земле, приходящих воздать честь Господу Сил в его храме.

Можно возразить: неужто Иисус мог ожидать, что пророчества Захарии исполнятся так буквально в эту самую ночь на горе Елеонской? Как мог он быть так уверен в том, что знает точный час исполнения пророчеств и что они исполнятся именно через него? Как личность Иисус обладал характером, который способен неограниченно долгое время быть на вершине энтузиазма и эйфории. Это позволяло ему совершать свои чудесные исцеления и производить на своих соратников такое сильное впечатление, что они не могли дать памяти о нем умереть. Он не был Иудой Галилеянином или Бар Кохбой, которые были мессиями по сути своего обычного или нормального темперамента. Те были людьми, пытавшимися захватить власть, потерпели неудачу и на этом все и кончилось. Не случайно религия нового мира выросла именно вокруг Иисуса.

Эллинистам из позднехристианской церкви понадобилось сделать один только шаг, чтобы пламенную убежденность Иисуса в своей всемирной миссии превратить в догму о его божественности. Или чтобы превратить его уверенность в победе, одержанной рукой Бога, а не методами партизанской войны, в пацифистскую потустороннюю доктрину, переносящую концепцию победы в духовный план.

Харизматический характер Иисуса стал главной движущей силой раннехристианской церкви с ее экстатическим духом, ее всемирной амбицией и ее убежденностью в конечной победе.

Еврейское сопротивление Риму состояло из различных групп, и все они были религиозными по характеру. Однако они расходились по вопросу, как много можно оставить на долю вмешательства Бога. Зелоты были готовы к долгой и трудной борьбе с помощью реалистических военных методов. Бар Кохба, преемник зелотов, по преданию, молился Богу следующими словами: «Господин Вселенной, я не прошу, чтобы Ты сражался на моей стороне, а только чтобы Ты не сражался за римлян, и этого будет достаточно».

Некоторые самозванные мессии, такие как Февда, придерживались обратной крайности и полагались на Бога даже больше, чем полагался Иисус. Умеренные фарисеи были людьми осторожными, придерживавшимися позиции выжидательной. Подобно Гамалиэлю, они полагали: «Если это предприятие и это дело от человека, оно разрушится, а если оно от Бога, вы не можете разрушить его». Но временами даже их могла увлечь апокалиптическая страсть, как это случилось с рабби Акивой в дни Бар Кохбы. В спектре еврейского Сопротивления Иисуса можно рассматривать как апокалипсиста-фарисея, чьи надежды были сходны с надеждами Фаевды и упомянутого Иосифом Флавием пророка из Египта, который также в центре своего движения ставил ожидаемое чудо на горе Елеонской.

Придя к горе Елеонской, Иисус расположился с учениками в Гефсиманском саду. Его по традиции размещают у подножия горы Елеонской, но, возможно, он расположен несколько дальше от Иерусалима, в ложбине между двумя отрогами этой горы («гефсиман» означает «долина масла»). Пророчество Захарии гласит, что ноги Бога будут стоять на горе Елеонской, которую землетрясение расколет трещиной, тянущейся с востока на запад, причем главная масса горы сместится на север и на юг. И пророчество продолжает: «И вы побежите в долину гор». Поэтому Иисус привел учеников на место, указанное пророком, где он мог глядеть на чудо, а не быть раздавленным им. Далее пророк уверял его: «И придет Господь Бог мой и все святые с ним» (альтернативный перевод: «...если все с тобой святы»). Бог самолично должен был присоединиться к мессии и в этой долине сражаться против врага, поразив его ряды некой чумой. Должны были произойти и другие поразительные чудеса: бурные воды изольются из Иерусалима двумя реками и «в вечернее время явится свет».

Достигнув «долины решения», Иисус с усердием занялся молитвой и бодрствованием. «И находясь в борении, охваченный скорбью, Он ревностно молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю».

О чем так ревностно молился Иисус в это время? Почему он велел ученикам «бодрствовать и молиться»? Перед тем он призывал к этому тех, кто ожидает пришествия царства Божия. Почему он предостерегал их от того, чтобы не впасть в искушение?

В свете излагаемой здесь теории имелись веские причины для молитвы и бодрствования, а также веские причины избегать искушения. Ибо Иисус не ждал в Гефсиманской долине своего ареста. Он ожидал устрашающего чуда и явления славы Божией. Но он должен был чувствовать, что это космическое явление в какой-то мере будет зависеть от того, достоин ли этого он сам и достойны ли ученики.

Иисус не просто прорицал пришествие царства Божия, он и готовился к нему. Он вел кампанию среди «блудных овец Израиля», призывая их к покаянию, ибо чувствовал, что грехи Израиля задерживают приход царства Божия. Фарисейские сочинения часто подчеркивают, что обещания Бога Израилю не исполнятся просто так — это зависит от того, достоин ли их Израиль и содействует ли он этому. Следовательно, даже хотя Иисус чувствовал, что время благоприятно для наступления «Дня Господня», полной уверенности у него быть не могло. Что требовалось сейчас — это последнее великое усилие в молитве. Вера в действенность молитвы была очень сильна среди фарисеев, особенно, если молитва исходила от пророка.

Только самый могучий сфокусированный луч святой сосредоточенности, направленный из Гефсимана к Богу, мог

изгладить грехи Израиля и принести час искупления. Одного Иисуса для этого было недостаточно, ибо Захария сказал: «И Господь мой придет, если все с тобою святы». Это объясняет, почему Иисус сузил свое общество до двенадцати в эту ночь. Он нуждался в обществе тех, на кого он более всего мог положиться, ибо сила безгрешной молитвы была гораздо важнее силы простой численности.

Не диво поэтому, что Иисус дал своим ученикам мессианский пароль «Бодрствуйте и молитесь», что сам он предался бурной молитве и укорял учеников, когда ощутил, что в их молитве недостает концентрации и чистосердечия.

История о том, что ученики потерпели неудачу в Гефсимане, должна была развиться на очень раннем этапе в недрах иудео-христианской церкви. Невозможно было поверить, что неудачу потерпел сам Иисус. Поэтому его ученики предпочли верить, что в неудаче повинны они сами, ибо, порицая себя, они могли продолжать верить в него.

Для учеников было нетрудно после ареста и казни Иисуса терзаться чувством собственной вины и искать причину неудачи исключительно в себе. Иисус, наверное, не раз заставлял их чувствовать себя в чем-то виновными по сравнению с его раскаленной верой и самопожертвованием. И теперь случаи, когда они оказывались недостойны его, стали прямо-таки тесниться в их памяти. Это может в какой-то мере объяснить, почему в Евангелиях так много рассказов о том, как ученики оказались не на высоте положения.

Итак, Иисус стоит в долине Гефсиманской, и над ним возвышается Масличная гора. Он верит со всей силой рвения, что здесь долина решения, долина суда Господня. Если он избрал момент верно, если сердца его спутников чисты и если его кампания собирания «заблудших овец Израиля» была успешной, тогда будет дан последний бой. Но, молясь, он чувствует сильное внутреннее борение. Он молится с такой силой, что пот его падает на землю, как большие капли крови. То, каких трудов стоит ему эта молитва, есть неблагоприятное предзнаменование. И он видит, что силы его избранных спутников слабеют. С огромной горечью он осознает, что долгие горькие испытания Израиля еще не подошли к концу.

Арест и суд

Чудесное явление Господа Бога на горе Елеонской так и не произошло. Подобно Февде и «пророку из Египта» и многим другим мессианским фигурам того периода, Иисус, несмотря на свой дар целителя и огромную харизму, оказался обманут в своих апокалиптических надеждах. Когда римские солдаты, подкрепленные еврейской полицией, прибыли в Гефсиман, они застали там только кучку мятежников, вооруженную всего двумя мечами. Ученики в ужасе разбежались, а солдаты, у которых был приказ привести одного только главаря, пошли своей дорогой с пленником, поздравляя себя с той легкостью, с какой его удалось захватить.

Как солдаты узнали, где найти Иисуса? Объяснение, даваемое в Евангелиях, состоит в том, что Иисуса предал его ученик Иуда Искариот, который и привел воинов к этому месту. Что солдаты получили какую-то секретную информацию, представляется весьма вероятным, так как арестовать Иисуса в Гефсимане было идеальным способом покончить с его мятежом. Арестовать его в самом Иерусалиме первосвященник боялся, так как Иисус пользовался в народе массовой поддержкой. А то, что Иисус взял за правило удаляться каждый вечер из Иерусалима на гору Елеонскую, сводило на нет любой план внезапного ночного нападения на него, какой мог сложиться у первосвященника. Гора Елеонская с ее долинами была районом таким обширным, что для того, чтобы отыскать его там, требовалась специальная информация, даже если его приблизительное местонахождение и было известно.

Однако рассказ о предательстве Иуды Искариота неисторичен. В Евангелии от Петра, фрагмент которого был найден в 1884 году, рассказа о предательстве Иуды нет вовсе. Рассказчик повествует, как после распятия «мы, двенадцать учеников Господа, плакали и горевали». В этом раннем Евангелии ни один из двенадцати учеников не становился отступником; оно было написано до того, как была выдумана история о предательстве Иуды. Кто же тогда предал Иисуса? И был ли он вообще предан?

В одной из версий легенды об Иуде Искариоте (версии Иоанна) сам Иисус велит Иуде предать его. «Что делаешь, делай скорей». В контексте данного рассказа эффект этого замечания состоит всего лишь в том, что оно подчеркивает, что Иисус знает все наперед. Но, возможно, именно здесь мы имеем ключ к исторической реальности.

Можно понять, что действительно произошло на самом деле: сам Иисус послал гонца, чтобы привести вражеских воинов в Гефсиман. Будучи уверен в том, что знает точный час, когда свершится чудо, предсказанное Захарией, он пожелал, чтобы римские воины наверняка оказались под рукой в «долине решения», чтобы испытать там предсказанный разгром.

Если гонец, посланный Иисусом, чтобы привести римлян, был не Иудой Искариотом, то кем же он был? Возможно, ключ к этому имеется у Марка. В его Евангелии упоминается не названный по имени «юноша», который в удручении следовал за Иисусом после ареста, пока его не прогнали солдаты. Этот «юноша» не был одним из Двенадцати, не был он и из числа солдат или враждебной «толпы». Он мог быть юным сторонником Иисуса, избранным для того, чтобы привести римлян к месту их гибели. Полный веры, он и привел их в Гефсиман, ожидая, как Иисус победит их там силой чуда. Когда чуда так и не произошло, он пришел в смятение и отчаяние и последовал за солдатами в недоумении, пока они его не прогнали. Деталь же, что юноша «бежал от них нагой», может представлять собой попытку связать этот эпизод с пророчеством Амоса: «И самый отважный и храбрый убежит нагой в тот день, говорит Господь».

Насколько дело касалось римлян, мятеж Иисуса был весьма незначительным событием по сравнению с серьезными зелотскими мятежами, случившимися в тот же период. Вот почему Иисус произвел очень мало впечатления на современных ему историков. Иосиф Флавий едва упоминает его, а подлинные упоминания его в Талмуде крайне скупы, немногочисленны и содержат мало информации. Не будь Евангелий, мы вряд ли знали бы о существовании Иисуса. Для большинства же тогдашних евреев Иисус был еще одним человеком, претендовавшим на то, что он мессия или пророк, возбудившим на некоторое время большие надежды, но в конечном счете потерпевшим провал. На такие фигуры смотрели с большой симпатией и скорбью; о том, чтобы порицать или клеймить человека за то, что он счел себя обещанным мессией, не было и речи. Если он потерпел неудачу, значит, он совершил ошибку, но его по-прежнему уважали как смельчака и патриота. Но не будь его сторонников, оставшихся верными памяти об Иисусе и развивших веру в его возможное возвращение, он был бы забыт еврейским народом.

Однако пленение Иисуса в Гефсимане вовсе еще не доказало, что он потерпел провал. Пока он оставался в живых, его сторонники могли продолжать лелеять свои надежды. Возможно, Бог совершит какое-нибудь великое чудо, чтобы освободить его и все-таки уничтожить римлян. Известие о взятии Иисуса в плен должно было возбудить в иерусалимской толпе страхи и тревогу, но ни в коем случае не погрузить ее в отчаяние.

Вера Иисуса, его доверчивая самонадеянность — вот что предало его в руки римлян. Он был убежден, что великое чудо случится в эту самую ночь. Почему же он был так уверен? Захария сказал, что чудо произойдет в течение праздника Суккот, но этот праздник продолжался восемь дней. Который же из этих восьми дней должен был стать днем избавления? Очевидным ответом было бы: седьмой день. Во времена Иисуса он был известен как «день Осанны» (а теперь он именуется у евреев «Великой Осанной»).

В этот день молитвы о спасении достигали своего крещендо в процессии священников, семь раз обходивших алтарь, держа ивовые ветви и взывая о спасении. Ночь ожидаемого чуда должна была приходиться на ночь перед седьмым днем, так как евреи считали день от вечера до вечера. Иисус должен был ожидать, что эта ночь и следующий день будут заняты поборением римлян, а следующий вечер, который открывал последний день праздника, станет началом дня победного ликования. Восьмой день всегда рассматривался как отдельный праздник и символизировал осуществление спасения. На этот раз, думал Иисус, символика превратится в реальность, и Восьмой день будет праздноваться как первый день Мессианского Века. (Иисус думал, что дело спасения займет и ночь, и день из-за пророчества Иоиля, что в «долине решения» затмятся и солнце, и луна.)

Восьмой день, однако, стал первым днем плена Иисуса.

Варавва

И вот, совершив долгий обходной путь, мы вернулись к эпизоду с Вараввой, тому самому, с которого начали. Иисус заключен в тюрьму Пилата, и в той же тюрьме томится Варавва. Он тоже вождь повстанческого движения, чей мятеж разразился в одно время с мятежом Иисуса, и ему грозит та же казнь, что и Иисусу. По совпадению, причинившему некоторые затруднения ранним христианским писателям — таким, как Ориген, — Ва-

равву по имени также звали Иисусом. Ориген пришел к заключению, что это, несомненно, ошибка, просто должно быть ошибкой. Варавва, по мнению Оригена, не мог обладать таким священным именем — «Иисус»: оно происходит от еврейского корня «яща», имеющего значение «спасать», и это усмотрели христиане. В результате имя «Иисус Варавва» было устранено в большинстве рукописей Евангелий. В немногих оно, однако, сохранилось и было восстановлено в современных переводах, например в «Новой Английской Библии».

Что за человек был Варавва? В самом позднем из Евангелий, от Иоанна, он назван «разбойником» (по-гречески «лестес»), но таким словом часто именовали борцов за свободу из рядов еврейского Сопротивления (да и вообще борцов за свободу на всем протяжении мировой истории). Более ранние Евангелия достаточно ясно дают понять, что Варавва был мятежником. Матфей даже почтительно именует его «выдающимся заключённым» (по-гречески «эпистемос», неверно переведенное в некоторых версиях как «пресловутый»).

Наше исследование сократило разрыв между этими фигурами, Иисусом из Назарета и Иисусом Вараввой. Мы начали его с двух людей, удаленных друг от друга, как Северный полюс от Южного. Иисус виделся фигурой неземной, ангельской, чье царство было не от мира сего; мессией, отвергавшим концепцию победы в бою; пророком, чьей целью было умереть на кресте, считавшим римскую оккупацию Иудеи деталью, не стоящей внимания. Варавва выглядел бандитом, разбойником, человеком бессердечного насилия.

Но теперь мы способны оценить фигуру Вараввы более справедливо. Он видится нам членом движении еврейского Сопротивления.

Итак, образы Иисуса и Вараввы значительно сблизились. Поэтому невольно задумываешься: а не знали ли они друг друга? Не были ли их жизни каким-то образом связаны? Не было ли между их движениями сотрудничества? Случайным ли совпадением было то, что их мятежи произошли в Иерусалиме в одно и то же время и что они оказались в тюрьме Пилата вместе? Или они на самом деле были двумя вождями одного и того же движения?

С. Г. Ф. Брэндон счел, что дело должно было обстоять именно таким образом. Он писал (в 1968 году): «Совпадение атак Иисуса в храме с неким мятежом в том же городе, который римским войскам удалось подавить не без потерь, должно, несомненно, рассматриваться как многозначительное. Иерусалим был городом маленьким, и трудно поверить, чтобы эти два потрясения не были тем или иным образом связаны, пусть даже только в глазах властей. А не могли оба движения, происходящие в одно и то же время, быть связаны также общими принципами и целью?»

Однако если принимать гипотезу Брэндона, то выглядит загадочным, почему же Варавва до того момента ни разу не упоминался в рассказах Евангелий. Если он был членом движения Иисуса, достаточно важным, чтобы ему поручили какую-то руководящую роль в восстании, то почему же его не упомянули ранее? И если Варавва был видным помощником Иисуса, то не становится ли бессмысленным то обстоятельство, что толпа предпочла Варавву Иисусу? Даже если история эта не вполне верна, то как вообще она могла развиться из ситуации, в которой Иисус и близкий его соратник и сторонник оказались в тюрьме вместе?

Многие комментаторы почувствовали: каким-то ключом к загадке Вараввы является то обстоятельство, что его звали Иисусом. Не могло ли случиться некоторой путаницы, вызванной тем, что в тюрьме Пилата одновременно оказались два заключенных, оба по имени Иисус, и не эта ли путаница и породила тот сюжет, который мы имеем в Евангелиях? Само по себе это совпадение не требует от нас чрезмерного легковерия, так как имя «Иисус» было широко распространенным.

А. И. Дж. Роулинсон (в 1925 году) выдвинул гипотезу, что история эта порождена путаницей в уме Пилата относительно двух Иисусов, оказавшихся в его темнице. Когда толпа явилась, требуя освобождения Вараввы, они выкрикивали его имя: «Иисус». Пилат по ошибке решил, что они имеют в виду Иисуса из Назарета, и предложил освободить его.

Пауль Винтер также предложил теорию, основанную на путанице в уме Пилата. Теория Винтера состоит в том, что Пилат просто осведомился, о котором Иисусе идет речь, а из этого-то эпизода рассказ в конце концов и развился в ту версию, которую мы находим в Евангелиях. Причем мотивом подобной трактовки было желание возложить вину за казнь Иисуса на евреев и снять ее с Пилата. Позволительно, однако, сомневаться в том, что история, полная такого драматизма и столь тщательно разработанная в деталях, могла быть порождена столь пустячной мелочью, как сомнение Пилата, о ком из двух Иисусов идет речь.

Имеется и другое объяснение, также исходящее из того, что Варавву звали Иисусом. Объяснение, более последовательно рассматривающее стадии, по которым предание развилось до его нынешней формы. Оно состоит в том, что Иисус из Назарета и Иисус Варавва были одним лицом, одним и тем же человеком.

Когда Иисус томился в тюрьме Пилата, еврейская толпа окружила ее, чтобы требовать его освобождения. Эпизод этот нельзя было устранить из Евангелий полностью, поскольку он опирался на сильную традицию, но он мешал позднейшим редакторам Священного писания решить стоящие перед ними задачи.

Итак, отрицать, что еврейская толпа требовала освобождения Иисуса, они не могли, но им пришло в голову хитроумное решение. Еврейская толпа требовала-де освобождения другого Иисуса, случайно оказавшегося в тюрьме одновременно с Иисусом из Назарета. Этим Иисусом был Иисус Варавва. Еврейская толпа, призывая Пилата освободить Иисуса Варавву, просто выкрикивала имя другого человека, известного также как Иисус из Назарета. Но евангелистам, дабы скрыть попытки народа защитить своего мессию, показалось удобным сначала заменить другое имя на другого человека. А в конечном счете даже тот факт, что именем Вараввы было Иисус, оказался выброшенным из Евангелий.

Но если Иисус и Варавва были одним лицом, как же можно объяснить имя «Варавва»? Что оно означает и почему прилагалось к Иисусу?

Имеются различные возможности объяснения.

«Абба» употреблялось как имя, «авва» означает «отец», так что «Бар-авва» могло означать «сын Отца». Существует мнение, что Иисус имел обыкновение в молитвах обращаться к Богу как «Авве» (Марк, XIV, 35, Послание к римлянам, VIII, 15, Послание к галатянам, IV, 6). В Талмуде есть примеры и других раввинов, называвших Бога «Аввой», но Иисус мог отличаться такой характерной привычкой делать это, что приобрел прозвище «Бар-авва» (то есть Варавва) в знак его тесных отношений с Богом. Возможно и то, что «Варавва» означало «сын Божий», но не в гностическом смысле божественного существа, а как царь Давидовой династии, который, согласно Коронационному псалму, был приемным сыном Божиим.

С другой стороны, если правильным будет написание через два «р», то значение было бы «сын раввина». Арамейское «бар» — «сын раввина» могло означать просто «раввин», или «учитель».

Но имелось и еще имя для учителей, писавшееся через одно «р», и, возможно, оно и есть наилучшее исходное слово, от которого было произведено имя собственное «Варавва», или «Баравва». Это титул «Берабби» (буквально «дом учителя»), который прилагался только к величайшим раввинам и в качестве почетного титула помещался после имени. Мы знаем, что Иисус пользовался известностью как «Учитель» (Лука, XXII, 11). Так что нет никаких трудностей в предположении, что «Варавва» было его титулом. Но, возможно, это было прозвище с мессианскими обертонами.

Если Иисус из Назарета и Иисус Варавва — одно лицо, то все затруднения с историей Вараввы исчезают. Прежде всего, мы можем понять, почему Варавва возникает в повествовании так внезапно. Его не упоминали раньше по той простой причине, что до определенного момента он просто не существовал, его искусственно вызвали из небытия. Что же до участия Вараввы в «мятеже», то это относится к собственному мятежу Иисуса, когда он силой очистил храм.

Протомившись в тюрьме несколько недель или месяцев, Иисус был приведен перед Пилатом на суд, признан виновным в мятежном действии — претензиях на иудейский трон — и приговорен к казни обычным способом, предназначавшимся для бунтовщиков: распятием. Пилат, опиравшийся на сильный римский воинский контингент, питал величайшее презрение ко всякой недисциплинированной толпе и полностью игнорировал требования освободить Иисуса.

Иисус был арестован к концу восьмидневного осеннего праздника Суккот (Кущей), но не был казнен, пока не настал канун весеннего праздника Пасхи. Произошло это отчасти потому, что римская судебная процедура всегда была медлительна, а отчасти потому, что Пилат любил устраивать казни мятежников в такое время, когда это произвело бы максимальное впечатление на беспокойных евреев. Иерусалим в дни праздников был всегда полон паломников, а между Суккотом и Пасхой праздника, вызывающего паломничество, не было.

Иисуса распяли вместе с двумя другими бунтовщиками, — возможно, членами

его собственного движения. В соответствии с римским обычаем, обвинение, по которому он приговорен, было написано на его кресте: он выдавал себя за «Царя Иудейского». Ослабленный своим пребыванием в тюрьме и горестью от разочарования в своих надеждах, Иисус продержался на кресте всего шесть часов и умер.

С каким уважением относились к Иисусу фарисеи, показывает тот факт, что к Пилату отправился за разрешением похоронить тело Иисуса не кто иной, как фарисей и член синедриона Иосиф Аримафейский. Разрешение это было дано, и Иосиф снял тело с креста и похоронил его.

Ближайшие соратники Иисуса и небольшая кучка сторонников после начального периода отчаяния уверовали в то, что Иисус по-прежнему жив. Он-де воскрешен, подобно Илие, и вскоре вернется, чтобы возглавить новую борьбу с римлянами, которая на этот раз будет успешной.

Так возникла новая еврейская секта, известная под именем «назареяне».

Как писались Евангелия

Еврейская история после смерти Иисуса

Иисус умер около 30 года новой эры, а Понтий Пилат продолжал быть прокуратором до 36 года новой эры, когда был смещен легатом Сирии Вителлием за жестокую и бесцельную резню среди самаритян. Последующая история римского правления в Иудее до момента, когда разразилась Иудейская война в 66 году новой эры,— летопись такого притеснения и дурного правления сменявшихся прокураторов, что историки удивлялись, почему Рим не вмешивался чаще, чтобы призвать этих прокураторов к порядку.

Однако в Римской империи имелись влиятельные силы, не желавшие, чтобы евреи процветали. Трудно поверить в то, что провокационное поведение целой череды прокураторов не пользовалось прямой поддержкой из Рима. Такая поддержка вряд ли исходила от самих императоров, а скорее, от могущественных чиновников, от греков-вольноотпущенников, обладавших огромной властью за кулисами. Прокураторы Иудеи зачастую были обязаны своим положением этим вольноотпущенникам. Феликс, один из худших прокураторов, был братом Палласа, одного из греков-вольноотпущенников, практически правивших империей в годы старческого слабоумия Клавдия.

Соперничество между греками и евреями было в Римской империи очень острым. Греки захватили, в некотором смысле слова, власть в империи — как тем, что задавали тон в ее культуре, так и тем, что поставляли кадры ее гражданской администрации. Евреи представляли единственную угрозу культурной гегемонии греков. Иудаизм был в то время верой миссионерской. Александрийские евреи вели пламенную пропаганду иудаизма на греческом языке, а фарисеи, особенно гиллелиты, ревностно вербовали прозелитов.

Греки были очень встревожены успехами, которые одерживал иудаизм, и возникла целая литература на греческом языке, чьей целью стало противодействие тенденции к обращению в иудаизм. Во всех эллинистических городах, в том числе и в таких, что были, подобно Цезарее, расположены внутри пределов Палестины, греки часто устраивали еврейские погромы.

Тревога греков (которым вторили римляне, поклонники греков, вроде Цицерона и Сенеки) не была абсолютно беспочвенной. Евреи уже составляли десять процентов населения империи, число это быстро множилось благодаря их природной плодовитости и пропаганде обращения в иудейство. Поэтому греки вели жестокую борьбу за свою культурную гегемонию, и одним из их методов вполне могло быть поощрение намеренно дурного правления в Иудее в надежде спровоцировать войну, в которой евреи потеряют свою страну, центр своей религии.

Правление прокураторов было ужасающим. Их политика казалась направленной на то, чтобы породить хаос. Особенно это относится к двум последним и наихудшим прокураторам, Альбину и Флору. Они брали взятки от кого угодно, включая преступников. Альбин, когда истек срок его должности, открыл тюрьмы, чтобы «наполнить страну грабителями». Заключительной провокацией Флора было ограбление иерусалимского храма на семнадцать талантов. И когда народ, протестуя против этого, вышел на улицы, он послал солдат избивать его и грабить его дома. Вдобавок из иерусалимской толпы были отобраны наугад люди, посланные на распятие. В их числе оказались и возведенные в римское всадническое звание. Этот последний поступок показывает открытое пренебрежение римскими нормами поведения, и объяснить его вообще невозможно ничем иным, кроме гипотезы, что у Флора были тайные приказы из Рима спровоцировать мятеж.

Добившись открытого восстания евреев, Флор обратился к легату Сирии Цестию Галлу с просьбой, чтобы тот ввел легионы и раздавил мятежников. Известия же о восстании послужили сигналом для греческих городов и всей восточной половины империи к тому, чтобы начать избиение своих жителей-евреев. В Цезарее, эллинистическом городе на палестинском побережье, за один час были перебиты двадцать тысяч евреев, а оставшиеся в живых обращены в рабство. По всей Сирии прокатились избиения евреев, а в Александрии римскими солдатами и горожанами-греками было убито пятьдесят тысяч. Евреи в возмездие за это атаковали эллинистические города, расположенные вокруг Палестины. Война эта была восстанием против власти Рима. Но на идеологическом уровне она была борьбой между эллинистической и еврейской цивилизациями.

Первым крупным событием войны стал поразительный военный успех евреев. Цестий Галл, легат Сирии, с грозной тридцатитысячной армией вступил в Палестину, чтобы покарать мятежников. Он пробился через Галилею и Самарию и, встретив несколько более сильное сопротивление в Иудее, вошел в Иерусалим. Казалось, что война будет окончена всего за три месяца. Но в этот момент Галл неожиданно прекратил военные действия и начал отступление. Причины этого решения так никогда и не удалось выяснить. На обратном пути через Иудею зелоты устроили ему засаду и сильно потрепали его огромное войско. Пожертвовав арьергардом, Цестию Галлу удалось все же вырваться с основными силами своей армии, но он потерял шесть тысяч воинов и большое количество военного снаряжения. Местом этой великой победы зелотов был Бет-Хорон, тот самый горный проход, где Иуда Маккавей в 165 году до новой эры одержал победу над греками Селевкидами.

Эта победа носила столь чудесный характер, что весь народ проникся убеждением, что зелоты правы и время для Божия спасения наступило. Отныне все партии, даже саддукеи, были объединены в решимости продолжать войну.

И борьба затянулась на следующие семь лет, продолжаясь с 66 до 73 года новой эры. При этом вне Палестины римский мир сотрясали собственные, внутренние кризисы. Императора Нерона принудили к самоубийству. За этим последовал «Год четырех императоров» (66 год новой эры), ожесточенная схватка в борьбе за престол, в ходе которой три императора, Гальба, Оттон и Вителлий, были убиты, прежде чем в конце концов не утвердилась стабильная власть Веспасиана. Но во все время этих потрясений римский мир не переставал сознавать, что евреи продолжают восстание.

Они фактически стали символом развала, грозящего империи всеобщей угрозой. Евреи были вездесущи, их общины имелись в каждом городе империи. Сенека писал: «Обычаи этого крайне злокозненного народа приобрели такую силу, что теперь они оказались приняты во всех странах. Побежденные дали законы победителям». (В ранние дни Нерона, когда прокуратор Феликс заполнил Иудею распятыми телами, руководство политикой Рима было как раз в руках Сенеки.) А теперь евреи открыто подняли оружие против Рима в Палестине.

После первой победы под Бет-Хороном зелоты позволили руководству военными действиями ускользнуть в руки хасмонейских аристократов, традиционных военных командиров, которые, однако, выродились за годы коллаборационизма. Одним из таких аристократов был Иосиф Флавий, ставший историком Иудейской войны. Ему было поручено командование в Галилее, что было чрезвычайно ответственным постом. Он потратил много энергии на пустяшные распри с лидером зелотов в Галилее Иоанном Гисхальским, так и не сумел всерьез организовать оборону страны, а потом перебежал к римлянам.

В Иерусалиме зелоты, осознав наконец нерешительность аристократов, взяли ведение войны в собственные руки. Однако раздоры вспыхнули и среди зелотов. Менахем, сын Иуды Галилеянина, был убит антимонархической группой зелотов, когда он заявил претензию на роль мессии. После смерти Менахема его сторонники, верившие, что он был мессией, ниспосланным Богом, пришли в уныние и удалились в крепость Масаду, расположенную в пустыне. Эта группа зелотов, грозная партия первоначального зелотского лидера, сыграла малую роль в обороне Иерусалима, хотя финальную сцену трагедии в целом разыграли именно они.

В Иерусалиме сложилось две партии зелотов — сторонники Иоанна из Гисхалы, спасавшегося в Иерусалиме после разгрома в Галилее, и сторонники Симона Бар Гиоры, наиболее радикального из зелотов, освободившего всех рабов и аннулировавшего все долги. Римляне видели в нем угрозу всякому упорядоченному обществу, второго Спартака. Эти две партии препирались между собой,

тогда как Веспасиан и его сын Тит все туже стягивали петлю вокруг Иерусалима.

Внутри стен Иерусалима улицы были полны непогребенных трупов людей, умерших от голода. В конце концов римляне, обладавшие огромными осадными машинами, пробили стены и ворвались в город. После отчаянных уличных боев Иерусалим был взят.

В 71 году новой эры в Риме состоялся большой триумф — праздновали победу над евреями. Трофеи из храма, включая священную золотую менору, или семисвечник, пронесли в процессии. Были разыграны сцены из Иудейской войны. А в кульминационный момент церемонии Симон Бар Гиора, радикальный вождь зелотов, был удушен, и весть о его смерти, по традиционной форме, принесена Веспасиану и Титу, восседавшим во всем параде. Рим был заполнен гулом триумфа. Смерть Симона Бар Гиоры, освободителя рабов, в сердце Рима — сцена символической силы. Этот герой олицетворял самую суть иудаизма, а имя его, Бар Гиора, означало «сын прозелита».

Легко понять, сколь неуютным стало положение евреев во всех греко-римских городах во время еврейского восстания и особенно в самом Риме. И именно в Риме к концу Иудейской войны или, возможно, сразу после нее было написано Евангелие от Марка, первое из канонических Евангелий. То Евангелие, в котором были заложены позднехристианской церковью основы политики по отношению к евреям — политики осуждения их как проклятого народа.

Христианская церковь после смерти Иисуса

Как сложилась история христианской церкви со времени смерти Иисуса? Книга Нового Завета, претендующая на изложение этой истории,— «Деяния апостолов», однако это позднехристианское сочинение, написанное около 100 года новой эры Лукой, тенденциозно искажает события.

Но подлинную историю ранней церкви мы можем восстановить. Для этого надо, во-первых, уметь читать между строк «Деяний апостолов», во-вторых, учитывать результаты исследований Евангелий и, в-третьих, использовать дополнительные источники, такие, как книги Иосифа Флавия, Талмуд и раннехристианские историки.

«Первые пятнадцать епископов Иерусалимских все были обрезанными евреями, и конгрегация, которую они возглавляли, соединяла закон Моисея с учением Христа». Эта фраза Гиббона подводит итог самому важному факту в жизни ранней церкви.

Самые ранние последователи Иисуса даже не назывались «христианами» (то было наименование, принятое позже последователями Павла из Антиохии). Их называли «назареянами». Они верили, что Иисус был «Христом» в еврейском значении этого термина, то есть «помазанником», законным царем Израиля, который в один прекрасный день вернется, чтобы избавить евреев от чужеземного гнета и открыть эру мира для человечества. Они верили в то, что Иисус все еще жив, что Бог совершил чудо, воскресив его после распятия, и что он скоро явится, чтобы завершить свою миссию «спасения», то есть освобождения.

Фарисеи верили в то, что все заслуживающие этого лица (безразлично, евреи или нет) в один прекрасный день будут воскрешены из мертвых. Вера же назареян состояла в том, что для Иисуса это воскресение настало раньше, чем для других.

Поэтому фарисеи не считали назареян еретиками. Они образовали особую группу внутри фарисейства, к тому же группу сверхнабожную. Первый вождь назареян, Иаков Праведный, брат Иисуса, славился своей преданностью храму, дотошным исполнением мельчайших требований еврейского закона. Назареяне соблюдали субботу, законы о разрешенной пище, законы о чистоте, законы о десятине, и, поступая так, они были убеждены, что следуют указаниям и примеру самого Иисуса.

Назареяне даже считались разновидностью зелотства. Тот факт, что Иисус был мятежником против Рима, был общеизвестен. Поэтому саддукейские и иродианские коллаборационисты рассматривали последователей Иисуса как потенциальных смутьянов. Время от времени назареяне подвергались преследованиям со стороны властей, особенно первосвященника. И в таких случаях они ждали поддержки и защиты от фарисеев. Когда назареянин Петр был арестован саддукеями, его спас от смерти фарисейский лидер Гамалиил. Когда сам Иаков, лидер назареян, был незаконно казнен одним из первосвященников, фарисеи заявили энергичный протест и добились того, что этот первосвященник был снят с должности (в 62 году новой эры).

Назареяне принимали участие и в миссионерской деятельности, которой занимались в тот период фарисеи, и фактически были одной из самых успешных миссионерских групп. Они приобрели много сторонников внутри самой фарисейской партии, в частности к ним примкнули многие священники из низших рядов духовенства, недовольные предательской политикой клики первосвященника.

На более широком поприще миссионерской деятельности среди неевреев назареяне имели заметный успех. Назарейские группы возникли во многих городах империи, включая и сам Рим. «Благая весть», что мессия уже явился и скоро вернется, была привлекательна для многих из тех, кто мог бы остаться невосприимчивым к обычному иудаизму.

Следует, однако, помнить, что все фарисейское движение, а вовсе не одни назареяне, переживало фазу быстрой экспансии и ревностной вербовки прозелитов. Царство Адиабена в Месопотамии было обращено в фарисейский иудаизм лет примерно десять спустя после смерти Иисуса. Римские писатели с тревогой свидетельствуют о распространении иудаизма в Римской империи.

Подобно другим фарисеям, назареяне признавали две степени обращения в иудейство. Полное обращение включало обрезание, принятие еврейского закона в его полном объеме и принятие еврейской национальности. Но признавалось и некое частичное обращение в еврейскую веру — причисление к «богобоязненным», или «превратным прозелитам». Такое обращение было куда менее строго в требованиях и не включало ни обрезания, ни перемены национальности. Словом, этих прозелитов можно определить как «сочувствующих иудейству».

Ожидалось, что в грядущие дни мессии лишь меньшинство населения мира предпримет полное обращение в иудейство, а большинство станет «богобоязненными», признавая только «семь законов сынов Ноя», но чтя евреев как «нацию священников». Назарейские группы новообращенных содержали прозелитов обоих типов, и следует снова подчеркнуть, что то была характерная фарисейская модель миссионерства, от которой назареяне ни в чем не отличались.

Теперь мы подходим к поворотной точке в развитии движения Иисуса, к появлению Павла, превратившего назарейство в христианство. Павел (первоначально Савл, Саул) начинал как противник назареян, которых преследовал, будучи агентом саддукейского первосвященника. Однако около 36 года новой эры он был обращен в назарейство в результате личного откровения. И вскоре начал выдвигать новый взгляд на деятельность Иисуса, взгляд, достаточно не совместимый ни с назарейством, ни с фарисейством.

Взгляды Павла можно найти в его Посланиях, написанных примерно в 50—55 годах. Эти Послания, большинство из которых — подлинные сочинения Павла, самые ранние документы в составе Нового Завета. Они придают Иисусу божественный ранг, объявляют закон отмененным и истолковывают смерть Иисуса в терминах гностической сотериологии (учения о спасении).

Позднехристианская доктрина в них еще не совсем развита (так, например, Павел не говорит ничего о Троице или о непорочном зачатии), но богословская база для позднейших доктрин — дуализма, парадоксальности, предопределения, отпущения грехов, «первородного греха» — уже создана. Павел, мистик гностического типа, никогда не знал Иисуса лично, но он уверовал, что знает суть учения Иисуса в результате особого откровения.

Евангелия в том виде, как мы имеем их сейчас,— это перетолкования жизни и смерти Иисуса в свете теорий Павла. Но три синоптических евангелиста добивались такого нового истолкования не написанием священной книги заново, а приспособлением существовавших назарейских документов. Единственный новозаветный документ, который, по-видимому, уцелел от назареян, претерпев лишь легкую павлинистскую правку,— это «Послание Иакова», принадлежащее перу вождя назареян, родного брата Иисуса.

Павел был чрезвычайно одаренным миссионером, и его новая версия миссии Иисуса имела огромный успех, особенно у «превратных прозелитов», или новообращенных второго типа. Отмена еврейского закона Павлом устраняла различие между обращенными первого и второго сорта и делала ненужными такие трудные требования, как обрезание.

Однако иерусалимские назареяне во главе с Иаковом, братом Иисуса, пришли в ужас от деятельности Павла, которая казалась им капитуляцией перед язычеством и идолопоклонством. Произошел большой раскол (около 60 года новой эры) между иудео-христианами (или назареянами) и позднехристианами (или павлинистами).

В данной книге термин «позднехристианская церковь» был применен для обозначения павлинистской общины, которая возникла как соперница иудео-

христианской церкви. Следует, однако, памятовать, что Павел обращал в свою веру и евреев, что многие из его сторонников были уже предварительно обращены в ту или иную форму иудаизма и что назареяне никогда и ни в какой период не называли себя христианами. Но главную массу тех, кто примкнул к Павлу, безусловно, составляли выходцы из эллинистических язычников, что позволяло им откликаться на гностические черты его учения.

Так что всего через тридцать лет после смерти Иисуса среди его последователей возникли сильные раздоры. Нет сомнения в том, что назареяне вправе были претендовать на то, что они — подлинные носители учения самого Иисуса, ибо были очевидцами его дел, его соратниками и родней. Павел же, выводивший свое представление об Иисусе из видений, был в действительности породителем своих собственных доктрин, истинным основателем христианства как исторического явления и как новой религии, отличной от иудаизма.

Борьба между назареянами и павлинистами продолжалась в следующее десятилетие, причем назареяне держались твердо, а возможно, и брали в этой борьбе верх. Из своей базы в Иерусалиме назареяне рассылали миссионеров во все центры павлинизма для борьбы с новыми доктринами Павла и для того, чтобы обращенных им вернуть в лоно назарейского иудаизма.

Но событием, принесшим роковое ослабление назареянам и давшим победу павлинизму, стала осада и взятие Иерусалима римлянами в 70 году новой эры. Назареяне приняли участие в обороне города, и большинство их погибло в воспоследовавшем побоище. Уцелели лишь немногие, и их церковь продолжала, ослабленная, влачить жалкое существование, не способная более возобновить миссионерскую деятельность или оказывать влияние за пределами Палестины.

Павлинизм же расцвел, не встречая более сопротивления, и позднехристианская церковь стала главной формой христианства. Остатки назареян, теперь иногда называемые эбионитами, рассматривались основной массой христиан как еретики. Вдобавок к их бедствиям они теперь в первый раз оказались в конфликте и с фарисеями.

Фарисеи взирали на развитие антииудейского христианства с естественной тревогой. Они усмотрели в нем доказательство того, что Иисус не мог быть мессией, и потребовали от назареян отказаться от верования, отличавшего их от собратьев-евреев. Около 90 года назареяне были окончательно исключены из еврейской синагоги и стали еретической группой как в иудаизме, так и в христианстве.

Назареяне продолжали существовать примерно до 400 года новой эры. До самого конца они провозглашали, что Иисус был мессией, что он скоро вернется, что он Сын Божий, но не сам Бог, что он никогда не отменял еврейский закон и что Павел — обманщик, извративший миссию Иисуса.

Евангелия пишутся

Что думали христиане Рима, когда Иудейская война затянулась и лица римлян были повсюду обращены к евреям с ненавистью? Что думали они, когда глядели на процессию закованных в цепи еврейских пленников, проходящую по улицам Рима в триумфе Веспасиана среди проклятий ликующих толп, и когда слышались возгласы дикого восторга при известии о смерти Симона Бар Гиоры.

Что они думали, мы можем узнать, читая Евангелие от Марка, написанное как раз в то время, и другие три Евангелия, проведшие далее линию, впервые начертанную Марком. Здесь мы можем видеть, как христиане, бывшие первоначально сектой полностью еврейской, отмежевались от евреев в час их поражения.

Главная христианская община Рима была основана Павлом (Деяния апостолов, XXVIII, 28—30), так что истолкование смерти Иисуса как божественного жертвоприношения было там уже в ходу. Сам Павел своей доктриной христологии отделил Иисуса от политических проблем Иудеи и «одуховнил» его до такой степени, что Иисус перестал быть революционером.

Однако опереться целиком на учение Павла и выбросить как балласт Евангелие, родившееся в Иерусалиме, было невозможно из-за того, что Иерусалимская церковь и ее назарейское Евангелие все еще обладали слишком большим авторитетом, чтобы просто списать их со счетов. Поэтому оказалось необходимым придать Евангелиям характер, созвучный павловской христологии. В обстоятельствах того времени это, к сожалению, означало придать ему антиеврейскую тенденцию.

Развив форму христианства, оторванную от еврейской истории и еврейских национальных чаяний, римская церковь не желала быть никоим образом втянута в поношение, которому подверглась еврейская община. Новая форма христианства не была революционной, для нее было вполне возможно жить в мире со своими соседями-римлянами, поскольку царство Божие более не располагалось на Земле, а находилось в занебесье.

Павел велел христианам не восставать: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога: существующие же от Бога установлены» (Послание к римлянам, XIII, 1).

И все же они оказались на виду. И все же, несмотря на их антиреволюционную позицию, их путали с мятежными евреями по одному тому, что Бог, которому они поклонялись, был евреем, к тому же распятым за мятеж. Где же решение этой злополучной проблемы?

Оно должно было напрашиваться с ясностью прямо-таки ослепительной и казаться им богоданным. Иисус боролся не против римлян, а против евреев! Они получили Евангелие от иерусалимских иудео-христиан. Но это Евангелие казалось им теперь искаженным проеврейским пристрастием. Да, оно наверняка было искажено, иначе просто быть не могло, и теперь на их долю выпало исправить его и восстановить факты такими, какими они должны были быть! В таком-то умонастроении Марк и сел писать свою версию Евангелия.

Современная школа изучения и критики Евангелий придает особое значение тому, что называют «вписыванием в жизнь». В истории она ищет объяснения их формам и развитию. Но, за несколькими заслуживающими всяческого уважения исключениями, ученые этой школы игнорировали главную черту в обстановке, при которой писались Евангелия, ту, что буквально должна была бить в глаза: Евангелие от Марка написано среди потрясений великих бедствий, обрушившихся на евреев в 70 году новой эры. Тогда всем евреям и тем, кто каким-либо образом был с ним связанным, пришлось весьма тщательно определить, чему они верны. И, конечно, это прежде всего касалось только что возникшей религии, едва отпочковавшейся от еврейскогоназврейства. Эллинистические прозелиты, недавно обращенные в христианство (каким был и сам Марк), вышли из среды, в которой антиеврейство цвело пышным цветом. Поэтому важным назначением Евангелий было дать возможность христианам говорить: «Мы не евреи. Да и сам Иисус на самом деле не был евреем, если не считать случайности рождения. Иисус был верен Риму, и мы тоже верны Риму».

В конечном счете в представлении его позднехристианских поклонников Иисус вообще перестал быть евреем ●

Коллаж и силуэты А. Гусева

Ни вникание в запредельный смысл мировой борьбы, ни понимание зла и добра нашей эпохи, ни прикосновение к замыслу божественных сил, ни разгадывание угрожающих замыслов Противобога — ничто не возможно без этого знания.

Даниил Андреев

Александр МЕНЬ

Христианство

Последняя лекция, прочитанная отцом Александром в Москве 8 сентября 1990 года, вечером, накануне его гибели.

Итак, мы с вами идем к завершению нашего путешествия по эпохам, по кругам миросозерцаний, и мы подошли к вершине, к тому самому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце и который называется христианством. Конечно, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам, но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них, и самое сильное в христианской духовности — это именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота. Если буддизм был пронизан страстным стремлением избавления от зла, стремлением к спасению (Будда говорил, что как воды морские пропитаны солью, так его учение, дхарма, проникнуто идеей спасения), то эта жажда спасения, обетование спасения присущи христианству, Новому завету. Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это самое мы находим и в христианстве. Если в китайском миросозерцании Небо (Тянь) является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве. Если брахманизм говорит нам... индуизм современный говорит нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве. Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всем, что Он как некая таинственная сила пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействие Бога только вот этим пантеистическим всеприсутствием.

Но мы бы ошиблись с вами, если бы считали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала

Эль Греко. Апостолы Петр и Павел

в себе все элементы предшествующих верований. В нем проявилась колоссальная сила чего-то нового, и это новое было не столько в доктрине, сколько в прорыве иной жизни в эту нашу обыденную жизнь.

Великие учители человечества, авторы Упанишад, Лао-Цзы, Конфуций, Будда, Мухаммед, Сократ, Платон и другие, воспринимали истину как вершину горы, на которую они подимаются с величайшим трудом, и это справедливо. Потому что истина — это не та вещь, которая дается легко в руки. Она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить, тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди еще крутой подъем. Я никогда не забуду замечательных слов об истине, которые сказал простой гималайский горец, шерп по национальности, по имени Тенцинг (это он восходил на Эверест вместе с новозеландцем Хиллари). Он говорил, что к горам надо приближаться с благоговением, так же — и к Богу.

Действительно, горы требуют особого настроя душевного, чтобы понять их величие и красоту; истина закрывается от тех людей, которые идут к ней без благоговения, без готовности идти вперед, несмотря на опасности, пропасти и расселины. Восхождение... Такова история человечества. Вы легко мне возразите: а сколько было ступеней, ведущих вниз. Да, конечно, конечно, и на первый взгляд ступеней, ведущих вниз, больше; людей, которые падали и катились вниз, в бездну, больше, но для нас важно, что человек все-таки поднимался в эти надоблачные вершины, и он тем и велик, человек, что он способен был подняться туда, как говорил Пушкин, «в соседство Бога», в горы умственных и духовных созерцаний.

Человек имеет две родины, два отечества. Одно отечество — это наша Земля и та точка Земли, где ты родился и вырос, а второе отечество — это тот сокровенный мир духа, который око не может видеть и ухо не может слышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы — дети Земли и в то же время гости в этом мире. Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. И термиты строят, и обезьяны воюют (по-своему, правда, не так ожесточенно, как люди), и муравьи сеют — есть у них такие виды. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался над, выше природных, физических потребностей, ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск и даже на смертельный риск во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки, и тысячи мучеников всех времен и народов являют собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы.

Но когда мы обращаемся к Евангелию, мы попадаем в иной мир, не в тот мир, который дает нам картину волнующих поисков, порыв к небу; мы оказываемся перед тайной ответа. Двадцать пять лет принц Гаутама, будущий Татхагатта Будда, проводил в аскетических усилиях, чтоб достигнуть созерцания. Так же трудились умственно, духовно и психофизически йоги, философы, подвижники, но Иисус Христос приходит из простой деревни, где Он вел жизнь рядового человека, в Нем все было готово, Он никуда не поднимался, Он, наоборот, спускался к людям. Каждый великий мудрец сознавал свое неведение. Сократ говорил: я знаю, что я ничего не знаю. Величайшие святые всех времен и народов ощущали себя грешниками гораздо более остро, чем мы с вами, потому что они были ближе к свету и им было каждое пятно на совести (и жизни) видней, чем в нашей серой жизни. У Христа нет сознания греховности, и у Него нет сознания того, что Он чего-то достиг; Он приходит к людям, неся им то, что в Нем самом есть изначала, от природы. Я должен сразу обратить ваше внимание на то, что Иисус Христос не начал проповедовать христианство как некую концепцию; то, что Он возвестил людям, Он назвал «бессара», по-гречески — «евангелион», что значит «радостная весть», «радостное известие». В чем же заключалось это радостное известие?

Человек имеет право не доверять мирозданию, человек имеет право чувствовать себя в чужом и враждебном мире. Такие писатели современные, как Альбер Камю, Жан Поль Сартр и другие, часто говорили о страшной абсурдности бытия. Нас обступает нечто грозное, бесчеловечное, бессмысленное, абсурдное, и доверять ему невозможно. Холодный, мертвый или мертвящий мир. Правда, я здесь оговорюсь. Эти писатели — романисты, драматурги, философы — выступали с позиции атеистического мировоззрения (это атеистический экзистенциализм у Сартра и Камю), но как-то не заметили одну вещь: когда они говорят, что мир абсурден, то есть бессмыслен, они это знают только потому, что в человека заложено противоположное понятие, понятие смысла. Тот, кто не знает, что такое смысл, не почувствует, никогда не поймет, что такое абсурд, он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет в нем жить как рыба в воде. И именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует. Так вот, древнее библейское провозвестие говорит нам о том, что мы можем совершить внутренний переворот и сказать бытию «Да», довериться тому, что кажется страшным и грозным. И тогда через хаос, через абсурдность, через чудовищность жизни, как солнце через тучи, глянет око Божие — Бога, который имеет личность, и личность, отображенную в каждой человеческой личности. И контакт с Ним возможен, как союз между подобными существами. Весь фокус человечества — это удивительная его аналогия с Тем, Кто создал мир.

Когда-то Чарлз Дарвин говорил, что хотя он воспринимает мир, так сказать, механически, как процесс, все же, задумываясь над его сложностью, он никогда не мог понять: неужели слепая случайность могла все это породить? И не следует ли нам за всем этим видеть некий разум, в чем-то аналогичный нашему? Можно к этому добавить: не просто аналогичный, но безмерно превосходящий наш разум. И в ветхозаветной библейской религии, о которой мы с вами говорили, уже возникло это понятие о вере — доверии, не вере как некоем убеждении — теоретическом, философском или религиозном, а вере как акте прорыва через мертвящую абсурдную действительность, когда человек говорит Богу: «Да. Я принимаю и внимаю». Так возникает древний завет между Богом и человеком, древний союз.

Но, конечно, союз между примитивным человеком, древним человеком, и Божественным не мог быть окончательным и совершенным, это было воспитание человеческого рода — детство чело-

Вы видите силуэты XVIII—XIX веков из коллекции А. Гусева

веческого рода, потом юность. И в VII веке до нашей эры пророк Иеремия сказал: «Так говорит Господь: Я заключу с народом новый завет, новый союз, который будет не такой, как старый, как прежний, он будет начертан в сердцах». И вот ночью совершается жертва: через семьсот лет после пророка Иеремии в маленькой комнате собираются двенадцать человек и совершается жертва. Обычно жертва совершалась с употреблением крови — кровь была символом жизни, а жизнь принадлежит только Богу, — и вот члены собравшегося общества были окропляемы кровью жертвенного животного, так было издавна у всех народов, вплоть до глубоко первобытных времен, до палеолита. И Моисей, когда заключал завет народа и Бога, окропил всех кровью жертвенного агнца. И вот в эту ночь, про которую я говорю, весной тридцатого года первого столетия нашей эры, Иисус Назарянин в окружении двенадцати совершает обряд в воспоминание о свободе, которую Бог дарует, и крови здесь нет, а есть чаша с вином и хлеб. И Он разламывает этот хлеб и дает всем и говорит: «Сие есть Тело Мое, которое за вас предается», и обносит чашу среди учеников и говорит: «Сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается». Таким образом, в этой священной трапезе, о которой мы с вами когда-то говорили, когда касались литургии, соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, а хлеб — это есть плоть земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, который отдает Себя людям в жертву.

Иисус Назарянин совершает эту жертву, и с того мгновения, с той священной ночи чаша не перестает возноситься, и совершается Евхаристия. Во всех направлениях христианства, во всех церквах, даже в сектах, всюду этот знак присутствует. Иногда говорят, что Христос возвестил новую мораль. Он сказал: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас». И раньше существовала заповедь о любви, и слова «Люби ближнего своего, как самого себя» принадлежат Моисею, а Христос придал ей совершенно какое-то особое звучание: «Как Я возлюбил вас» — потому что ради любви к человечеству Он остался с нами на грязной, кровавой и грешной земле, только чтобы быть с нами рядом, то есть Его любовь стала любовью самоотдающей, и поэтому Он говорит: «Кто хочет за мной идти, тот пусть отвергнется себя», то есть своей самости. Не своей личности, отнюдь, личность — святое, а своего ложного самоутверждения, самости, отдаст себя: возьмет свой крест, то есть свое служение, в страдании и в радости, и тогда за Мной идет.

Христос призывает человека к осуществлению Божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось в XIII ли веке, в IV ли веке или еще когда-то; оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается и то, что было раньше, то, что мы сейчас называем историей христианства, это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его. Вы скажете: ну а как же, у нас были такие великие мастера, такие иконописцы, как Андрей Рублев и т. д. Да, конечно, были и великие святые, это были предтечи, они шли на фоне черного моря грязи, крови и слез. Очевидно, вот это главное, что хотел — а может, не хотел, невольно так получилось — Тарковский показать в его фильме «Андрей Рублев». Вы подумайте, на каком фоне создалось это нежнейшее феерическое божественное видение Троицы, на каком фоне... То, что изображено в этом фильме, это была правда — войны, пытки, предательство, насилие, пожары, гибель. На этом фоне человек, не просвещенный Богом, мог создавать только «капричос», которые создавал Гойя, а Рублев создал божественное видение. Значит, он черпал это не из действительности, которая была вокруг него, а из духовного мира.

Христианство — не новая этика, а новая жизнь, новая жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, это есть новый союз, Новый завет.

И в чем же тут тайна? Как понять, почему как магнитом притягивает человечество к личности Иисуса Христа, хотя Он пришел в мир уничиженный, и не было в Нем ни таинственности индийских мудрецов, ни поэтической экзотики восточной философии, все, что Он говорил, было просто, ясно, и даже примеры Его притчей были взяты из обыденной жизни. Это тайна, которую Он открывает в коротких словах, мы их слышим в Евангелии от Иоанна. Филипп говорит: «Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас». И Иисус отвечает, как не отвечал ни один философ на земле: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца». Такие слова Он говорил не раз, и многие люди поворачивались к Нему спиной и в негодовании уходили, потому что это был всегда вызов. Надо было понять особую тайну. Никогда прямо Христос не формулировал эту тайну, а Он только спрашивал людей: «За кого Меня принимают? — За пророка, за воскресшего Иоанна Крестителя.— А вы? — Ты — Помазанник, Царь, Мессия, Сын Бога Живого». Здесь опыт должен какой-то внутренний открыться, и Он это спрашивает до сих пор, и спрашивает каждого, потому что это говорит Бог человеческими устами. Иисус Христос — это человеческий лик бесконечного, неизъяснимого, неисповедимого, необъятного, безымянного, и прав был Лао-Цзы, когда говорил, что имя, которое мы произносим, не есть вечное имя. Да, безымянного и непостижимого, а тут Он становится не только называемым, но даже называемым по имени, даже называемым человеческим именем,— Тот, Кто несет вместе с нами тяготы жизни. Вот это центр и ось христианства.

И когда мы от Евангелия переходим к Деяниям и Посланиям, мы должны обратить внимание на вторую личность Нового завета. Как говорил один французский ученый, Новый завет состоит из двух биографий: Иисуса Христа и Его последователя Павла Тарсянина, апостола Павла. Разумеется, любой из нас, переходя от Евангелий к Посланиям Павла, как будто бы падает с неба на землю, хотя Павел во многом превосходил евангелистов. Это был человек огромного таланта, духовной мощи, образования, этот человек создавал личностные произведения, его послания — это написанные кровью сердца вещи. Но сравнить их все равно с Евангелиями трудно, потому что Евангелия отражают не столько литературный дар апостолов-евангелистов, сколько тот образец, который они видели перед собой. И если апостол Павел перед нами — это только человек, то Христос есть откровение Божие. Но чем важен для нас апостол Павел, почему Церковь поставила его рядом с Христом в Новом завете? Почему большая часть Посланий надписана его именем? Почему в деяниях апостольских его биография занимает львиную долю?

В том-то и дело, что апостол Павел, очевидно, никогда не увидел лица Иисуса во время Его земной жизни. (Хотя есть исторические гипотезы, что они могли пересекаться в Иерусалиме, сам он родился в первых годах нашей эры, родился в Малой Азии, но в Иерусалиме учился, тогда мог видеть Иисуса.) Но все-таки достоверно будет считать, что он Его не видел никогда. Я думаю, что это-то и привлекает Церковь к его личности, ибо мы тоже не видели этого Лица, но Христос явился Павлу с таким внутренним... с такой достоверностью, которая значительно превосходит любое соприкосновение внешнее.

Внешне Христа видели и Его враги — и книжники, и фарисеи, и Пилат,— но это не спасло их. А Павел тоже был врагом, но Христос его остановил на дороге в Дамаск и призвал стать апостолом. Это событие изменило не только его судьбу, но и судьбу всей ранней Церкви, потому что Павел стал одним из тех, кто понес Евангелие из Сирии и Палестины по широкому миру. Его называли апостолом народов или апостолом язычников. Воспитанный в иудействе, он прекрасно знал ту истину, что с Богом слиться невозможно, что человек Востока, думая, что он, переживая экстаз, уже слился с Абсолютом, находится в заблуждении, он лишь прикасается к этому, ибо в недрах Божества кипит вечный огонь, который все растворяет в себе. Между Творцом и тварью лежит бездна, как бездна между абсолютным и условным, ее нельзя перепрыгнуть ни логически, ни бытийственно. Но есть мост, который перекинут над этой бездной, и почувствовал этот мост сам Павел, потому что он увидел Христа и внутренне с Ним соединился, бесконечной любовью был к Нему прикован так, что ему казалось: он носит раны Христовы на себе, что он с Ним вместе на кресте умирал и с Ним воскрес. Он так и говорит: уже не я живу, но живет во мне Христос. Вместе с Ним я умер и вместе с Ним я восстаю к жизни. Если с Богом нельзя слиться, то с Богочеловеком можно, ибо Он принадлежит одновременно двум мирам — нашему и запредельному. И на этом построен весь путь христианских мистиков — от Павла до сегодняшнего дня, путь к Отцу только через Сына. «Аз есть дверь,— говорит Христос.— Я есть дверь, врата в небо».

Повторяя различные молитвы, христианские подвижники могут быть уподоблены восточным, индийским, которые повторяют разные мантры. Здесь есть сходство и параллель, но одна из главных молитв христианского подвижничества

называется Иисусовой молитвой, где повторяется постоянно имя Родившегося Жившего на Земле, Распятого и Воскресшего, и вот эта христоцентричность главной христианской молитвы радикально отличает ее от всех остальных медитаций и мантр, потому что здесь происходит встреча — не просто концентрация мысли, не просто сосредоточение, не просто погружение в некий океан или бездну духовности, а встреча личности с Лицом Иисуса Христа, который стоит над миром и в мире.

Мне вспоминается стихотворение в прозе, написанное Тургеневым, когда он стоял в деревенском храме и вдруг почувствовал, что Христос стоит рядом. Повернувшись, он увидел обычного человека и потом, когда отвернулся, он опять почувствовал, что Он здесь. Это правда, оно так и есть, и Церковь Христова потому и существует и развивается, что Он стоит внутри нее. Заметьте, что Он не оставил христианству ни одной строки написанной... Он не оставил нам скрижалей, на которых начертан Закон, как Моисей оставил скрижали. Он не продиктовал Корана, как Мухаммед. Он не организовал ордена, как сделал Гаутама Будда. Но Он сказал: «Я с вами остаюсь во все дни до скончания века». Когда они чувствовали, что Он расстается с ними, Он произнес слова вещие и вечные: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам». И это продолжается и происходит сегодня, весь глубочайший опыт христианства только на этом и строится, все остальное — это как бы поверхностные слои. Во всем остальном христианство может становиться похожим на прочие религии.

Религии в мире есть часть культуры, они вырастают вместе с порывом человеческого духа к вечности, к непреходящим ценностям. Здесь же поток идет свыше, с неба, и поэтому один из теологов нашего столетия имел право сказать: христианство — это не одна из религий, а это кризис всех религий, оно поднимается над всем, потому что, как говорит нам апостол Павел, никто не спасется делами закона, а только верою во Иисуса Христа.

В заключение я должен эту ключевую фразу вам объяснить. Что такое дела закона? Это есть система религиозных обрядов, правил. Нужны ли они? Да, нужны как воспитательное средство, они создаются людьми, иногда по великим прозрениям, иногда просто в силу традиции, иногда по заблуждениям.

А что значит спастись? Это значит соединить свою эфемерную временную жизнь с бессмертием и Богом, вот что такое спасение. Приобщение к Божественной жизни. Жажда этого приобщения живет в нас, в каждом человеке, она спрятана, скрыта, мы можем ее куда-то затолкать внутрь, но она все равно есть в человеке. Так вот, апостол говорит, что закон свят, ветхозаветный закон свят и благ, и Бог дал его, но приобщиться к жизни Божественной можно только через веру во Иисуса Христа.

Опять-таки, что значит — вера во Иисуса Христа? Вера в то, что жил такой человек на Земле? Это не вера, а знание. Современники помнили, что Он жил, евангелисты оставили нам достоверное свидетельство, историк сегодняшний вам скажет, что да, такой был. Попытки разных пропагандистов утверждать, что Христос — это миф, давно разрушены, только в нашей стране, как в заповеднике всяких чудес, сохранилась эта концепция. Что же такое, что это означает — Ему верить? Вера во Иисуса Христа... То, что Он был, это не есть вера. Вера в то, что Он пришел из других миров, это тоже правда, но это все-таки теория. И вот здесь мы должны вспомнить о той вере, которая декларирована в Ветхом завете,— доверии к бытию.

Еще когда Авраам сказал Богу «да», вернее, не сказал, а молча повиновался Его призыву, вот тогда и родилась вера. На древнееврейском языке слово «вера» звучит как «эмуна», от слова «аман» — «твердый»; вера — очень близкое понятие к понятию «верность». Бог верен своему обещанию, человек верен Богу, слабый, грешный, но все-таки он верен Богу. Но Богу какому? Сокровенному, грозному, как мироздание, порой далекому от человека, как океан. Но Христос открывает иной лик Бога через Себя. Он не иначе называет Его как Отец. Иисус Христос никогда почти не произносит слово «Бог», Он всегда называет Его Отец. И в своей земной жизни Он употреблял для этого такое слово, нежное и ласковое, которое дети употребляют на Востоке, обращаясь к отцу,— это непереводимо, но это так. Христос открывает Бога как нашего Небесного Отца и тем самым создает братьев и сестер, ибо братья и сестры возможны, лишь когда у них есть общий отец.

И вот общий духовный Отец — это Бог, а открытость сердца к вести Иисуса — это и есть тайна Евангелия, потому что любой из вас отлично знает, насколько человек запутан, слаб, насколько в нем всевозможные комплексы и грехи свили свои гнезда, и есть сила, которую Христос оставил на земле, которая дается нам даром, она так и называется: «благодать», по-русски называется «благодать» — благо, которое дается нам даром, не зарабатывается, а даром. Да, мы должны прилагать усилия, да, мы должны бороться с грехом, да, мы должны стремиться к самосовершенствованию, помня, что сами себя за волосы мы вытащить не сможем. Это работа лишь подготовительная. Здесь коренное отличие христианства от йоги, которая думает, что человек может добраться до Бога и вломиться, так сказать, к Нему туда по собственному желанию.

Христианство говорит: ты можешь себя усовершенствовать, но до Бога добраться невозможно, пока Он сам к тебе не придет. И вот благодать превосходит закон. Закон — это первая стадия религии, которая начинается у ребенка: вот это нельзя, это можно — какие-то правила, какие-то нормы. Нужно это? Да, конечно, конечно. Но потом приходит благодать через внутренний опыт встречи с Богом, это как любовь, это как ликование, это как победа, как музыка сфер, благодать — это новая жизнь.

И апостол Павел (я на этом заканчиваю) говорит: вот спорят между собой люди, одни — сторонники сохранения обрядов старинных, ветхозаветных, другие — против этого. А ни то, ни другое не важно, важно только новое творение, и вера, действующая любовью, выше всего этого. Вот это есть подлинное христианство, все остальное на нем — историческая оболочка, рама, антураж, то, что связано с культурой. Это я вам говорю о самой сущности христианской веры. Бесконечная ценность человеческой личности, победа света над смертью и тлением, Новый завет, который возрастает, как дерево из маленького желудя, Новый завет, который сквашивает историю, как закваска тесто, и уже сегодня вот это Царство Божие тайно является среди людей. Когда вы творите доброе, когда вы любите, когда вы созерцаете красоту, когда вы чувствуете полноту жизни, Царство Божие уже коснулось вас. Оно не только в далеком будущем, не только в созерцании футурологическом, а оно существует здесь и теперь.

Так учит нас Иисус Христос: Царство придет, но оно уже пришло. Суд над миром будет, но он уже начался, «ныне суд миру сему», говорит Христос. Ныне, то есть тогда, когда Он впервые провозгласил Евангелие. И Он также еще сказал: а суд заключается в том, что свет пришел в мир, а люди более возлюбили тьму. Этот суд начался во время Его проповеди в Галилее, в Иерусалиме, на Голгофе, в Римской империи, в средневековой Европе, в России, сегодня, в XX веке, и в XXV веке и во всей истории человечества суд будет продолжаться, потому что это христианская история, это история, когда мир идет рядом с Сыном Человеческим.

И если мы еще раз зададим себе вопрос, в чем же заключается сущность христианства, мы должны будем ответить: это — Богочеловечество, соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным, это освящение плоти, ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши радости и страдания, наша любовь, наш труд, природа, мир, все, в чем Он находился, в чем Он родился как человек и Богочеловек, не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено. Христианство есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом, но это победа Бога, она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир. Вот на этом я закончу, чтобы в следующий раз рассказать вам, как в конкретных христианских церквах вот эта тайна Богочеловечества реализовалась. Спасибо.

Публикация Н. ГРИГОРЕНКО
Текст к печати подготовлен А. АНДРЕЕВОЙ

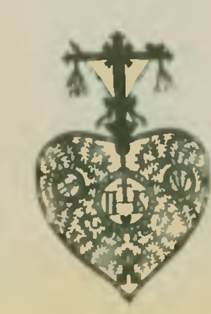

Иллюстрация А. Грицкевича

***Игвы** — повторяю я прозвище обитателей античеловеческого мира: игвы. Это слово и другие, такие же странные, буду я повторять, пока живу. Я это должен. Быть может, поверит один из миллионов, быть может, один из тысячи. И тогда будет оправдано мое существование на Земле.*

Даниил Андреев

«Странной вести неподкупный раб...»

Еще на заре времен, задолго до потопа, на Индостане появился Ману, принесший людям первый свод законов. Говорят, он был вдохновлен Небесной Мудростью. С тех пор в каждом веке, в каждом народе появлялись аватары, маги, мудрецы, пророки, учителя, вестники, духовидцы, духовному слуху и зрению которых открывались не только горы и долы земные, но и надмирное — миры инобытия, странные, иногда страшные, непонятно где и как существующие пространства, населенные ангелами, демонами или вовсе необычными существами. Раз и навсегда пораженные своими видениями, эти люди в стремлении поведать о пережитом основывали религии, создавали философские системы, великие книги, возводили гигантские таинственные сооружения, перед которыми и поныне останавливается в смущении наука. С определенной долей осторожности можно утверждать, что именно эти люди и вызывали продвижение вперед человеческой цивилизации. Беда лишь в том, что для большинства живущих речи этих немногих избранных представлялись сбивчивыми, смутными, иногда — раздражающе непонятными, и тогда их побивали камнями, иногда — поражающе глубокими, и тогда за ними шли толпы. Когда число этих, не похожих на других людей стало достаточно большим, вдруг оказалось, что все они — во все века, во всех народах — говорили на удивление похожие вещи. За их скрижалями, откровениями, писаниями вставал мир, живущий по своим законам, верховный из которых — воля Творца. Мир, оказывающий незримое, но ощутимое влияние на жизнь людей, содержащий ответы на все вопросы бытия. Иначе говоря, Другая Реальность Из этой Другой Реальности звучал для Сократа голос его даймона, по этой Другой Реальности путешествовал Данте, из нее черпал свои поразительные слова полуграмотный сапожник, мистик Якоб Беме. Сведенборг пытался включить открывшийся ему мир в картину мироздания. Владимир Соловьев построил свою софийную философию на основе трех кратких видений, восхищений в высочайшие сферы надмирного.

Так постепенно оформилось то, что принято называть экзотерической традицией — свод знаний о мире, добытых духовидцами и просветленными. В основе эзотерики — принципиально иной, не эмпирический метод познания и да-

Даниил Андреев

Изнанка мира

Поэма в прозе

Часть первая

1

Портик — направо, портик — налево, суровый и темный собор — впереди, могучая река — за плечами. Настороженность, безлюдье... И каждый, замедлив шаг на торжественной площади, ощущает себя как бы в магнитном поле. Это чувствуют все; сознает это каждый, вдумавшийся в свое чувство. Не образ императора-героя на гранитной скале: само изваяние окружено легендой. Она еще не отлилась ни в балладу, ни в эпопею, ни в музыкальную симфонию; она только веет вокруг; стоит возле бронзовой статуи стекленеющим озером.

2

Снова и снова приходят на память строки великой поэмы — и тают. Неясный образ шевелится в душе — и не может определиться мыслью. Холодящая жуть нечаянно вдруг обожжет отдаленным предчувствием — и тихо отхлынет. Чем-то сверхчеловеческим волнует нас этот монумент. Чем же?.. И, пока вникаешь зрением, чувством истории, чувством поэзии и воображением в черный очерк неподвижно-мчащегося на коне, нерожденная легенда — не легенда, а предупреждение — держит созерцающего в своем завороженном круге.

3

Другого изваяния, столь наполненного ещё неразгаданным смыслом, в России нет. Словно отрезок метафизической оси, проходящей сквозь миры разных

координат! Такими бывают лишь изваяния-двойники.
Не изваяния-портреты, но именно двойники:
это слово готов подчеркивать я еще и еще.
Двойники — не героев, во славу которых они
воздвигнуты здесь, но образов иного мира,
воистину титанических; и не мира, но м и р о в,
реальнейших, соседних с нами. Как щемит
и замирает сердце на пороге этих пучин!

4

В лучезарных пространствах Святой России осуществлены
прекраснейшие города — если к ним применимо
вообще это слово. Для того, чтобы выразить величие
просветленного мета-Петербурга, слов нет
и не может быть на нашем языке, не приспособленном
ни к чему трансреальному.
Там, в облаках, на плавно полыхающем пьедестале,
мчится белый колосс на коне: я не знаю, из чего
он изваян и как он мог быть сооружен.
Это не памятник, не монумент. Это эмблема великой
идеи, указание на направленность исторического пути.

5

Но есть миры противоположного знака, зыбкие,
темные зеркала, где меняются местами верх и низ.
Познание их мучительно, раздумье о них безрадостно,
но его не может отвергнуть никто, перешагивающий
за порог духовного детства. Золотом первоначальной
зари платишь за зоркую зрелость. Ни вникание
в запредельный смысл мировой борьбы, ни понимание зла
и добра нашей эпохи, ни прикосновение к замыслу
божественных сил, ни разгадывание угрожающих
замыслов Противобога — ничто не возможно
без этого знания.

6

В научных кругах царила недавно идея о том,
что континенты коры как бы колышутся на океане магмы.
Могучим горным скоплениям зеркально соответствуют
их опрокинутые двойники: анти-Кордильеры,
анти-Гималаи, анти-Памир. Выступы коры, ее зубцы,
ее рога, направленные остриями к центру планеты.
Так ли это, иначе ли, но если ты, свободный
от предубеждений рассудка, вникнешь в эту идею,
предчувствие оттолкнет тебя прочь, как от пропасти.
Начало прозрения, о, отнюдь не научного,
но глубокого, и какого жуткого!

7

В пространственном слое наших координат
эти противогоры безжизненны и мертвы: зона
высоких температур, магмы, базальт — не более.
В пространстве четырехмерном (координату *t*
я исключаю — это другое) повторяется, как двойники,
многое, но океанов магмы там нет: двойники гор
погружены в пустую, инфрагазами клокочущую глубь: для них эта
глубь — небо. Антиподы на другой стороне земного шара?
Не совсем так. Истинные антиподы человечества —
там, в четырехмерном слое на изнанке земной коры.
Античеловечество.

8

Ввинчивающаяся в природу мысль скоро восстановит
в правах вопрос о метагеографии. Не сказочником
был Дант; не лжецами — повествовавшие о лестнице
преисподних. Будет осознано бытие ш р а с т р о в —
четырехмерных стран на изнанке каждой метакультуры,
расы иноприродных существ на изнанке каждого из сверх-
народов человечества. Д р у к к а р г называется
шрастр на изнанке России. Скопление этих существ
на изнанке компенсационных выступов Урала называется
так же: увеличенное подобие нескольких наших городов,
сросшихся вместе.

9

Друккарг, твержу я. И меня томит тупая тоска
от того, что в наши дни другие не могут мне верить.
Когда же это подтвердит, после медлительного
подползания, после недоверчивого ощупывания,
метод науки, меня, вероятно, уже не будет здесь.
И г в ы — повторяю я прозвище обитателей
античеловеческого мира: игвы. Это слово и другие,
такие же странные, буду я повторять, пока живу.
Я это должен. Быть может, поверит один из миллионов,
быть может, один из тысячи. И тогда будет оправдано
мое существование на Земле.

10

И кто-нибудь поверит, что там, перед огромнейшим
конусом инфра-Урала царит, обращенное головою
к гулкому центру Земли, неимоверное сооружение.
Всадник? Но разве облик даже величайшего из людей
можно увидеть воспроизведенным там, над толпящимся
античеловечеством? Нет: основатель Друккарга —
вот кто там неподвижно мчится на адском коне.
Прямые крылья коня распластаны по сторонам,
чуть-чуть накренясь; складчатые крылья всадника
сложены за плечами. По две шлифованных, светящихся,
выпуклых красных глыбы вместо глаз у обоих.

11

Мчащимся — не на коне — на воинственном существе
ярой страсти и грузного разума изображен основатель.
Одним из нас такие кони привели бы на память
образ кентавров, летающие ящеры, но не птеродактили,
а тяжелохвостые динозавры, чудом поднявшиеся на воздух
пришли бы на память другим из нас.
Раругг! — так кличут игвы этих существ,
союзников своих и соотечественников,
войско Друккарга. Раругги: в этом звуке и м чудится
грозный, грубый, непреоборимый напор, трубный призыв
в ураганный п о л е т против врагов Друккарга.

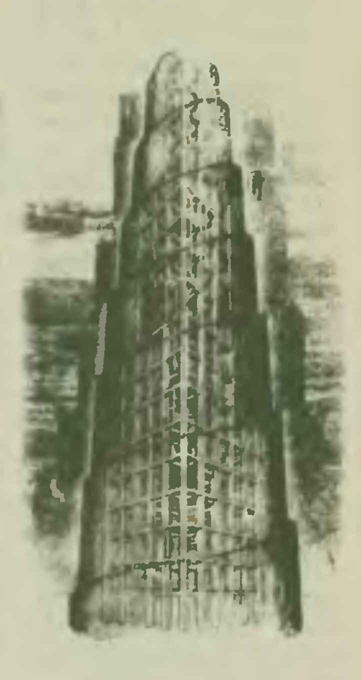
12

Игвы — пришельцы. Раругги — древнее. Свирепая вражда
разделяла обе подземные расы, пока не убедились
каждая в непобедимости другой и понемногу
не выработался между ними некий modus vivendi.
А еще раньше раругги обитали в нашем слое,
на поверхности земли: алчные аллозавры, хищные чудовища
мезозоя. Бесчисленными инкарнациями[1] в демонизированных

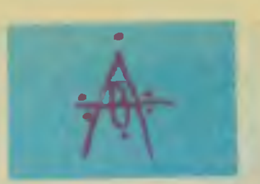
[1] Инкарнации — воплощения. Имеется в виду прочно утвердившаяся в буддизме и индуизме идея о многочисленных возвращениях души (монады) в жизнь с целью накопления опыта и постижения своего назначения в мире воплощения.

же как бы «обратное» течение знаний по сравнению с эзотерической наукой. Привычный, «узаконенный» способ поиска истины предполагает движение от вопроса к ответу, причем поиск ответа и составляет суть эмпирики. В эзотерике изначально существуют ответы на все вопросы, а время уходит на осознание, понимание ответа и отрабатывание его содержания на практике.

Создается впечатление, что некая надмирная инстанция от века стучится в сознание людей, стремясь приобщить человечество к естественному

ходу развития, где человеку разумному наследует человек духовный, а не царство заведомо мертвых механизмов. Иногда сознание отдельных людей улавливает этот призыв. Если визионер обладает художественным даром, знания, полученные «ниоткуда», обретают форму и остаются в сокровищнице мировой культуры. Одним из таких визионеров и был Даниил Андреев.

Даниил Леонидович Андреев (1906—1959), сын знаменитого русского писателя Леонида Андреева, прожил короткую жизнь, внешне очень похожую на жизнь миллионов современников. В конце двадцатых годов, лишенный возможности «из-за сомнительного происхождения» получить высшее образование, Андреев заканчивает литературные курсы. К этому времени он — круглый сирота. Мать умерла от родовой горячки спустя месяц после его рождения, отец скончался в Финляндии в 1919 году. Детство, юность и последующие годы прошли в семье Добровых* в Москве.

О том, что художник-оформитель Андреев пишет стихи, тогда, в тридцатые годы, знали друзья. Талант Андреева-поэта возрос на плодородной почве великой русской культуры XIX — начала XX века. Конечно, Андреев любит Блока, конечно, Гумилев для него непревзойденный мастер, и в ранних произведениях Андреева хорошо заметно влияние и того, и другого.

В 1942 году Даниил Андреев уходит на фронт, оставив дома множество написанных стихов и незаконченный роман «Странники ночи». В 1945 году, демобилизовавшись, он продолжает работу над романом, но в 1947 нетерпеливые читатели из МГБ забирают рукопись вместе с автором. В огне лубянских печей гибнет роман,

* Ф. А. Добров, врач, был женат на сестре матери Д. Андреева.

мирах, о которых мы только начинаем догадываться, достигли они разумности. Колоссально возрос накал их чувств, но все также неповоротливы и тупы их мозги, а темная душа осталась такою же темной.

13

В единой системе разнозначных зеркал
с Медным Всадником длит свое бытие и третий
подобный же исполин смежных миров. О, совсем другой,
подобно тому, как и суть его мира — иная, чем суть
Друккарга: тот всадник на клубящемся выгнутом змее
несет в простертой руке бурно чадящий факел[2].
И мутно-лунная мгла в мире том мерно сменяется только
кромешной ночью. Но рассказ об этом еще далеко впереди,
и быть может, не я буду рассказчиком. Знание же
о Друккарге томит меня и гнетет.
Мне душно от этого давящего знания.

14

Может быть, спросят: откуда же я могу знать?
и чем докажу? — Не докажу ничем. Средство искусства —
показ, средство религии — рассказ; доказывание —
средство одной лишь науки. Докажут, но не раньше
тех дней, когда и научный метод доберется
мало-помалу до шрастров, опереженный, как это бывает
столь часто, другими методами познания. А в том,
откуда шрастры известны мне, буду отчитываться потом:
это — задача другой, вне искусства рождающейся книги[3].
Поэзия же — и с рифмами, и без рифм —
не терпит подобных заданий.

15

Думают часто: если есть иные миры, то в них —
тончайшая, сравнительно с нашей, духовность;
и ждать человекоподобия от тех, кто там,— значит
обнаруживать умственную незрелость. Но зачем сужать
бескровною схемой необъятное разнообразие миров?
Да, есть и такие; другие тоже есть. В одном только
Шаданакаре[4] их — 242; странно ли, что в некоторых
из них найдешь отчасти и человекоподобие?
Иногда — даже человекоподобие, способное поразить
и потрясти, куда более точное,
чем в угрюмых шрастрах.

16

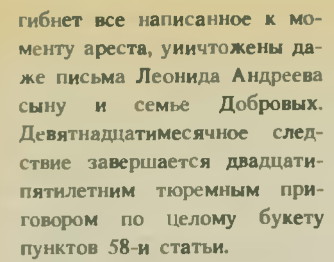
Некоторые зададут еще и другой вопрос:
какое нам дело до этих мрачных миров, даже если они —
нечто большее, чем взрывы субъективной фантазии?
Нам есть дело до них потому, что им есть дело до нас;
им есть дело до каждого из нас, детей человеческих.
В Шаданакаре нет слоев, чье существование
не затрагивало бы остальных; некоторые же связаны
с нами и между собой миллионами нитей.
В искусстве не все договаривается до конца,
даже в том необычном стиле, к которому я прибег
и который можно назвать метареализмом.

---

[2] Сравните: стихотворение А. Блока «Петр»: «Сойдут глухие вечера, // Змей расклубится над домами, // В руке протянутой Петра // Запляшет факельное пламя». Собрание сочинений А. Блока, том 2, стр. 141. «Художественная литература», 1960.

[3] «Роза Мира», книга IV, глава 3. «Прометей», 1991.

[4] Шаданакар, по Андрееву,— совокупность разноматериальных миров, составляющих земной планетарный космос.

гибнет все написанное к моменту ареста, уничтожены даже письма Леонида Андреева сыну и семье Добровых. Девятнадцатимесячное следствие завершается двадцатипятилетним тюремным приговором по целому букету пунктов 58-й статьи.

Именно во Владимирской тюрьме свершается один из величайших духовных подвигов нашего века.

Спустя десять лет после ареста чудесно покинут тюремные стены возрожденные стихи и поэмы; ни бесконечные обыски, ни тяжелый инфаркт не прервут труда, «завещанного от Бога». Еще через два года придет смерть, но опоздает. Три книги — могучий триптих — оставит нам поэт-вестник. Три книги будут тридцать лет ждать своего часа и наконец придут к читателю, раскрыв потрясающие просторы духовного космоса. «Весь тайный строй сплетений, швов и скреп» многовекового крестного пути России предстанет на страницах огромной поэмы «Железная мистерия». Духовный опыт постижения горних высот и адских бездн, уникальное видение окружающей реальности, сопереживания бытию живой природы составят неведомую еще в поэзии форму «поэтического ансамбля» «Русские боги», и наконец небывалая, четкая и стройная концепция мировоззрения обретет форму метафизического трактата «Роза Мира».

«Сказание о мире истинном» — вот, пожалуй, назва-

Часть вторая

1

Медленно приближается мерным маятником
раскачивающаяся мысль к чуждым феноменам по ту сторону
отнюдь не фантастического Флегетона[5].
Не путай, плутая в каменной плоти планеты,
плотные скалы конуса, опрокинутого в магму челом,
с его двойниками в четырехмерном пространстве.
Там эквивалента мировой магмы нет, нет даже и
эквивалента земного ядра, и над Друккаргом
(а с нашей точки зрения — под ним) раскинулась пустота:
гигантская, громыхающая грозовыми разрядами,
ржаво-рыжая, бледно-оранжевая полость.

2

Два притяжения: к подземному солнцу и к толще коры..
научишься представлять их упругое взаимодействие.
И мне больше не странно знать
способы передвижения игв, их молниеносный,
почти неуследимый для глаза, зигзагообразный полет,
их неустойчивую, как бы подскальзывающуюся поступь.
Не странно уже и другое: как опрокидываясь в петляющем
полете головой то к почве, то к центру планеты,
они садятся на скользкие стены своих своеобразных
сооружений с цепкою ловкостью, как летающие
насекомые на стены наших домов.

3

Странно не это. Вместо солнца видеть всегда
над собой — в надире для нас, в зените для игв —
тусклый, пульсирующий инфралиловый диск и
три шарообразные, слегка озаренные луны
по дороге к нему — вот что странно.
Недвижное, неизменное, всевидящее, всеслышащее,
таким царит над городами игв, над озерами лавы,
над вздыбленными утесами взгорий и шероховатой
ширью равнин это противоположное солнце.
Так виден оттуда глубиннейший мир,
созданный Противобогом — Гашшарва.

4

Луны? Это не луны: так воспринимаются оттуда
некоторые миры великих страдалищ и сам Суфэтх —
духовное кладбище Шаданакара: суховатый шорох
жизненных тканей, покидаемых духом навсегда, в этом
прозвище мира вечной погибели. Именно там притаилось,
тихо зияя, устрашающее жерло: монады, чьи души падали
на дно Шаданакара трижды, здесь извергаются наконец
из нашей брамфатуры прочь, на лишенное каких бы то
ни было времен Дно Галактики. А черные луны мучилищ
маячат, никогда не закатываясь, над порабощенным
разумом игв, не способным ни к какому мятежу.

5

Инфралиловое солнце (не ультрафиолетовое, а именно
инфралиловое, цветом напоминающее больше всего нашу
угрюмую, угрозами веющую лиловость) — чем могло оно
стать для этих созданий, как только незыблемой осью?
Осью восприятия вещей, осью Вселенной. Годами, веками

---

[5] Флегетон (по-гречески — жгучий) — географический элемент ада Данте, кольцеобразная река кипящей крови, впадающая в ледяное озеро Коцит.

в зените только оно; волны света и жара посылаются
только им, животворя зябко подрагивающие тела и
оплотневая в резервуарах в виде лавы.
За предел его излучения выйти не может никто: некуда.
Из-под его тиранической воли выскользнуть нельзя
никому: не к кому.

6

Другого, милосерднейшего, нет и не может быть:
лишь где-то вдали, вне шрастров, бунтарствует,
желая укрепить свое господство, некто Иной, в потенции —
еще страшнейший тиран: так представляется игвам.
Для нас — надир, для них — зенит. Для нас — Господь,
для них — мятежник. Для нас — Противобог, для них —
вседержитель. Для нас — антипод прекрасного солнца,
твердыня демонических сил, антикосмос, Гашшарва;
для игв — предмет почитания, страха, тоски, стержень
всего мира их чувств, мрачного и узкого
Антикосмос!

7

Лишены выражения, как камни, красные глаза игв,
выпучивающиеся по сторонам их цилиндрической головы
и похожие на глаза мух; приспособлены к односложному,
узкоамплитудному говору их вытянутые трубчатые губы.
Разум их остер, холоден и сух; круг чувств беден.
Импульс демонического развития направил их путем,
похожим на один из путей человеческой мысли.
Не отвлекаемые порывами духовности, мало тревожимые
чувственностью, приучившие себя обуздывать робкие
вспышки своих эмоций ради задач общего порядка,
они на лестнице рассудка обогнали нас.

8

Постепенно принимаешь непривычный
для нашего разумения факт: оказывается, наука и
техника не есть прерогатива разумных существ
нашего слоя. Впрочем, на чем основан
этот пустой предрассудок? Классический материализм
выводил его дедуктивно из отрицания иномерных
миров вообще, но на какой аргумент могла бы опереть
религиозная философия априорный тезис,
будто в четырехмерном мире не может существовать
науки о законах этого мира,
не может быть техники, использующей эти законы?

9

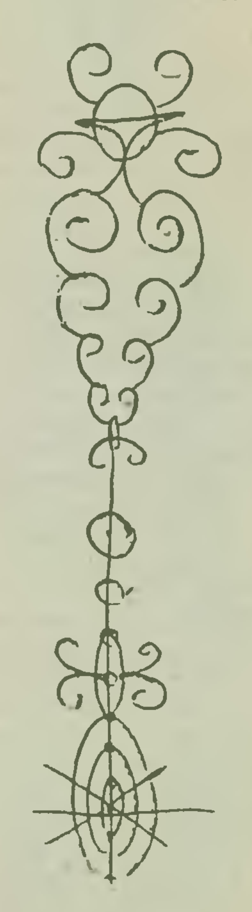
Условия отличны от наших — отлична и техника.
Не водные пространства приходится преодолевать,
но расплавленные, тусклорозовые или желтоватые озера
вязкой лавы; соответственно, отличны и суда.
Сила притяжения сказывается иначе — иные механизмы
помогают справляться с ней. Но не что иное,
как эквиваленты колес, колоссальных по размерам,
эластичностью же и прозрачностью напоминающих
стрекозиные крылья, катятся по изнанке земной коры,
и не какие-либо непредставимые принципы положены там
в основу воздухоплавания, но ракета и винт.

10

Вот раскрывается перед очами великий город:
нагромождение голых геометрических форм. Углы прямые,
тупые, острые; пренебрежение закругленной линией.

ние для всего творческого наследия Андреева:

Пусть другие о столетьях
канувших
Повествуют с мерной
простотой
Или песней, трогающей
за душу,
Намекнут о жизни
прожитой.
Я бы тоже пел о них,
когда б
Не был с детства весь —
от глаз до рук —
Странной вести
неподкупный раб,
Странной власти
неизменный друг...

О чем же «странная весть», порученная Андрееву? «Роза Мира» — это детально разработанная, явленная автору в ощущениях, как факт, концепция мироустройства,

принципиально отличающаяся от мировоззренческих систем, которыми когда-либо располагало человечество. Когда проходит первое остолбенение читателя от знакомства с книгой, искушенный читатель — а никакому другому и не одолеть тысячестраничный трактат — начинает опознавать то один, то другой элемент этого исполинского полотна; они встречались в работах эзотерических мыслителей прошлого, обозначались в гениальных поэтических, живописных и музыкальных творениях, но никогда еще не складывались в стройную, внутренне непротиворечивую концепцию. Редчайшие дары, врученные автору,— ясновидение, яснослышание, способность к созерцанию иных миров — придали «Розе Мира» достоверность документа.

Понятия Добра и Зла, персонифицированные в космически значимых иерархиях, есть центральные понятия «Розы Мира». И вся она написана, по словам автора, с одной лишь целью: не допустить проявления двух основных форм существования мирового зла — мировой тирании и мировой войны. Наивно было бы предполагать, что

Кубы и ромбы. Конусы — и вновь ромбы и кубы.
По различным степеням асимметрии распознаются стили
различных эпох. Серые, красные, черные, коричневые
тона: синие и зеленые в этом мире почти
не воспринимаются, а чисто белого нет вообще.
Грузные уступы — трудно угадать: горы ли? здания ли?
Горы, превращенные в здания: формы им придал
рассудок, распухший от гордости собственной мощью.

11

Игрушечными жилищами лилипутов
показались бы крупнейшие здания наших городов тому,
кто видел центральные сооружения Друккарга.
Высоту главного конуса, опрокинутого острием к диску
подземного солнца и к системе четырехмерных лун,
следовало бы измерять километрами. Старейшие из игв —
а они очень долговечны — еще помнят те древние эпохи,
когда конус был простою, хотя и величайшею из гор
инфра-Урала. Теперь он давно уже выточен,
выгрызен изнутри, тщательно обработан снаружи:
он преобразован в капище.

12

В первой половине этого века архитектурная мысль
людей вступила на схожую тропу. Но мы не игвы:
конструктивизм, возведенный в принцип, становится
для нас нестерпим. Ничего, кроме уныния, не испытывает
человек с живою душой, встречая кругом себя
урбанистических уродов недавнего прошлого.
Как временно отступившие, но не побежденные
узурпаторы, пытавшиеся поглотить наши города,
громоздятся кое-где, особенно на Западе,
эти порождения абстрагирующего мозга. Они равно чужды
всем стилям истории — марсиане среди человечества.

13

Но игвам нравится именно абстрактность.
Игра математических величин и отношений,
научность концепций, взывающая к интеллекту и
через него приподнимающая тонус чувств —
вот что у них почитается зрелым и мудрым.
Никаких прикрас: для прямого воздействия на эмоцию
достаточно полированных облицовок. И когда они
окидывают взором своих мушиных глаз это скопище схем,
овеществленных в инфрабазальте, души их пучатся
мрачной гордыней: как грандиозно научна,
как незамутненно рассудочна наша мысль! как могуча!

14

И в самом деле: их научные достижения грандиозны.
Многоматериальность Шаданакара
осознана ими уже давно, и хитроумная аппаратура
уловила излучения миров Возмездия, Магм и некоторых
стихиалей. На изнанке мира оказалось труднее,
чем на земной поверхности, уразуметь факт вращения
нашей планеты вокруг оси; игвы, однако, его уразумели.
Потребовалась еще более высокая ступень,
чтобы открыть бытие Солнца и других планет;
несколько веков назад, еще в одном из древних
шрастров игвы открыли и это.

15

Крайне важно усвоить, что четырехмерный слой,

где пребывают шрастры, лишен космической протяженности: на границе солнечной системы гаснет само пространство этого слоя. Но умозрительные гипотезы игв о Галактике подтвердились иноприродными излучениями, проникающими к ним из Галактики сквозь кору, подземными астрономами, не видавшими ни одной звезды, составлены однако звездные атласы. И, наконец, игвам другого шрастра — изнанки Северо-западной метакультуры, удалось выбраться на лицо Земли. Это произошло в Голландии.

16

Никакая Антарктида не могла бы показаться людям столь унылой! В том слое поверхность Земли безжизненна и пуста, как в нашем — поверхность Луны; признаков органической жизни пионеры здесь не обнаружили. Стояло лето; но эти существа с мышино-серою кожей чернели от холода, несмотря на плотные одеяния, предусмотрительно захваченные с собой. Следы трехпалых ботинок, похожих на лапу страуса, но гораздо массивнее, отпечатались на пеплообразной пыли, покрывающей Землю в том слое: нагретая солнцем, она все же леденила ноги подземных выходцев, как фирн горных вершин.

17

В небе, черном, как аспидная доска, и лишенном звезд, медленно плыли Марс и Сатурн; Луну застали на небе лишь члены последующих экспедиций. Но Солнце открылось им сразу. Игвы не знают юмора, о существовании смеха они долго не подозревали, но едкая ирония свойственна им даже больше, чем нам. Именно иронию возбудил в них вид Солнца. Тусклое инфракрасное пятно излучало, казалось им, жалкие крохи тепла. Так вот каким оказывался в действительности тот центр планетной системы, о величии и могуществе которого спорили их ученые.

18

Но важнейшим явилось то, что чувствительная аппаратура позволила им уловить — уже не только эманации, как раньше, но как бы зримые тени нашего слоя: колыхания наших лесов, извилины рек, движение туч, контуры наших городов и физический облик человечества. У них возникло представление о нашей технике и социальном устройстве. Может ли статься, что со временем они дадут нам знать о себе, возникнут контакты и обмен? Вполне возможно. Но они позаботятся о том, чтобы информация с их стороны была такой, какая может воздействовать на нас только в желательном для них направлении.

19

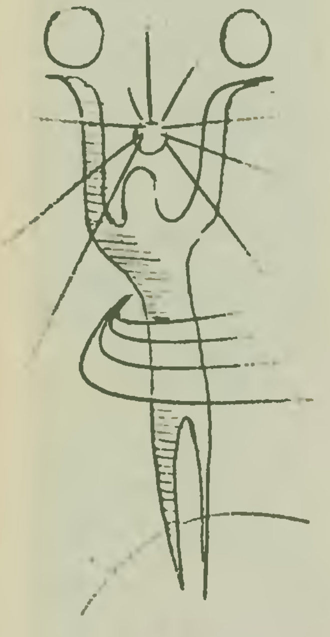
Хрупкость наших государственных структур, принципы наших народоустройств представились им неразумными, и тем неразумнее, чем больше в этих принципах свободы. Им мнится, что зрелище свободы лишь подтверждает их тезис, будто в мирах, не подчиненных деспотической власти Противобога или подчиненных ему не всецело, царят неразумие и произвол, почти хаос. Царит бессмысленная анархия, разъединяющая силы, тормозящая расцвет наук, задерживающая развитие разумных существ на низшей ступени.

книга, одна книга, какой бы она ни была, способна встать на пути мировых катаклизмов, но зато она может пробудить сознание многих людей к творческому служению, к ответственности за творчество своей жизни.

Чтобы понять и осветить метаисторическим методом смысл тяжкого пути России, Андреев проводит читателя через незапамятные времена и народы, исчезнувшие с лица Земли. Сквозь дымку времен, сквозь хаос событий и фактов пробивается логика метаистории, одно из поразительнейших открытий Андреева. Непрестанная драматическая борьба демиурга (светлого народоводителя) и уицраора (демона великодержавной государственности) отражена в излучистом пути России к претворению своей цели. Андреев находит удивительный поэтический образ, передающий мистический, не вмещаемый в слова смысл: историческая миссия России заключена в рождении от мистического брака российского демиурга Яросвета и Соборной Души народа Навны их дочери Звенты-Свентаны и в низлиянии через это рождение сил Мировой Женственности в земной план бытия. Этот мистический смысл явлен был Вл. Соловьеву в трех коротких видениях, определивших его жизнь, он предчувствовался поэтами и художниками и наконец нашел свое выражение в творчестве Даниила Андреева.

Поэтический ансамбль «Русские боги» — большая книга, состоящая из двадцати глав. В качестве глав выступают сборники и циклы стихов, поэмы, поэтические симфонии и поэма в прозе. Однако книга представляет собой действительно ансамбль, имеющий ясную сюжетную конструкцию и посвященный, как и «Железная мистерия», метаистории России. Поэма в прозе «Изнанка мира» (глава VII) не случайно следует за поэмой «Ленинградский апокалипсис». Здесь Андреев пытается передать потрясение, вызванное открывшейся ему картиной битвы двух гигантов — российского и германского уицраоров: не силы света и тьмы сошлись в чудовищном противостоянии на полях сражении, а всего лишь два демона великодержавной государственности сцепились в борьбе за власть, вовлекая в кровавый водоворот ведомые ими народы. И не просто два демона, а два претендента на роль будущего антихриста, чей приход так страшно и просто описан в XII кни-

20

Им мнится, будто эта заторможенность выгодна Тому, Кого они своими перевернутыми мозгами почитают космическим бунтарем против централизующей силы Противобога. А при рассуждении об их собственном устройстве трубчатые рты их выпячиваются от гордости. Все умы объединены там в общих усилиях. Воля сконцентрирована и крепка. Эмоции введены в строгое русло. Социальная иерархия направляема твердой рукой верховного разума. Руководители — инженеры, ученые, жрецы. И общество — собственно, не общество, а нерушимый монолит, образец беспрекословного послушания.

Часть третья

1

Гордыня рабов, не подозревающих о своем рабстве. Рабство осознается, будучи сопоставлено со свободой; игвам же сопоставлять его не с чем. Спазмы анархии коротки и редки: раз в два-три столетия: растерянность, минутное замешательство при смене одного уицраора — одного разумного деспота — другим. И если бы игвы узрели свободу существ в каком-либо высшем слое, они не поверили бы ей. Они истолковали бы ее, как рабствование другому тирану. Вера в возможность свободы кажется им симптомом незрелости, как соблазн, способный увлечь лишь недоразвитых.

2

Время от времени мглистая колоссальная туша, как движущаяся туманная гора, вползает в Друккарг из соседнего слоя. Раздается отрывистый ухающий голос, видится подобие головы на изгибающейся шее. Глаза, похожие на опрокинутые полукруги, пронизывающе озирают творящееся внизу; медленно поворачивается небольшая головка, увенчанная золотым кубом — магической эмблемой властвования. Рупорообразный рот выталкивает обрубленные звуки, похожие на звуки языка игв. Приказы непререкаемы. Они должны исполняться мгновенно.

3

Это — Третий Жругр, третий за 700 лет уицраор, демон великодержавной государственности России, руководит сооружением Друккарга и требует пищи. Исполинские объемы психических энергий излучаются им: круг за кругом, волна за волной, они проникают в наш слой и проявляются в нас: мы можем их осознать как комплекс государственных чувств — энтузиазма, гордости, благоговения, гнева против врагов нашей державы. Тогда мы осознаем и глухой подспудный протест нашего глубинного «я», взволнованного инородным вторжением.

4

Не осознав же этих воздействий, мы отдаемся их чарам, раболепствуем перед держащими власть, клокочем ненавистью к их врагам, всю жизнь превращая в служение кумиру обожаемого государства. Чем больше забот, жертв и труда требует оно от нас, тем больше личных сил сливает каждый из нас с этими токами. Истощая нас, обогащаясь нашей

энергией, обратное излучение тяжелыми каплями сгущается
в четырехмерном мире; проструивается, просачивается
и наконец проступает красноватой росой на почве
Друккарга. Оно называется ш а в в а.

5

Тысячи игв собирают ее, сотни насосов елозят там
с монотонным жужжанием. С ровным рокотом,
в условные места передвигаются цистерны
с липкой и вязкой шаввой, дабы утолить голод Жругра.
Остатки его ежедневных трапез — лакомство игв.
Багряные купы инфрарастительности —
их хлеб, но вегетарианство их унижает и истощает.
Особые же громадные цветы из пламени, растущие кое-где,
несъедобны вовсе. Вот почему ни облизывание насосов,
ни подбирание оброненных капель, ни набрасывание на объедки
владыки не считаются нарушением приличий.

6

А приличия тут есть, и неукоснительные, нормы поведения —
железные, не терпящие никакого греха. Стыд — в нашем
смысле — игвам неведом; ревность и сильная страсть им
непонятны. Они совокупляются на ходу,
размножаются безболезненно и быстро.
Одежда употребляется редко,
интересует их мало. Семьи нет, только кратковременные
сожительства. Способность к привязанности или дружбе —
в зачатке. Дети пестуются по установленным раз и навсегда
образцам, в мудро продуманных и заботливо
оборудованных воспиталищах.

7

Приличия идейные — вот здесь закон. Жесточайшей каре
подпадает тот, кто рискнет нарушить общепринятые шаблоны
убеждений. Усомнившийся, например, в целесообразности
рабствования уицраору, должен быть умерщвлен
трансфизически. Это означает казнь более суровую,
чем в нашем мире. Уицраор всасывает его из Друккарга
в себя, пережевывает и выплевывает его к а р р о х,
то есть телесную скорлупу, а ш е л ь т
(приблизительно то, что мы называем душой)
извергает на Дно — посмертное страдалище
демонических существ, одномерное Дно Шаданакара.

8

Ведомо ли кому-нибудь, сколько веков провлачит он там,
превращенный в существо одного измерения, то есть
в черную линию, и видящий одну-единственную точку
света — ту багровую звезду, к которой устремлен этот
одномерный слой, как и все одномерные слои нашей Галактики?
Быть может, когда-нибудь владыки Гашшарвы,
слуги и союзники Противобога, соблаговолят
поднять его оттуда к себе, чтобы вновь
возродить в одном из слоев, населенных игвами.
Вечное колесо инкарнаций: шрастры
и Дно, шрастры и Дно... и никуда в сторону.

9

Порабощая ужасом, но и объединяя общей борьбой
за совместное господство над миром, владычествуют
уицраоры разных метакультур над разными расами
античеловечества. Но и сами они — рабы,
свое рабство Противобогу они сознают вполне,

ге «Розы Мира»: поэт-солдат, вошедший ладожской трассой в блокадный Ленинград, видит воочию неисчислимые демонические рати над обреченным городом.

Неизбежная близость войны была ясна Андрееву еще в 1937 году. Об этом говорят строки стихотворения, датированного страшным годом:

*Сегодня с трибуны
слово простое
В громе оваций вождь
говорил.
Завтра обломки дамб
и устоев
Жадно затянет медленный
ил.
. . . .
Шумные дети учатся
в школах,
Завтра не будет этих
детей.
Завтра — дожди
на равнинах голых,
Месиво из чугуна
и костей.*

(«Русские боги», глава V)

Но метаисторические мотивы войны вполне стали ясны Андрееву лишь в 1943 году, на фронте.

Дар провидения — нелегкий дар поэтов-вестников. Их голоса редко слышат современники и лишь спустя годы поражаются очередному пророку в своем отечестве, не замеченному в который раз.

Ну кто, скажите, в начале пятидесятых годов мог утверждать, что разрушенная, испытавшая сокрушительное военное поражение Германия в скором времени станет цент-

и бессильная ярость этого сознания — одна из постоянных
мук их жизни. Они зыбко и смутно видят наш слой;
сквозь поле их зрения проходим и мы, как искаженные тени.

Наш слой они любят жгучей, неутомимой
страстью, хотят воплотиться здесь — и не могут.
Это — вторая их мука.

10

Третья мука: всякому из них суждено погибнуть жертвой
собственных детищ, если они не сумеют их пожрать.
Ни материнства, ни отцовства в нашем смысле не знает
это злобное и несчастное существо; любовь к кому бы то
ни было, кроме себя, ему не знакома: именно в этом одна
из особенностей демонической природы. Но свои порождения
он ненавидит с силою, не переживаемой никем из нас,
так как в каждом из них он видит своего потенциального
убийцу. И трудно уберечься от катастрофического срыва
сознания тому, кто созерцал их борьбу между собой.

11

На глазах у каменеющих от ужаса игв совершаются эти
гнусные зрелища метаистории. Притаившись
в трансфизических наблюдалищах Друккарга, видели они
несколько десятилетий назад, как по соседнему слою
(он воспринимается ими как движение теней и голосов)
заметался царствовавший тогда уицраор. Он был дряхл,
аморфен и туп. Оливково-серая кожа казалась дряблой.
На темя давил ржавый купол короны. Туловище
взволновалось, и бурое, прыткое, беспокойное детище
отпочковалось прочь, уже обладая разумом, голосом,
черными глазами без блеска и лицом.

12

Как хищная касатка вокруг кита, завертелось и забегало
оно вокруг своего родителя. Старик поворачивался
с трудом; ему мешало разбухшее с обеих сторон тулово.
Со смешной неуклюжестью оборонялся он против своего
первенца, злобно и невпопад. А внутри него уже шевелился
кто-то еще, и каждый из его боков странно принимал
очертания как бы еще одного туловища и еще одной головы.
И два новых исчадия отпочковались от него
друг за другом: одно — бледное, хилое,
но с огромной пастью,
другое — темно-багровое.
— Понятно ли? Вполне ли?

13

С жадностью набросились они на питательную росу, но ее
в том слое выпадает недостаточно. Они заметили Друккарг,
мигом уразумели все и лающими приказами потребовали
от игв пищи. Они захватывали цистерны и высасывали
содержимое с непостижимой быстротой, залпом.
Они росли со дня на день и уже начинали
между собой грызню: тех же игв,
которые пытались доставить цистерны к разъярившемуся
от голода старику, они вбирали в себя, несчастный
пропадал из глаз — и приходил в себя уже
на Дне Шаданакара, превращенный в линию.

14

Впрочем, таких адептов реакции насчитывалось немного:
старик давно уже всем надоел своей косностью и вялой
безынициативностью. И Великий Игва — глава Друккарга,

общающийся с самим Противобогом, возвестил волю
наиверховнейшего: питательной шавой снабжать
темно-багрового, питание же старика — прекратить.
И чудовищным ревом огласился Друккарг
от инфра-Карпат до Тихоокеанской противовпадины,
когда все три детища, алчные,
как молохи, внедрились в плоть отца,
ибо задача состояла в том, чтобы пожрать его сердце.

15

Ржавый купол очертил дугу и, перескакивая по гребиям
гор, разбился вдребезги. Ища защиты, развенчанный гигант
вполз в Друккарг. Он полз, неся в себе детей,
разрывающих его внутренности, и античеловечество видело,
как прямо здесь, над улицами Друккарга
отпочковался последний жругрит:
черный, маленький, но самый свирепый недоносок.
Старик доволочился до центрального капища и совместил
свою плоть с его стенами и внутренней пустотой:
так он делал раньше, принимая от игв служение его сердцу.
Теперь чудовище плакало.

16

По тусклому диску подземного солнца полыхнули
перебегающие тени. Развевающаяся мгла отделилась
от диска и, минуя цепь черных лун, стала спускаться
в Друккарг зигзагообразным полетом. Над покрывалами,
лиловым и черным, обозначилось подобие головы со сплошною
на лице маской: прорезей для глаз не было.
Это древняя Велга России — великая гасительница —
сошла в Друккарг со своею исконною миссией:
умножать жертвы. Она окружила черного недоноска
и вливала в него свою мощь,
немедленно превращаемую им в ярость.

17

Догадка, будто вестница Противобога сошла от подземного
солнца затем, чтобы отныне всякий в Друккарге поступал
согласно собственной прихоти, шевельнулась у раруггов
и некоторых игв. Но — собственная прихоть — что
это значит?.. Одним из раруггов хотелось драться
за развенчанного, другие вступили с ними в бой. Третьи
провозгласили владыкой Друккарга черного недоноска.
О, великое счастье, что он родился недоношенным!
Счастье и для России, и для всего мира... Некоторые же
из игв, недоумки, прекратили поставку цистерн совсем,
чтобы опустошать их.

18

Дохнула анархия — совместная инвольтация Велги и черного
недоноска. Он внедрился в тело отца вслед за братьями.
Бледный и Бурый были исторгнуты с воплем
из издыхающей туши вон.
Сторонники их, раругги, сосредоточились
на окраинах Друккарга, спешно перевооружаясь.
Но Темно-багровый, опередив недоноска, прогрыз наконец
тело отца до агонизирующего сердца. И простертые
в капище игвы смотрели, как над ними, в вышине,
победитель всасывает сердце погибшего, облапив
его щупальцами и прижимая к груди.

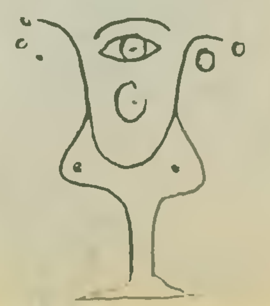
19

По приказу Великого Игвы необъятный труп был выброшен

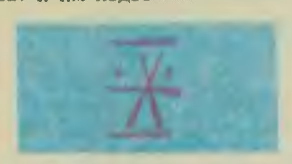
ром нового движения, призванного объединить всю Западную Европу? Только истинный провидец. Андреев видел в этом огромный метаисторический смысл, а мы сегодня, спустя сорок лет, можем наблюдать благотворные последствия этого события. Рассказ Андреева о том, как новогерманский уицраор Укурмия впервые за время существования в планетарном космосе института уицраоров отпал от сил тьмы и обратился к сотрудничеству с иерархиями Света, просто необходим для понимания нынешней Германии.

Вслед за Данте Андреев, ведомый своим даймоном, совершил беспримерное путешествие по мирам инфернума. Другого такого досконального их описания не существует. Андреева не могла не мучить мысль о том, как будет воспринят его уникальный духовный опыт. В стране, где само слово «духовидец» означало мгновенный арест, а из лексикона последовательно и методично изымались любые слова, духовность обозначающие, опыт визионера неизбежно должен был встретить в лучшем случае недоверчивое, если не враждебное, отношение. И сейчас

в работах критиков чаще звучат привычные, успокаивающие читателя определения-ярлыки: «поэтическое видение», «придуманная номенклатура высших сил космоса» и им подобные.

В «Изнанке мира» Андреев с горечью пишет: «...Друккарг, твержу я. И меня томит тупая тоска от того, что в наши дни другие не могут мне верить...» Долг вестника повелевает говорить, говорить, невзирая на явное недоверие к потрясающим картинам, взрывным идеям и непонятным словам. Да, новых слов много, особенно в «Розе Мира», и очень важно понять, что слова эти совершенно другого рода, чем «умчие, шумчие маны» Хлебникова. Новые слова, вводимые Андреевым,— не что иное, как героическая попытка передать с помощью привычного звукоряда слова, уловленные духовным слухом поэта-визионера.

И надо быть совершенно глухим человеком, чтобы, прочтя строки из «Ленинградского апокалипсиса»...

Язвящее, простое
горе я
Изведаю в тот день
далекий,
Когда прочтут вот эти
строки
Глаза потомков и не весть,
Но мертвенную аллегорию
Усмотрят в образе гиганта.
Он есть! Он тверже
адаманта,
Реальней нас! Он был!
Он есть!..

...продолжать пережевывать рассуждения о «фантастических мирах мифологической вселенной».

в соседний слой; бессмертная же демоническая душа пала
в Уппум — ад уицраоров, который именуется «Дождем
вечной тоски», ибо уицраоры доныне лишены восходящего
посмертия. А Темно-багровый возложил на себя золотой куб
и сделал по всему Друккаргу прямоугольный путь,
показуя себя всем и каждому. Игвы принимали его,
подчинив своей главной идее и радость и страх, покорились
ему и раругги. Ибо новый властелин сулил античеловечеству
России перспективы небывалые,
от которых могла закружиться голова.

20

Он двинулся на братьев, еще продолжавших, при поддержке
некоторых раруггов, оказывать сопротивление,
и уничтожив их одного за другим, поглотил сердца их.
Он стремительно рос, он пух; урожай шаввы никогда еще
не бывал столь обилен в Друккарге. Велгу он окружил,
парализовал волевыми спиралями, и ангелы мрака, подняв
целым сонмом на своих блистающих рубинами крыльях,
унесли демоницу назад, в Гашшарву — тот мир,
что видится игвам как диск подземного солнца.
Начиналась эпоха Третьего Жругра, нового демона
великодержавной государственности.

Часть четвертая

1

Снова и снова, во все эпохи, раздвигались, рокоча
и подрагивая, в цоколе Цитадели многотонные створы ворот,
и раругги сквозь них устремлялись на помощь Жругру,
когда в соседнем слое начинался очередной его бой
с уицраорами других шрастров. Захватывая новые зоны
красной росы в шрастрах соседей, завоеватель пухнет
с быстротой раздуваемого воздушного шара; агрессивность
растет с тою же быстротой. О мировом господстве
мечтали многие; для Третьего Жругра эта мечта сделалась
на одно время возможностью, казалось, ее отделяют
от нас немногие годы.

2

Арена борьбы между уицраорами — в пустынном слое,
похожем на горячую тундру; там же — великие поединки
Жругра с тем, кто в этой книге обозначен условным
именем демиурга Яросвета. С помощью изощренного
инструментария наблюдают игвы из лабораторий,
как отчаянно борется Жругр;
но его противник остается невидим.
Тем больший страх возбуждает он и враждебность.
А в поединки вовлекаются с обеих сторон новые силы.
И бугроватые пустоши под стенами Друккарга
превращаются в поприще странных битв.

3

Рать багровоглазых раруггов под водительством игв
отражает напор Синклита. На помощь ей взмывают
обитатели ада; ангелы мрака и бесформенные химеры, еще
не имеющие имени на человеческом языке, вступают
в бой с даймонами и серафимами. Концентрация волевых
волн — вот оружие: она парализует излучения врага.
Поражение для демона означает его развоплощение и сброс
в одномерное Дно; побежденный воин Света будет
томиться в подземной тюрьме под Цитаделью уицраоров.

пока не погибнет последний Жругр и не развоплотится
последний Великий Игва.

4
Не Жругр, а Великий Игва, чья воля подчинена лишь
самому Противобогу земного шара,— вот истинный властелин
Друккарга. Непрерывною цепью следуют эти владыки
с самого его основания: не династия, а скорее подобие
преемственности пап. Они поддерживают Жругров почти
во всем, санкционируют их захватнический рост вширь,
но в душе испытывают к этим существам презрение.
Они знают неизмеримо больше и заглядывают дальше,
чем Жругр; они — высшая инстанция всех отраслей
властвования. Не теократия и не монархия: государство
Друккарг — сатанократия.

5
Трудно судить беспристрастно о величественности или
о красоте тех многонародных ритуальных действ,
которыми игвы стремятся почтить высшие демонические
силы. Учение об относительности эстетических норм
давно превратилось для нас в некую аксиому; невольно
опасаешься проявить в оценке чужих понятий о красоте
философскую или эстетическую ограниченность.
Но свои пределы положены всему,
и встречаешься иной раз с явлениями,
которые не можешь оправдать ни с какой,
доступной нам эстетической позиции.

6
Узость мира чувств, перевернутость всех понятий
и рассудочность воспрепятствовали культуре игв создать
значительное искусство. Нечто вроде поэзии у них, правда,
есть, но это корявый угловатый зародыш. Живопись
не получила развития: в условиях четырехмерного мира
она имеет только учебное, утилитарное значение, как
у нас — черчение. Зато танец сделался неотъемлемой чертой
их жизни — священный танец; сочетая его с шумовою
музыкой, ритмическими выкриками и фокусами освещения,
они подогревают с его помощью свой мрачный
и агрессивный энтузиазм.

7
Промежутки от кульминации до кульминации прилива
лав, вызываемого луной, приняты во всех шрастрах
за единицу времени. Более мелкие доли определяются
специальными механизмами, похожими на хронометр,
а наступление новых суток возвещается лязгом часов
неимоверного диаметра, вверху, на последнем ярусе капища.
— Ржзэнгл!! — доносится тогда до самых отдаленных районов.
— Ржзэнгл!! — техника добилась, чтобы звук, слышимый
за тысячи верст, не оглушал находящихся вблизи.
— Ржзэнгл! — медленно вибрирует брящающее дребезжание.—
— Ржзэнгл!

8
На этот сигнал отовсюду устремляются мириады
раруггов и игв, преодолевая воздушный океан, как молнии.
Час демонослужения наступил, а капище способно
вместить миллион радеющих. Первый из ярусов, отделенный
от внешнего пространства рядом монументальных
колонн, как бы открыт наружу: это зал мистерий,
посвященных ангелам мрака, а также тому, чье
ошеломляющее изваяние высится перед входом в капище
основателю Друккарга, каждый глаз которого — красная
глыба величиной с двухэтажный дом. А высокая
техника обогатила действа ослепительными эффектами.

9
Бурные удары в барабанообразные котлы возвещают
начало. Размещенные на внутренних балконах, на разной
высоте, вплоть до тысячи метров от пола, они гудят
устрашающим грохотом, грозным гулом. Трехпалые ноги
с надетыми на них ритуальными брякалками заклинающе
бьют в пол. Односложный характер языка превращает
любой песенный текст в непрерывные спондэи.
Брубт!.. брубт!.. брубт!.. Тупп. Тупп. Тупп.
Это — первое па священного танца,
долженствующего создать настроение
преддверие бесовского экстаза.

10
Вдруг лиловые и алые снопы лучей пронизывают
необъятное помещение. Скрещиваясь, перебегая, они
превращают пустоту в арену световой вакханалии.
В оркестрах множатся диссонансы, взмывают лязгающие,
визжащие, верещащие звуковые ряды. Каждого участника
охватывает воинственное вдохновение. Скопище
сплетается в хоровод. Брумм... Брумм... Брумм...
Рзянгв!! Рзянгв!! Рзянгв!! — аккомпанируют чудовищные
инструменты. Началось радение. Дрым... Дрым... Дрым...
Жзунгр! Жзунгр! Жзунгр! Каждый вскрикивает
на свой лад, но в такт пляске.

11
Привлеченные магическим действом, в вышине показываются
ангелы мрака. Их неясные облики ширяют среди
багровой фантасмагории; они алчно впивают энергию
беснующихся игв, буйные излучения раруггов. Радеющие
отрываются от земли. Рея, распластываясь, ныряя, носясь,
перевертываясь, балансируя в воздухе вниз головой,
они стремятся совпасть с туманной плотью ангелов мрака.
В этом — высшее их наслаждение, кульминация,
зенит чувств, узких, однообразных чувств,
выхолощенных ото всего,
кроме восторженной радости демонослужения.

12
Второй ярус капища посвящен Жругру. Особенно пышна
бывает мистерия, когда мглистая плоть этого существа
обнимает, входит, совмещается со стенами и с внутренней
пустотой: тогда здесь бьется и пульсирует сердце
уицраора, видимое смутно, но все же видимое. Именно
перед ним совершается тогда культовый пляс-полет,
возглавляемый самим Великим Игвой. Это — единственная
радость, которую дарует Жругр своим рабам, и одно
из немногих наслаждений, ему самому доступных. Это —
выражение их союза в борьбе за порабощение
Шаданакара.

13
В последний из ярусов — тот, что украшен снаружи
многозначными ликами часов, вхожи не все; требуется
особое посвящение. Там Великий Игва — один или в ряду
немногих избранных — вкушает общение с Противобогом.
Они называют его Гагтунгр: это имя пришло из древних

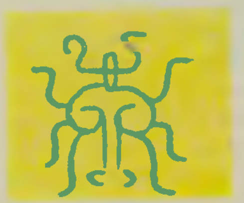
Да, он есть, и об этом неоспоримо свидетельствует весь спотыкающийся путь человеческой цивилизации. Да, он есть, на беду всей Земли, и больше всего он стремится убедить людей в том, что его нет. Для это-

го создан прекрасный универсальный инструмент — атеизм: нет князя тьмы, но нет и сил света, а есть сплошные производительные силы и производственные отношения.

В «Розе Мира» исследованию «миров возмездия» Андреев посвящает целую книгу, да и потом вновь и вновь возвращается к теме влияния демонических сил на жизнь человека. В «Русских богах» три главы отданы этой же теме. Одна из них — «Изнанка мира». Здесь Андреев продолжает и развивает мысль о странном и сложном соответствии различных миров инобытия, об осях, пронизывающих слои, населенные существами, совершенно не похожими на челове-ка, но с человечеством связанными самым непосредственным образом. По мысли Даниила Андреева, огромным городам мира, средоточиям культур сверхнародов, соответствуют метапраобразы в мирах Просветления и в мирах Возмездия. Это соответствие прослеживается даже в архитектуре зданий, имеющих культовое или культурное значение. Возникает соответствие просто: сознание зодчего способно улавливать образы эфирных зданий в иных мирах и отображать их по мере возможности в мире здешнем. Одним из таких метапраобразов у Андреева становится Петербург, город, чья странная ментальность прекрасно ощущалась вестниками — Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Блоком, но только ощущалась. Впервые метаисторическая судьба петровского творения раскрыта Андреевым. Он, прошедший по дорогам инфернума, как никто другой понимает необходимость знания взаимосвязи и взаимообусловленности всех слоев планетарного космоса.

Поэма состоит из пяти частей. Вскоре после начала ритм повествования учащается, и перед читателем встает странный, страшный, чем-то отдаленно знакомый мир нелюдей.

Имя народа — игвы. Форма государства — сатанократия. Подробности, детали физики этого мира, быта его населения, будучи придуманными, показались бы неуклюжими и нелепыми пробами фантазии, но — увиденные и отображаемые точным словом поэти-

шрастров и распространилось по Шаданакару вплоть до синклитов метакультур. Но во время общения Великого Игвы с Гагтунгром не слышится ничьего голоса, не видится ничьего облика.
Только воспринимается чье-то неимоверное дыхание, похожее на черный ветер.

14
Сознание Великих Игв подобно зеркалу, отражающему мировую действительность наоборот, но со строжайшей четкостью. Вряд ли сыщется среди нас хоть один мозг, вмещающий такую сумму познаний, созерцающий такие перспективы, осуществляющий мировой план столь дальнего прицела. Из рода в род открывались Великим Игвам грандиозность, чудовищность и пышность демонических миров, их разноматериальные слои — от Дигма, запредельного обиталища Гагтунгра, до миров Возмездия и того слоя в глубине антикосмоса, который именуется Гашшарвой.

15
И, охватив демонические слои Шаданакара, лишенные протяжения космического (а таких — большинство), Великий Игва превышает духом этот ограниченный ряд.
Ибо двухмерное пространство, где пребывает Гашшарва, тянется уже от одной границы Галактики до другой.
Таких двухмерных слоев в нашем Млечном Пути — тысячи. Их плоскости пересекаются в общей галактической оси, проходящей через звезду Антарес. Это — та единственная звезда, что видна с одномерного Дна Шаданакара, ибо и все одномерные пространства нашей Вселенной пересекаются в ней.

16
Но из Гашшарвы видится уже не звезда, не красная точка, но вся эта ось — антикосмос Галактики. Как лиловая, ослепительно пульсирующая полоса на абсолютно черном бархате пламенеет он на горизонте земного ада. Так видит его и Великий Игва, темный визионер, когда Гагтунгр восхищает его в Гашшарву, в эту дьявольскую цитадель цитаделей, которую раньше он созерцал только извне тусклым солнцем подземного мира, как все раругги и игвы. И лишь особая душность, гнетущая каждого, входящего в мир двух координат, делает это наслаждение неполным.

17
В этом гнездилище тьмы он общается с существами, обитающими там, он видит Велгу России и велг других метакультур в их собственном жилище. Он видит хозяев магм, похожих на извивающиеся горы, но с подобием голов, и как бы смытых, полустертых лиц, и рдеющие пурпуром крылья ангелов мрака, похожие на уменьшенные двойники великолепного Люцифера наших древних легенд. Он беседует с теми, кто заботливо, иногда целые века, подготавливается Гагтунгром к рождению наверху, среди людей, в человеческом облике, ради особых губительных заданий.

18
Сквозь них он вникает в неповторимые особенности человеческой души, в тайные закономерности исторического становления человечества. Он постигает корни и всю

ческой прозы — жутки и убедительны.

В первом акте «Железной мистерии» Андреев показал, насколько тесно взаимосвязаны события, происходящие в шрастрах, обиталищах античеловечества, и события в Энрофе, нашем физическом слое (этому же посвящена книга XI «Розы Мира»). Кончина Второго Жругра, российского демона великодержавной государственности, нарождение жругритов, многочисленных претендентов на место родителя, тут же отозвались в Энрофе. Человекоорудия жругритов возглавили политические партии (в «Железной мистерии» легко узнаются партии кадетов, эсеров, большевиков), ввергли страну в пучину гражданской войны, и лишь тогда, когда Багровый жругрит, уничтожив родителя и братьев, короновался как Третий российский Жругр, смута в Энрофе прекратилась и началось строительство государства, более всего соответствующего сатанократии шрастра.

Логика этих событий побуждает в произошедшем на наших глазах крахе империи увидеть причины метаисторические. Видимо, Третьего Жругра больше нет. Его исчадия, недостаточно сильные, чтобы претендовать на управление империей, разодрали ее в клочья и, огородившись стенами суверенитетов, грызутся между собой за власть и территории. К чему приведет этот процесс, чьи человекоорудия возглавили нынешние партии и государственные

глубину соперничества людей и игв, грядущий выход обитателей шрастров в наш слой и их неизбежное столкновение с нашими потомками. И здесь же визионер учится различать три ипостаси Гагтунгра: благоговейно склоняться перед Великим Мучителем, наслаждаться соприкосновением с Великой Блудницей, черпать мудрость у Великого Осуществителя, иногда называемого также Принципом Формы.

19
Общаясь с ними, он восхищается в Дигм, обитель Гагтунгра. Он видит лиловый океан, бушующий от черного дна до неба, и Гагтунгра, возлежащего на нем, с крыльями, раскинутыми от горизонта до горизонта, и с поднятым к небосклону темно-серым лицом.
А в небесах полыхают траурные зарева, ходят фиолетовые протуберанцы, грозят дольнему миру алые ауры; в зените же блещет светило невообразимого света, то самое, что казалось тусклой красною точкой — из одномерного мира, лиловой пульсирующей полосой — из двухмерного.

20
Здесь, в лоне Гагтунгра, пребывают избранники зла: души Великих Игв и немногих людей, демонизировавших свой состав полностью. Они творят люциферический план, и лишь тоской об утраченных навек высотах Света отравлено их блаженство. Там уясняется Великому Игве до конца строение инфернальной вселенной и замысел Гагтунгра, объемлющий всю нашу брамфатуру. И, диктуя свою волю миллионам игв, раруггов и самому уицраору, он согласует ее, отождествляет ее, полный почти религиозного восторга, с центральною демонической волей Шаданакара.

Часть пятая

1
А по широким утрамбованным трассам Друккарга медленно шагают гиганты-рабы. Магнитные поля не дают им уклониться от предназначенной дороги; но игвы осторожны вдвойне, и пересекать своим невольникам путь они избегают. Превышающие ростом многоэтажные здания, но подобные людям, с мутно-бурою кожей, в грубой красноватой одежде, развеваемой подземными ветрами, гиганты переносят к местам строительства плиты того, что можно назвать инфрабазальтом. Машин, более мощных и более дешевых, чем труд этих рабов, игвы еще не измыслили.

2
Можно ли услыхать в Друккарге человеческую речь? Можно. Можно ли там распознать в речи русские слова?
Именно русские. Какую же, если не русскую, речь естественно было бы встретить на изнанке именно российской метакультуры? «В другом мире должны быть другие формы общения, а не звуковая речь».
Но почему же непременно «должны»?
И почему во всех мирах без разбора?
«Так; но ведь у игв даже органы речи устроены совсем не по-человечески». Это правда. И по-русски объясняются в Друккарге не игвы, а лишь их рабы.

3
Русская речь, да и только ли речь? Отпечатки России
ты распознал бы и на многом другом в этом удручающем
мире. В лицах пленников угадались бы знакомые черты,
где-то встречавшиеся, только трагически измененные,—
чем? веками каких мучений, озарений, каких утрат?
Через какие страдалища прошел, например, вот этот:
осанка его не утеряла и, очевидно, не утеряет никогда
исконной царственности, утверждаемой с каким-то
горьким спокойствием. Только из глубоких глазниц
будто смотрят на безбожный Друккарг целые века
искупления и познания.

4
Другой, третий, сотый, трехсотый... Узнаешь черты тех,
кто ушел из нашего мира на много поколений раньше
нас, и тех, о чьей кончине нас уведомляли печатные
листы с траурной каймой. Тех, кто взирает на нас
с музейных полотен в прославленных хранилищах России,
и тех, кого мы лицезрели воочию на уступах темно-красного
гранита живыми и говорящими в нарядные дни
общественных празднеств. Разные тропы привели их
сюда. Одни не изведали ничего ужаснее этих уз;
другим этот подневольный труд теперь кажется почти
отдыхом.

5
Один за другим, сквозь похоронный звон колоколов
в московских и петербургских соборах, нисходили в Друккарг
князья и цари, императоры и полководцы, сановники
и советники. Одни — в первые часы посмертия,
другие — после чистилищ и расплаты в глубинах магм.
Но испепеление тех нитей их карм, что вплелись
в пряжу державной государственности
не подсудно никаким страдалищам.
И рано или поздно несчастный вступал
под власть игв — трудиться над завершением
воздвигавшегося им при жизни и ненавидимого теперь.

6
Это — формула, а вот и случаи ее применения. Злодеяния
так отягчили эфирную ткань Ивана Грозного, что
стремительный спуск начался с первых же минут посмертия.
Преступник падал сквозь слои и слои, прорезая
чистилища, магмы и непроглядные слои земного ядра.
Равновесие было достигнуто лишь в мире, называемом
Ытрэч: это планетарная ночь, длящаяся с начала Земли
до ее преображения в отдаленном грядущем. Мука его
невыразима, силы Синклита России не достигают
туда. Это — средняя из трех лун, маячащих на небесах
Друккарга.

7
Теперь он видит эту луну прямо над собой, влачась
с непонятною для нас ношей по трассам античеловечества.
Избавленный от нечеловеческих мук Ытрэча силами
Синклита Мира по истечении трех веков, он медленно
совершил положенный подъем, и вот включился
в шеренгу рабов-строителей. Все, отмеченное
в его душе наитием Гагтунгра, высветлилось:
лицо, коричневое, как земля пустыни,
становится похоже на лики великих мучеников,
преодолевших естество и подготовивших себя к мирам
восходящего посмертия.

8
Посмертие Лжедмитрия было противоречивым, как его
судьба на земле. Носитель темного задания, навязанного
ему Противобогом, он, выполнив его, сорвался на
планетарное Дно, по дороге теряя свое эфирное тело,
распавшееся на десятки призрачных «я». По истечении
долгих лет взятый оттуда в Гашшарву, он только тогда
мог быть освобожден силами Христа от страшного
повтора — новой темной миссии, нового рождения и нового
низвержения. Он поднят в Друккарг и строит Цитадель,
трудясь в ряду своих предшественников и преемников
на престоле России.

9
Строят и строят. Строят твердыню трансфизической
державы на изнанке Святой Руси. Строят и строят. Не
странно ли? Даже императрицы века пудреных париков
и угодий с десятками тысяч крепостных крестьян строят
ее и строят. И если время от времени новый пришелец
появляется в их ряду, его уже не поражает, что карма
вовлекла его в труд рука об руку с владыками и
блюстителями государственной громады прошлого,
которую при жизни он разрушал и на ее месте строил
другую. Чистилища сделали его разум ясней, и смысл
великодержавной преемственности стал ему понятен.

10
Цитаделью из нескольких концентрических стен опоясан
подземный город. Новые плиты кладутся на плиты.
Зазубренные края наглухо спаиваются тем веществом,
которому в нашем мире соответствуют крепчайшие металлы.
Магнитные поля очерчивают крепость: ни шага
в сторону, ни движения. И единственную отраду отстояли
для рабов силы Синклита: благоговейную, влюбленную -
и щемящую. Еще недалеки времена, когда над внутренним
пространством крепости светилось звучащее, женственно-
голубое сияние. Это пела небесная пленница уицраоров,
пресветлая Навна, в своем недоступном для врагов саду.

11
Светилась и пела, звучала и благоухала. «Она еще здесь,
она еще с нами»,— чувствовал каждый. И гармония
прикасалась к строившим цитадель, лучилась из слоя
в слой, вздымалась в миры Просветления, опускалась
в чистилища, струилась каплями до изнывающих в аду,
проникала к сердцам живущих на поверхности земли
сквозь вдохновение и любовь, сквозь тоску о красоте,
сквозь музыку и стих, сквозь мечту о сотворчестве
с Провидением. И гиганты-рабы благословляли этот
светящийся голос, рождавший надежду, врачевавший их
раны, омывавший от уныния, суетности и обиды их сердца.

12
Но в годы последней из тираний, насиловавших русскую
землю, третий уицраор принудил гигантов надстроить
над недоступным для него садом плоский, плотный свод.
Едва проступает сквозь эту преграду излучение
Идеальной Души народа, голубовато серебря внешнюю
сторону циклопических стен. Но звучавшие пазори
угасли, сиявший голос умолк. Лишь просветленные

структуры в российской Энрофе? Без видения метаисторика попытка решить эти загадки — не более чем безответственная спекуляция.

Есть оси времени, сместить которые, видимо, совершенно невозможно. На одной из таких осей расположен приход антихриста. Его не миновать. Но от того, насколько успешной будет работа визионеров и вестников, предшествующая этой грядущей катастрофе, зависят ее масштабы, продолжительность и последствия. В этом плане значение «Изнанки мира» трудно переоценить. Это свидетельство не просто очевидца, но опытного метаисторика, исследующего инфернальные слои, знающего законы метаистории и сделавшего борьбу с мировой тиранией обязательным этапом на пути антихриста, целью всей своей жизни.

При чтении поэмы может возникнуть искушение увидеть, например, в описании устройства сообщества игв некий намек на устройство тоталитарного государства, но в намеках Андреев не нуждается. Более яркого, страстного и открытого, чуждого всяких намеков борца с тоталитаризмом русская литература не знает. Поэтому у читателя есть только две возможности: либо поверить автору и не искать за словами поэмы аллегорий, без которых долгое время не обходился в России ни один честный писатель, либо недоуменно пожать плечами и постараться забыть о будоражащих строках поэмы.

И все же к словам поэтов и духовидцев следует относиться с большим вниманием, чем просто к поэтическим образам. Роза Мира... Грядущее всечеловечество, объединенное не политической, не религиозной, не национальной, но никогда еще не опробованной этической структурой, предупреждение о грозных опасностях, подстерегающих человечество на этом пути,— вот цель, ради которой прожита в духовном подполье короткая жизнь русского поэта. Там, за этой целью, видится ему теургическая мистерия преображения всей многострадальной Земли и ее рождение в просторы духовного космоса.

Сейчас, в разоре и хаосе происходящего, может быть, в это трудно поверить. Но вспомним Н. Бердяева, писавшего в 1919 году, среди разрухи и хаоса еще горшего: «...Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро».

в Небесной России, верующие — в России земной, да сонмы самого демиурга еще улавливают его отзвуки.
Остальные его не слышат. Остальные не знают о Навне ничего. Они даже не догадываются о ее существовании.

13

А гиганты строят и строят. Вместо отдыха — короткое забытье, пища — растительность Друккарга, бунт невозможен. Но рыцари Невозможного встречаются везде.
Участие в созидании одной из твердынь Противобога возмутило полтора века назад совесть одного из них, его гордость и веру. Что восстание обречено — он знал, но предпочел гибель. Бунт парализуется тут мгновенно. Всосанный и извергнутый уицраором на Дно, Суворов вкусил до конца еще горшую муку и, снова поднятый в Друккарг, включился в цепь гигантов-камненосцев уже без ропота.

14

Но величайшего из государей нашей истории отличили даже игвы. Не нужно понимать слишком буквально труд этих камненосцев, как и труд кариатид: это — лишь подобие. И великому Петру доверен надзор за товарищами по возмездию — горестное отличие — здесь, у ног изваяния, чье крошечное подобие поставлено в его честь на петербургской площади. Он распоряжается другими, но строит и сам, строит, напрягая все мускулы своего сверхчеловеческого тела, всю энергию своего титанического рассудка — строит ненавидимое с тех пор, как он постиг его сущность.

15

Вот почему не образ императора-героя на гранитной скале, но само изваяние окружено легендой. Снова и снова приходят на память строки великой поэмы — и тают. Неясный образ шевелится в душе — и не может определиться мыслью. Холодящая жуть нечаянно вдруг обожжет отдаленным предчувствием — и тихо отхлынет. И пока вникаешь зрением, чувством истории, чувством поэзии и воображением в силуэт неподвижно-мчащегося на коне — нерожденная легенда — не легенда, а предостережение — держит созерцающего в своем завороженном круге.

16

Она еще не отлилась ни в балладу, ни в философему, ни в музыкальную симфонию. В первый раз просачивается она в искусство слова. Она только неподвижно стоит, почти уже двести лет, стекленеющим озером вокруг бронзовой статуи. Ветшающий портик — направо, портик — налево, темный, сурово и скорбно умолкший собор — впереди, грозно-тихая река — за плечами. Настороженность, пустынность... И каждый, замедлив шаг на торжественной площади, ощущает себя как бы в магнитном поле. Это чувствуют все; сознает это каждый, вдумавшийся в свое чувство.

1955—1958

Публикация
А. АНДРЕЕВОЙ

После смерти автора в 1959 году началась нелегкая судьба его творческого наследия. В 1965 году в журнале «Звезда» стараниями поэта Николая Брауна появляется небольшая подборка стихов Даниила Андреева. Вырванные из контекста, отредактированные, они остаются незамеченными. В 1975 году в издательстве «Советский писатель» неожиданно выходит маленький сборник «Ранью заревою», давно ставший библиографической редкостью. Но первой серьезной публикацией я бы назвал новомирскую подборку стихов в 1987 году «На великих перикатах времени». Здесь уже вполне ощущается масштаб поэта и сила его поэтического дарования. К творчеству Даниила Андреева обращается журнал «Вопросы философии» (1989, № 12). И наконец — первая книга! В феврале 1990 года появляется том избранного «Русские боги» (Москва, «Современник»). Название, впрочем, не совсем удачное, потому что «Русские боги» — авторское название совсем другой книги. Еще через год почти одновременно удается издать «Железную мистерию» (Москва, «Молодая гвардия») и «Розу Мира» (Москва, «Прометей»). На выпуск давно подготовленного трехтомника, практически полного собрания сочинений Андреева, у «Нового мира» уже не хватает сил

В. ГРУШЕЦКИЙ

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Но есть миры противоположного знака, зыбкие, темные зеркала, где меняются местами верх и низ. Познание их мучительно, раздумье о них безрадостно, но его не может отвергнуть никто, перешагивающий за порог духовного детства. Золотом первоначальной зари платишь за зоркую зрелость.

Даниил Андреев

Дж. Р. Р. Толкиен

Сильмариллион

Главы из книги

Глава 21
Турин Турамбар

Риан, дочь Белегунда, была женой Хуора, сына Галдора. Они поженились всего за два месяца до начала Пятой Битвы. Хуор вместе с Хурином ушел на войну. Риан, так и не дождавшись вестей от мужа, бежала из захваченного края и скиталась в глуши, пока не нашла приют на берегах озера Митрим, у Серых Эльфов. Там у нее родился сын Туор. Риан оставила его на попечение эльфов, а сама из последних сил добралась до Горы Слез и умерла там.

Заставка А. Гусева

* Продолжение. Начало в №№ 9, 10.

Морвен, дочь Барагунда, была женой Хурина, Правителя Дор Ломина. Их сын Турин родился в год встречи Берена и Лучиэнь. Маленькую сестренку Турина, Лалаиф, Смешинку, в трехлетнем возрасте унесло моровое поветрие, насланное из Ангбанда.

После окончания Пятой Битвы Морвен с восьмилетним Турином пришлось остаться в Дор Ломине. Она снова была в тягости.

Злыми помнятся те дни. В Хитлуме хозяйничали вастаки. Они притесняли остатки народа Хадора, грабили, обращали детей в рабство. Но красота и величие супруги Правителя поначалу оберегали Морвен и домочадцев от посягательств захватчиков. Да и побаивались ее, считая опасной колдуньей, знавшейся с эльфами. На самом-то деле жила она в бедности. Только дальняя родственница Хурина по имени Айрин, наложница вожака вастаков Бродды, изредка и тайком помогала ей. Очень боялась Морвен, как бы и Турин не попал в рабство, и потому решила услать его подальше, в Дориат, к Королю Тинголу; ведь зять Короля, Берен Однорукий, был ее родичем и другом Хурина.

Осенью, в Скорбный Год, Морвен отослала Турина через горы в сопровождении двух старых слуг, наказав им обязательно разыскать дорогу в Зачарованное Королевство. Так в горестную историю эльфов вплелась и судьба Турина, и потому дошла до наших дней в «Нарн и Хин Хурин», предании о Детях Хурина. Это самая длинная из баллад, сохранившаяся от Стародавних Дней. Мы рассказываем ее здесь, потому что и она связана с судьбой Сильмариллов и эльфийского народа. Печальна эта история. В ней слишком много горя и самых черных злодейств Моргота Бауглира.

В начале года у Морвен родилась дочь. Ей дали имя Ниэнор, Грустинка.

К этому времени, преодолев немалые опасности, Турин и его спутники уже подходили к Дориату. Здесь встретил их Белег Тугой Лук, охранявший границы Короля Тингола, и отвел в Менегрот. Тингол, памятуя о заслугах Хурина Стойкого, принял мальчика на воспитание. Давно уже прошло время, когда Король Дориата с пренебрежением относился к людям: теперь он благоволил Домам Друзей Эльфов. Он даже отправил гонцов в Хитлум, приглашая Морвен пожаловать в Дориат, но она не нашла в себе силы покинуть дом, где все напоминало о Хурине, и только передала посланцам короля ценнейшую из реликвий Дома Хадора — Шлем Дракона Дор Ломина.

Турин рос крепким и красивым мальчиком, только уж очень печальным. Он тосковал по дому. Девять лет прожил он в Дориате, и постепенно время залечило боль разлуки. Иногда гонцы Короля уходили на север и, если случалось, заворачивали в Хитлум. По возвращении они приносили хорошие вести о Морвен и Ниэнор, но однажды не вернулись, и Король отказался посылать других. Турин был уже сильным, рослым юношей. Он понимал: с матерью и сестрой что-то случилось. Не в силах сидеть в безопасном Дориате, Турин предстал перед Королем и просил дать ему меч и кольчугу. Надев Шлем Дракона Дор Ломина, он ушел на границу и там провел три года в непрестанных стычках с орками, сражаясь бок о бок с Белегом и по-настоящему сдружившись с ним. Наконец, он вернулся, грязный, заросший, в потрепанной одежде, в доспехах, носивших следы долгих странствий в глуши.

Жил в Дориате эльф из народа Нандоров по имени Саэрос, занимавший не последнее место на советах Короля. Турину он давно завидовал, потому что приемный сын Тингола пользовался у всех почетом и уважением. И вот, оказавшись за столом напротив Турина, он пренебрежительно бросил:

— Если уж мужи Хитлума столь неотесаны и косматы, каковы же их женщины? Бегают, поди, как олени, по лесам, одетые только в собственные волосы!

Гнев ударил Турину в голову. Схватил он тяжелый кувшин для вина и, запустив в эльфа, ранил его.

На другой день Турину пришла пора возвращаться. За воротами Менегрота его поджидал Саэрос с мечом в руке. Турин быстро справился с заносчивым эльфом и, раздев донага, погнал, улюлюкая, по лесу. Саэрос в ужасе мчался от него, не разбирая дороги, сорвался с тропы в ущелье и разбился. Произошло это на глазах других воинов. Маблунг, бывший среди них, советовал Турину пойти к Королю, повиниться и ждать его решения, но Турин, и сам не ожидавший такого исхода, решил, что теперь он вне закона и, не слушая Маблунга, быстро ушел, опасаясь, как бы его не схватили и не отправили в тюрьму. Он скрылся в лесах к западу от Сириона и примкнул к ватаге бродяг, каких немало скиталось тогда в глуши, добывая пропитание грабежом и разбоем. Они не очень-то разбирали, кто попадался им на дороге: орки, люди или эльфы.

Когда Тинголу доложили о случившемся и все обстоятельства были восстановлены, Король здраво рассудил, что дело темное, и простил Турина. Как раз в это время вернулся с северных рубежей Белег Тугой Лук. Король сказал ему:

— Я в печали, друг Белег. Турин был мне все равно, что сыном. Так оно и будет, если только не вернется из тени его отец. Никто не изгонял Турина, а говорить-то будут именно так. Хорошо бы он вернулся, я ведь по правде люблю его.

— Мне он тоже дорог,— ответил Белег.— Я найду его и приведу в Менегрот.

Белег ушел и по всему Белерианду искал друга или хоть каких-нибудь сведений о нем, но все напрасно.

А Турин жил среди бродяг, сбитых с толку смутным временем, и даже стал их главарем. Он взял себе новое имя и звался теперь Нейфан, Неправый. Его ватага укрывалась в лесных чащобах южнее Тейглина. И вот, спустя год после досадного случая, сделавшего сына Хурина беглецом, Белег отыскал их логово. Турину в это время пришлось отлучиться из лагеря. Разбойники схватили Белега и обошлись с ним не самым вежливым образом, приняв за лазутчика Короля. Вернулся Турин и увидел друга избитым и связанным. Ужаснулся он и раскаялся во всех злодействах, и зарекся впредь поднимать руку на кого бы то ни было, кроме слуг врага. Белег не держал на него обиды. Он рассказал Турину о прощении Короля и стал уговаривать вернуться в Дориат и помочь ему на северных границах.

— В последнее время,— говорил он,— орки нашли лазейку через Анах, и с ними все больше хлопот.

— Анах? — задумчиво произнес Турин.— Я что-то не помню, где это.

— А мы и не ходили никогда так далеко,— отозвался Белег.— Но ты ведь видел вершины Криссаэгрима. Там к востоку тянется хребет Горгората. Анах между ними, у истоков Миндеба. Раньше путь этот слыл тяжелым и опасным, а сейчас им многие пользуются. Димбар гибнет под Черной Рукой, и в Бретильских Лесах стало неспокойно. Мы нужны там.

Но слишком горд и упрям был Турин. Он отказался принять прощение Тингола, отказался уйти с Белегом. Наоборот, он стал уговаривать друга остаться здесь, но Белег не мог этого сделать.

— Ты упрям и самолюбив,— сказал он.— Вот тебе мое последнее слово. Если хочешь, чтобы мы, как прежде, сражались плечом к плечу, ищи меня в Димбаре. Я буду там.

На следующее утро Белег уходил. Турин пошел проводить его. Они отошли уже на расстояние полета стрелы, но пока не сказали друг другу ни слова. Наконец Белег остановился.

— Значит, нам прощаться, сын Хурина?

Турин отвел глаза. Он взглянул на запад, увидел величественную вершину Амон Руд и, не раздумывая, упрямо ответил:

— Ты говоришь, чтобы я искал тебя в Димбаре. Я же тебе скажу: давай встретимся на Амон Руд. А нет — так больше нам не увидеться.

На том они расстались, опечаленные друг другом.

Белегу ничего не оставалось, как вернуться в Менегрот и доложить Тинголу о случившемся. Он умолчал только о приеме, оказанном ему товарищами Турина. Тингол выслушал воина и вздохнул:

— Что же я еще могу для него сделать?

— Позволь мне уйти, повелитель,— попросил Белег.— Я постараюсь направлять и охранять его хоть издали. Пусть никто не скажет, что легковесны слова эльфов. Жаль будет, если такой воин напрасно сгинет в глуши.

— Поступай, как знаешь,— молвил Тингол.— Ты много сделал для Дориата, нашел моего приемного сына, и мне не хочется отпускать тебя, не наградив достойно. Я готов исполнить любое твое желание, если это в моих силах.

Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион

Немного подумав, Белег попросил:

— Дал бы ты мне добрый меч, Владыка! Орков теперь развелось много, доходит до рукопашной, а мой прежний меч порядком поистерся об их доспехи.

— Выбирай любой,— ответил Тингол,— только, прошу тебя, оставь мне мой Аранруф.

Белег выбрал Англахэл. Бесценным слыл этот клинок, выкованный из упавшей с неба звезды. Перед ним не могло устоять никакое земное железо. Сравниться с ним мог только один меч в Средиземье, сделанный из того же куска тем же мастером Эолом Темным Эльфом. Когда-то он расплатился Англахэлом с Тинголом за дозволение поселиться в Нан Эльмуте и потом долго жалел об этом. Второй клинок он оставил у себя, но Маэглин, покидая родной дом, тайком унес его.

Тингол подал Англахэл Белегу, как это принято, рукоятью вперед. В этот миг Мелиан взглянула на лезвие меча и тихо произнесла:

— Злобу таит этот клинок. В нем еще живо темное сердце кузнеца. Он не будет верен хозяйской руке и недолго послужит тебе.

— Судьбе виднее,— ответил Белег,— а пока я все-таки поработаю им.

— Тогда прими и мой дар, друг Белег,— сказала Мелиан.— Он пригодится тебе в глуши и твоим друзьям тоже,— с этими словами протянула Королева воину связку лембас, эльфийского дорожного хлеба, завернутого в серебристые листья. Узел шнурка был опечатан королевской печатью в форме последнего цветка Телпериона. По обычаям Эльдаров только Королева может хранить и дарить лембас. Люди никогда не получали его, позволив разделить лембас с Турином, Мелиан не могла оказать большей почести сыну Хурина.

С этими дарами покинул Белег Менегрот и, не задерживаясь, отправился к своему отряду, стоявшему на границе северных топей. Казалось, его новый меч радовался работе, и вскоре орков в Димбаре почти не осталось.

Настала зима, война поутихла, и тогда Белег отлучился из отряда, не ведая, что покидает его навсегда.

Расставшись с другом, Турин повел свою ватагу на запад, прочь от долины Сириона. Они устали жить в постоянной опасности и теперь хотели отыскать надежное логово, где можно было бы перезимовать безбедно.

Однажды вечерней порой им повстречались трое гномов. Гномы бросились бежать, но один из них, видимо, совсем немощный, едва тащился. Его догнали, бросили на землю, а кто-то из отряда послал стрелу вслед убегавшим. Быстро темнело, и преследовать их не стали. Захваченного гнома звали Мим. Он умолял Турина сохранить ему жизнь, а в качестве выкупа обещал показать пещеры, о которых не знает ни одна живая душа на свете. Турин сжалился над Мимом и спросил:

— Ну и где же твои замечательные пещеры?

— Там, высоко над землей дом Мима,— ответил гном.— Амон Руд зовется это место с тех пор, как эльфы напридумывали своих названий.

Долго молчал Турин, глядя на гнома в глубоком раздумье, а потом приказал:

— Проведи нас туда.

На следующее утро Мим повел их к горам. Там, где кончаются вересковые пустоши, раскинувшиеся в междуречье Сириона и Нарога, начинается безрадостное нагорье. Чуть дальше круто поднимаются серые склоны центральной вершины. Ее сплошным ковром покрывают низкорослые заросли цветущего в эту пору серегона. Цветы у него маленькие, темно-алого цвета. Люди Турина подошли к подножию на закате. Заходящее солнце пробилось между облаками, и Амон Руд заалел под его лучами. Один из товарищей Турина угрюмо заметил:

— Поглядите-ка, вершина словно в крови.

Тайной тропой гном провел их ко входу в пещеру. Здесь он отступил на шаг, поклонился Турину и сказал:

— Войди в Бар-эн-Дэнвед — Дом Выкупа. Так отныне будут зваться эти пещеры.

В это время откуда-то появился другой гном со светильником в руках и взволнованно заговорил с Мимом. Они повернулись и быстро вошли в пещеру, не обращая внимания на своих спутников. Турин пошел следом и вскоре оказался в небольшом гроте в глубине горы. Тусклый свет исходил от подвешенной на цепях лампы. Перед каменным ложем стоял на коленях Мим. Немилосердно терзая бороду, захлебываясь слезами, он безостановочно выкрикивал какое-то имя. Только тут Турин заметил тело третьего гнома, распростертое на ложе. Он подошел, встал рядом и предложил свою помощь. Мим взглянул на него снизу вверх и промолвил:

— Нет, ты больше ничего не можешь сделать.— Это — Ким, мой младший сын. Стрела твоих воинов достала его. Он умер на закате. Мой старший, Ибун, рассказал об этом.

Турин с болью в сердце проговорил:

— Я не успел остановить руку, пославшую стрелу. Воистину, ты прав: дом твой будет зваться Бар-эн-Дэнвед. Только выкуп теперь за мной. Клянусь, если когда-нибудь у меня будет золото, я отдам его тебе, хотя оно, конечно, не заменит сына и не согреет твое сердце.

Мим встал с колен и пристально посмотрел на Турина.

— Я слышу тебя,— сказал он наконец.— Ты говоришь, как в древности говорили правители гномов. Дивно мне это. Ты остудил жгучее горе в моем сердце. Не до сокровищ мне теперь. Но как бы ты ни поступил со своим выкупом, а я свой заплачу. Живи в моем доме, сколько захочешь.

Так началась жизнь Турина в тайном обиталище гнома Мима. Теперь воин часто прогуливался перед входом в пещеру, поглядывая на все четыре стороны света, благо, все они были перед ним как на ладони. Он подолгу смотрел на север. Там, вдали расстилался зеленый ковер Бретильского Леса, а над ним возвышалась гора Амон Обел. Что-то там притягивало взгляд Турина, и он недоумевал: уж если и должно было звать его сердце, так на северо-запад, где на горизонте синели Сумеречные Горы и где, казалось ему, он почти различал стены родного дома. По вечерам воин часто наблюдал, как солнце опускалось в дымку на краю земли и долину Нарога заливали густые тени.

Времени было более чем достаточно. Турин часто разговаривал с Мимом и уже знал историю его жизни, дивясь временами мудрости низкорослого племени. Род Мима восходил к тем гномам, которых давным-давно выжили с востока. Они пришли в Белерианд еще до возвращения Моргота. С тех пор они постепенно умалялись и в росте, и в кузнечном мастерстве. Жизнь украдкой согнула их спины и научила осторожности. Долго, пока не появились в Белерианде гномы из Ногрода и Белегоста, эльфы никак не могли разобраться, кто эти маленькие корявые существа и, бывало, охотились на них. Потом оставили в покое, прозвав Нойгиф Нибин, Крошки Гномы на языке Синдаров.

Никого, кроме себя, они не любили; орков боялись и ненавидели, Эльдаров ненавидели не меньше, а уж Нолдоров и подавно. Ведь именно Нолдоры, по их словам, согнали гномов с исконных земель и заставили покинуть обжитые дома. Предки Мима нашли пещеры Нарготронда и принялись обживать их задолго до того, как Финрод надумал переправляться через Море. Но вот уже долгие годы скользили над горой Амон Руд, в недрах которой неторопливые Крошки Гномы расширяли и углубляли залы и переходы, охорашивали свой подземный дом, никого не трогая и сами не беспокоимые никем. Народец был хилый, он постепенно вымирал, пока, наконец, во всем Средиземье не остались только Мим с сыновьями. Мим, старый даже по гномьему счету, доживал свой не первый век в полном забвении, не имея ни одной родной души на свете, кроме сыновей, одного из которых застрелили люди Турина. В огромной кузнице давно уже было темно и тихо, а по углам ржавели сваленные грудой знаменитые некогда на все Средиземье боевые топоры, чьи названия сохранились только в самых древних преданиях Дориата и Нарготронда.

Стояла уже середина зимы, когда выпал невиданный в этих краях снег. Он толстым покровом укутал Амон Руд и речные долины. Говорят, что по мере того, как росла мощь Ангбанда, зимы в Белерианде становились все суровее. В эту зиму без особой нужды старались не выходить ни люди, ни гномы. Было голодно. В отряде появились больные. Но вот однажды в тусклом сумраке зимнего дня по склону Амон Руд поднялся вроде бы человек огромного роста,

закутанный в белый зимний плащ с капюшоном. Ни слова не говоря, он подошел прямо к костру. Люди повскакали в испуге, а он рассмеялся и откинул капюшон. Плащ распахнулся, и стал виден большой сверток в руках пришельца. Турин вгляделся. Перед ним стоял Белег Тугой Лук.

Радостной была встреча друзей. Белег принес Турину Шлем Дракона Дор Ломина, надеясь хоть так подтолкнуть его к судьбе более достойной, чем предводитель шайки разбойников. Но Турин уперся и снова отказался возвращаться в Дориат. Тогда Белег, руководствуясь больше любовью к другу, чем мудростью, решил остаться с ним. Первое, что он сделал для отряда,— это вылечил больных и раненых с помощью лембаса, данного Мелиан. Конечно, Серые Эльфы уступали в знаниях Нолдорам, но все же знали куда больше людей. Сильный, выносливый, умный Белег вскоре стал незаменим. Разбойники уважали его за прозорливость и общительный нрав. Но чем больше рос авторитет Белега, тем сильнее становилась неприязнь к нему Мима. Гном ненавидел эльфа, незваным пришедшего в Бар-эн-Денвэд, и теперь все чаще отсиживался с сыном, ни с кем не разговаривая, где-то в самых дальних закоулках пещер. Правда, Турин этого почти не заметил. Зима кончалась, а весна несла другие заботы.

Кому ведомы замыслы Моргота? Кто может постичь глубины дум того, кто был Мелькором, могучим Айнуром Великой Песни, а теперь восседал Темным Властелином на подземном троне, взвешивая на весах злобы приходившие вести. Он умел проникать в самые тайные замыслы своих врагов глубже, чем могли предвидеть даже мудрейшие из них, и только мысли Королевы Мелиан оставались недоступны ему.

Сейчас Враг снова привел в движение армии Ангбанда. Словно длинные пальцы крадущейся руки, его отряды прощупывали подступы к Белерианду. Они прошли через Анах, снова захватили Димбар и пробирались теперь к северным границам Дориата по древнему тракту, по ущелью Сириона, мимо острова, где Финрод построил когда-то крепость Минас Тирит, и дальше по краю Бретильского Леса к Перекрестку на Тейглине. Отсюда дорога уходила на Охранную Равнину, но орки не стали углубляться в этом направлении, как бывало раньше, потому что впервые почувствовали страх в этом диком краю. А с красной вершины лысой горы следили за их продвижениями внимательные глаза.

Турин снова надел Шлем Хадора. По всему Белерианду, по лесным чащам и речным излучинам, по горным ущельям и плоскогорьям ползли упорные слухи о том, что сгинувшие когда-то в Димбаре Шлем и Лук снова в бою. Множество бесстрашных воинов, потерпевших поражение в Пятой Битве, лишившихся цели и руководства, но не сломленных духом, потянулись в Дор Куарфол, Землю Лука и Шлема.

Теперь у Турина опять было новое имя — Горфол звался он, Грозный Шлем. Сердце его снова билось высоко, как подобает воину, а не жалкому разбойнику. Молва о подвигах Двух Вождей достигла и Менегрота, и подземных залов Нарготронда, даже в Гондолине слыхали об их делах. Наслышаны были и в Ангбанде... Моргот потирал руки. Шлем Дракона! Теперь сыну Хурина несдобровать! Вокруг Амон Руд шныряли шпионы Врага.

Год уже кончался, когда однажды Мим и Ибун ушли из Бар-эн-Дэнвед, чтобы запасти кореньев на зиму, и попали в лапы оркам. Снова пообещал Мим провести обидчиков к своему жилищу на Амон Руд, но остатки совести заставили его повольнить немного. Он стал хныкать и клянчить, чтобы ему пообещали не убивать Горфола. Вожак орков расхохотался и хлопнул гнома по плечу, едва не пришибив его.

— А как же! Ну конечно! С какой стати нам убивать Турина, сына Хурина!

Так врагу стало известно убежище Бар-эн-Дэнвед. Мим привел орков, и ночью они напали на лагерь двух вождей, захватив их врасплох. Многих воинов убили во сне, другие сумели выбраться по внутренней лестнице на вершину горы, и там бились насмерть. Кровь стекала вниз ручьями, смешиваясь с алыми цветами серегона, покрывавшими склоны. На Турина, дравшегося так, что к нему боялись подойти, набросили сеть, он запутался в ней, упал, был связан, и его увели.

Когда все кончилось и наступила тишина, из какой-то темной щели вылез старый Мим. Над туманами Сириона вставало солнце и освещало вершину, усеянную телами павших воинов. Гном ковылял от одного к другому и вдруг почувствовал, что не все мертвы. Он со страхом начал озираться по сторонам и встретил живой взгляд. На него смотрел Белег Тугой Лук. Долго копившаяся ненависть вспыхнула в маленьких подслеповатых глазках гнома, он бочком подскочил к лежащему окровавленному эльфу и потащил к себе Англахэл, выпавший из руки воина. Белег громко застонал, неверной рукой приподнял меч и швырнул в гнома. Мим заверещал от ужаса и бросился бежать, а вслед ему несся голос раненого: «Месть Дома Хадора найдет тебя, плешивый сморчок!»

Жестокие раны получил в этом бою Белег. Но недаром слыл он одним из самых могучих воинов Средиземья и вдобавок искусным врачевателем. Он выжил, а когда силы наконец вернулись к нему, долго разыскивал среди погибших друга Турина, чтобы похоронить достойно. Однако поиски оказались тщетными. Тогда эльф понял, что Турин жив и захвачен в плен.

Ни на что особенно не надеясь, Белег спустился с горы и двинулся на север, к Перекрестку Тейглина, высматривая следы орочьего отряда. Так пересек он Бретильский Лес и прошел по опустевшему, разоренному Димбару к перевалу Анах. Он шел не останавливаясь, днем и ночью, и теперь ненамного отставал от врагов. Орки, наоборот, не спешили, устраивая длительные привалы для охоты и отдыха. Искусный следопыт, Белег не потерял направления даже в жутких лесах Таур-ну-Фуин. Здесь ночью у подножия корявого мертвого дерева он натолкнулся на спящего эльфа. Белег растолкал его, угостил лембасом и стал расспрашивать, какая злая судьба занесла несчастного в эти гиблые места.

Бедняга назвался Гвиндором, сыном Гвилина. Белег с болью смотрел на него. Он знавал Гвиндора, могучего воина, в Пятой Битве командовавшего дружиной Нарготронда. Это он с безумной отвагой прорвался к самым воротам Ангбанда и там был схвачен. А сейчас перед ним стояла страшная согбенная тень с потухшим взором.

Мало кому из Нолдоров, попадавших в лапы врага, выпадала смерть. Моргот слишком ценил их кузнечное мастерство, умение отыскивать руды и самоцветы. Вот и Гвиндор был отправлен в северные копи. За долгие годы узники проложили там несколько длинных тайных штреков, и эльфам удавалось время от времени бежать. Гвиндору тоже посчастливилось. С тех пор он скитался в лабиринтах Таур-ну-Фуина, одичал, отощал и почти потерял надежду, когда его нашел Белег.

Гвиндор рассказал, что совсем недавно на север прошел большой отряд орков и волков. Они бичами гнали впереди человека со скованными руками. «Он был очень высокий,— говорил Гвиндор,— такие люди живут в Хитлуме». Белег в свою очередь поведал Гвиндору, какая забота привела его самого в Таур-ну-Фуин. Гвиндор вздрагивал, слушая его, и пытался отговорить от безумной затеи, уверяя, что в лучшем случае Белегу удастся разделить с Турином пытки Врага. Но эльф даже не думал о том, чтобы бросить Турина в беде. Больше того, ему удалось заронить надежду в ослабевшем сердце несчастного беглеца. Дальше они пошли вместе.

Лес кончался. За дюнами Анфауглифа вставали предгорья. Здесь, в виду вершин Тонгородрима, в мрачной лощине орки выставили волков-часовых и устроили большой привал. День клонился к вечеру. С запада надвигалась гроза, над Сумеречными Горами уже сверкали первые молнии. Быстро темнело, и это было на руку подкрадывающимся эльфам.

Орки угомонились только к полуночи. Тогда Белег взял свой знаменитый лук и бесшумно, одного за другим, убрал волков-часовых. Воины прокрались в лагерь и скоро отыскали Турина. Скованный по рукам и ногам, он стоял, привязанный к огромному стволу дерева, утыканному ножами. Это орки забавлялись перед сном, испытывая стойкость воина. От неимоверного напряжения и усталости Турин впал в беспамятство. Эльфы осторожно перерезали веревки и на руках вынесли его из лощины. Однако сил у них хватило только добраться до опушки леса.

Здесь, в колючих зарослях, они опустили Турина на землю и под близкие раскаты грома освободили от оков. Белег вынул из ножен Англахэл и легко перерубил цепи на руках и ногах Турина. Но, видимо, не дремала злая судь-

ба в ту ночь. Меч задел ногу Турина и привел его в чувство. Очнувшись, он увидел склонившуюся над ним темную фигуру с обнаженным мечом в руке. Решив, что орки снова пришли мучить его Турин с диким криком вырвал меч и ударил эльфа.

Ощутив, что руки и ноги его свободны, он решил дорого продать свою жизнь воображаемым врагам, но тут сверкнула молния, и в ее свете Турин разглядел Белега. Словно окаменев, смотрел он на бездыханное тело друга, не в силах постичь, что натворил. Лицо его в блеске непрерывно вспыхивающих молний было таким страшным, что бедный Гвиндор в ужасе вжался в землю и не смел поднять глаз.

Тут, разбуженные грозой, стали просыпаться в лощине орки, и скоро весь лагерь гудел встревоженными голосами. Орки боялись гроз, приходящих с запада, веря, что это — дело рук великих врагов из-за Моря. По вершинам деревьев пронесся сильный порыв ветра, и хлынул ливень. По склонам тут же зашумели дождевые потоки. Гвиндор, стараясь перекричать гром, пытался предупредить Турина об опасности, но тот словно окаменел над телом Белега, а буря бушевала вокруг него, как вокруг одинокого утеса.

Едва забрезжило утро, гроза унеслась на восток, к Лотлэнну. Встало не поосеннему яркое солнце. Орки, посчитав, что их пленник уже далеко и все следы смыло ливнем, даже не потрудились искать его и поспешили убраться восвояси. Гвиндор видел, как шагали они по прибитым дождем пескам Анфауглифа. Они возвращались к Морготу с пустыми руками, не подозревая даже, что добыча рядом, у них за спиной, сидит неподвижно на склоне Таур-ну-Фуин и на душе ее груз тяжелее всех оков на свете.

Надо было предать земле тело Белега. Гвиндор несколько раз крепко встряхнул Турина, прежде чем тот поднялся и, двигаясь словно сомнамбула, помог уложить тело воина в неглубокую могилу. Рядом с ним положили прославленный лук из черного тисса Белфронднинг, но Англахэл Гвиндор забрал с собой, проворчав, что такому мечу больше пристало мстить за хозяина, чем праздно отдыхать в земле. Взял он и остатки лембаса, чтобы хоть как-то поддерживать силы в этой глуши.

Так скончался Белег Тугой Лук. Великий воин, искуснейший следопыт, вернейший друг, он пал от руки того, кого любил больше всех на свете. Следы пережитого в ту ночь горя никогда уже не покидали чело Турина. Трагическая гибель встряхнула Гвиндора, вернув ему силы и отвагу. Покинув Таур-ну-Фуин, он повел Турина прочь от одинокой могилы. За весь долгий путь Турин не проронил ни слова. Он просто шел за Гвиндором, равнодушный ко всему на свете.

А год кончался. Надвигалась зима. Без своего вожатого Турин пропал бы, особенно здесь, на севере. Но Гвиндор ни на минуту не оставлял его одного и опекал на каждом шагу. Наконец, переправившись через Сирион, они достигли Сумеречных Гор и остановились у Ключей Ивринь, из которых рождается быстрый Нарог. Здесь Гвиндор воззвал к своему спутнику.

— Очнись же, Турин, сын Хурина Талиона! Посмотри: вот озеро Ивринь. Оно вечно кипит, словно смеется. Говорят, здесь родина смеха. Чистейшие ключи питают его, и Ульмо, Владыка Вод, создавший эту красоту в Древнейшие Дни, хранит ее от всяческой скверны.

Турин медленно опустился на колени и испил из озера. И тут, словно прорвав плотину в его душе, из глаз несчастного хлынули потоки слез, он упал на землю и забился в рыданиях. Это был конец его безумии.

Здесь же, на берегах Ивринь, Турин, сложил песню о своем убитом друге. Лаэр Ку Белег называлась она, Песнь о Великом Луке, и он пел ее громко, не боясь быть услышанным. Гвиндор вложил в руку воина Англахэл, и Турин в тот же миг ощутил, что держит не простой клинок. Крепость и великая сила исходили от него. Лезвие с необычной заточкой отливало тусклым черным блеском.

— Странный клинок! Не видал я подобного ему в Средиеземье,— сказал Гвиндор.— Мне кажется, он скорбит по хозяину, как и ты. Однако не печалься. Я возвращаюсь в Нарготронд. Идем со мной. Ты исцелишься там и окрепнешь духом.

— Но кто ты? — спросил Турин, словно впервые его увидел.

— Бродяга эльф, беглый раб, который совсем пропал бы, если бы не встретил Белега. А когда-то звали меня Гвиндор, сын Гвилина, воевода Нарготронда. Но все это кончилось в Пятой Битве рабством в копях Ангбанда.

— Не встречал ли ты в плену Хурина, сына Галдора? — с волнением воскликнул Турин.

— Нет, я не видел этого достойного человека,— покачал головой Гвиндор.— Но был слух — об этом говорили даже у нас на рудниках,— что он так и не покорился Морготу и за это враг проклял Хурина и весь его род.

— Да, в это легко верится,— задумчиво кивнул Турин.

Эльф и человек покинули берега Ивринь и начали спускаться по течению Нарога. Скоро их остановил передовой эльфийский дозор и доставил в крепость Финдрода. Так Турин попал в Нарготронд.

Поначалу даже друзья не узнали Гвиндора. Он покинул Нарготронд сильным, гордым воином, а вернулся похожим на Смертного, стоящего на рубеже старости. Только дочь Короля Ородрефа, Финдуилас, узнала его и обратилась с приветствием. Когда-то она любила Гвиндора, и он любил ее, называя Фаэль-Ивринь, Солнечный Блик на водах Ивринь. Вслед за ней Гвиндора узнали и другие. Из уважения к несчастному соотечественнику с почетом встретили и его товарища. Но когда Гвиндор готов был назвать его имя, Турин перебил его и представился сам:

— Я — Арагвэйн, сын Умраха, простой охотник,— быстро сказал он.

Может, кому и показалось странным такое имя, ибо означало оно «Запятнавший себя кровью сын Злой Судьбы», но эльфы Нарготронда не стали его ни о чем расспрашивать. Скоро Турин снискал любовь и приязнь не только у Короля Ородрефа, но и у многих жителей, и неудивительно. Он только что вступил в пору зрелости: в облике его многое напоминало Морвен Эледвень — темноволосый, сероглазый, был он красив, как никто из Смертных в Стародавние Дни. Манеры, усвоенные в молодости в Дориате, давали возможность принять Турина за представителя одного из лучших родов Нолдоров, поэтому не случайно часто звали его Аданэдел, Человек-Эльф. Мастера Нарготронда по его просьбе перековали Англахэл, и теперь лезвие, по-прежнему черное, горело тусклым огнем. Турин дал мечу новое название — Гурфанг, Смертоносная Сталь. В первых же боях на границе Охранной Долины он стяжал славу удалого воина и новое имя — Мормегил, Черный Меч. Эльфы одобрительно говорили: «Разве что Рок справится с ним, а больше никому не одолеть нашего Мормегила». Они подарили ему кольчугу гномьей работы, а сам Турин, перебирая как-то оружие в арсенале, разыскал позолоченную гномью боевую маску и часто надевал ее в бою. Враги бежали от него, завидев издали.

Случилось так, что со временем сердце Финдуилас, неожиданно для нее самой, обратилось к отважному воину. Однако Турин, казалось, не замечал этого. Загрустила дочь Короля. Она все больше молчала теперь, и даже красота ее слегка потускнела. Перемены эти не укрылись от любящего взора Гвиндора, и однажды он сказал Финдуилас:

— Славная принцесса! Я не хочу, чтобы между нами лежала тень недосказанности. Моргот разрушил мою жизнь, но тебя я люблю по-прежнему и по праву любви скажу: иди за своим сердцем, но подумай: мудро ли Старшим Детям Илуватара связывать свою судьбу с Младшими? Коротки их дни на этой земле, и разлучаемся мы с ними до конца мира. Конечно, случается всякое, дороги судьбы неисповедимы, но только этот человек — не Берен. Искушенный глаз легко различит знак судьбы, отметивший его, но это — злая судьба. Не касайся ее! Если ты пойдешь за своим сердцем, любовь предаст тебя на горе и гибель. Выслушай мои слова: человек этот действительно окровавленный сын Злой Судьбы, его истинное имя — Турин, сын Хурина, заклятого Морготом на вечные муки в Ангбанде. Враг проклял весь их род. Не искушай же понапрасну мощь Моргота! Посмотри! Это ее отпечаток у меня на лице!

Долго думала Финдуилас, но сказала лишь:

— Турин, сын Хурина, не любит меня и, видимо, никогда не полюбит.

Скоро Турин узнал от принцессы, что имя его открыто. В гневе бросился он к Гвиндору:

— Ты спас и охранял меня, привел сюда — я признателен тебе. Но тем горше получить от тебя такой удар! Вылав мое имя, ты навлек на меня проклятие Моргота, а я надеялся этого избежать.

Гвиндор резонно возразил:

— Но ведь проклятие лежит на тебе, а не на твоем имени. — С этим они разошлись.

Дошло и до Ородрефа, что любезный многим Мормегил на самом деле сын Хурина. Король воздал Турину великие почести, и скоро воин стал одним из самых знатных жителей Нарготронда, но при этом все равно ходил хмурый. Ему не нравилось, как сражаются здешние эльфы. Не по душе были их засады, отравленные стрелы и удары исподтишка. Он стосковался по открытому бою, по честному обмену ударами и постепенно уговорил Короля перейти к прямым боевым действиям. По совету Турина Нолдоры построили широкий крепкий мост через Нарог. По нему большие отряды могли быстро переправляться на другой берег. Скоро весь край от Сириона до Нарога был очищен от слуг Ангбанда. Потом пришел черед Неннин и заброшенного Фаласа. Теперь на Советах Короля Гвиндор неизменно выступал против Турина и открытых атак на врага, но к его словам мало прислушивались, потому что слаб был Гвиндор и не мог подкрепить слова делом. Вскоре Нарготронд утратил все преимущества скрытого королевства и стал доступен гневу и ненависти Моргота. Однако имя Турина вслух не произносилось, хотя молва о его подвигах достигла Дориата, для Короля Тингола воин все еще оставался Черным Мечом Нарготронда.

Стянув немалые силы Врага, Мормегил дал передышку другим землям. Морвену наконец удалось бежать из Дор Ломина вместе с маленькой Ниэнор, и она отправилась в долгий путь к границам Дориата. Там ждало ее новое горе, ибо Турин исчез, и никто не ведал о его судьбе с тех пор, как пропал Шлем Дракона. Все же Морвен с дочерью остались в Дориате. Король и Королева приняли их с большим почетом.

Весной четыреста девяносто пятого года после восхода Луны в Нарготронд пришли два эльфа. Звали их Гелмир и Арминас — родичи Ангрода. После Четвертой Битвы они ушли на юг вместе с Кирдэном Корабелом и теперь принесли из дальних краев вести о полчищах орков и других злых тварей, скопившихся у отрогов Эред Ветрин и в Ущелье Сириона. Еще они говорили, что Владыка Ульмо являлся Кирдэну и предупреждал о великой опасности, грозящей Нарготронду.

— Мы принесли тебе слова Владыки Вод! — сказали они Королю. — Так говорил он Кирдэну Корабелу: Зло с Севера коснулось ключей Сириона и отравило их. Моя сила уходит из пальцев текучих вод... Но грядет горшее зло. Передай Правителю Нарготронда: пусть закроет врата крепости и не покидает ее, а камни своей гордости пусть бросит в быстрые воды, дабы ползучее зло не отыскало дорогу к воротам.

Не на шутку встревожили Ородрефа пророчества, а Турин и слушать их не хотел, не говоря уж о том, чтобы дать ни за что ни про что разрушить огромный мост — свое детище. Гордым, надменным и упрямым становился Турин и во всех делах стремился настоять на своем.

Вскоре после прихода вестников пал в бою Хандир, правитель Бретильских Лесов. Орки вторглись в его владения и оттеснили людей в самые глухие чащи. А осенью огромное войско Моргота неожиданно появилось перед Нарготрондом. Перемахнув через Анфауглиф, в верховья Сириона прорвался Глаурунг, причинив там беды. Он осквернил озеро Ивринь и спалил Охранную Равнину. Воины Нарготронда выступили в поход. По правую руку от Короля скакал Турин. Глядя на прославленного воина, войска укреплялись духом. Однако силы Моргота оказались куда значительней, чем доносили разведчики. А против Глаурунга эльфам и вовсе нечего было выставить. Едва противники сошлись, как Нолдорам уже пришлось отступать. В один день от гордости, славы и военной мощи Нарготронда не осталось и следа. Пал Ородреф, Гвиндор получил смертельную рану. Турин в ужасной гномьей маске, защищавшей от драконьего огня

и наводившей ужас на орков, вынес эльфа из боя и на опушке леса опустил в траву.

Гвиндор открыл глаза.

— Когда-то я нес тебя, теперь — твоя очередь. Но я вынес тебя навстречу злому року, а ты меня и вовсе напрасно. Мне пора уходить из Средноземья, и уходя, я проклинаю день, когда спас тебя, сын Хурина. Если бы не твоя гордыня, я бы и сейчас любил и жил, а Нарготронд стоял бы еще годы и годы. Теперь все кончено. Заклинаю: поспеши в Нарготронд, спаси Финдуилас. И вот что еще скажу я тебе, сын Хурина,— между тобой и проклятием Моргота осталась только принцесса. Если ты не сумеешь спасти ее, то можешь не сомневаться, проклятие найдет тебя. Прощай!

Турин поспешил в Нарготронд. По пути к нему присоединялись воины из разбитых отрядов. Они шли под метелью из желтых листьев, ибо осень готова была вот-вот перейти в суровую зиму.

В этот день удача отвернулась от Нолдоров. Турин опоздал. В Нарготронде еще не успели получить вести о тяжелом поражении, а к воротам уже подступили орды орков во главе с Глаурунгом. Вот когда мост через Нарог сослужил злую службу. Широкий и прочный, он дал оркам возможность с ходу перейти реку. Глаурунг во всей своей огненной мощи снес Врата Фелагунда и проник внутрь.

Картина полного разрушения предстала глазам подоспевшего Турина. Его немногочисленный отряд уже ничего не мог изменить. Занятые грабежом орки попросту не обратили на них внимания. Уцелевших женщин и девушек сгоняли в гурты, готовя к отправке в неволю. Турин словно обезумел. Он шел размеренным шагом по обломкам и осколкам, дымящийся от крови меч был зажат у него в руке, а по сторонам оставались валы вражьих трупов — его никто не мог удержать. Так он прошел по мосту и прорубил дорогу к пленницам. Из пришедших с ним воинов никого не осталось. В этот момент из пролома в стене выполз Глаурунг и улегся поперек моста, отрезав Турину дорогу назад. Он пару раз дохнул черным дымом и вдруг, словно по злому наитию, заговорил:

— Привет тебе, сын Хурина! Вот добрая встреча!

Турин наконец узрел достойного противника. Широкий клинок Гурфанга, пламенея по краям, обрушился на дракона. Глаурунг слегка шевельнулся, подобрав крылья, и подставил под удары грудь, закованную в броню чешуи. Змеиные глаза широко раскрылись и в упор уставились на воина. Турин без страха встретил драконий взгляд и снова занес меч. Но опустить руку уже не смог. Холодные, лишенные век глаза рептилии, обладавшие гипнотической силой, повергли его в оцепенение. Он стоял на мосту, словно великолепное каменное изваяние, недвижим и безгласен, и так же молча лежал перед ним дракон. Наконец Глаурунг снова заговорил, и в его скрежещущем голосе звучала презрительная насмешка.

— Все твои пути ведут ко злу, сын Хурина! Неблагодарный приемыш, разбойник, убийца друга, похититель любви, захватчик Нарготронда, приведший его к гибели, самовлюбленный, спесивый предводитель, предатель собственного рода! Твоя мать и сестра живут в Дор Ломине как рабыни и ходят в лохмотьях, а ты разодет, как князь; они тоскуют по тебе, а ты и думать о них забыл. То-то радости будет отцу узнать о таком сыне! А уж он узнает, непременно узнает!

Голос дракона скрипел и скрипел, зачарованный Турин слушал безжалостные слова и видел себя словно в злом кривом зеркале. Он сам себе был ненавистен в эту минуту. Глаза дракона не отпускали, оцепенение все длилось, а орки, деловито хлопоча, согнали пленниц и, щелкая бичами, повели по мосту, едва не толкая воина. Среди несчастных шла и принцесса Финдуилас, взывая к Турину и умоляя о помощи. Но скоро голос ее и плач остальных затихли за поворотом дороги, ведущей на север. Не в силах освободиться от леденящих, сковывающих пут драконьих глаз, Турин пытался различить вдали звавший его голос и не мог. Всю жизнь мучили его потом отзвуки горестных стенаний Финдуилас.

Наконец дракон отпустил его. Турин шевельнулся и вздрогнул, словно от кошмара, увиденного во сне. Огромная тварь перед ним ждала, с любопытством наблюдая. Турин снова взмахнул мечом. В ответ раздался скрежещущий смех.

— Ищешь смерти, недоумок? Ну что ж, я с удовольствием прикончу тебя. Но вряд

ли это поможет Морвен и Ниэнор. Правда, на вопли этой эльфийской девицы ты и ухом не повел, так, может, и кровные узы для тебя ничто?

Турин изловчился и попытался ударить дракона мечом по глазам. Но тяжелая голова быстро отдернулась, и с высоты снова зазвучал голос.

— Нет, уж это точно: храбрее тебя я никого не встречал. Это гнусная ложь, что мы не ценим доблести своих врагов. Сейчас ты сам в этом убедишься. Я дарю тебе свободу. Иди к своему народу, иди куда хочешь. Ну, иди же! Может, остался какой-нибудь плохонький эльф или человек, чтобы сложить песню об этих днях; они тебя не поймут, если ты сейчас отвергнешь мой дар.

Тогда Турин, еще не оправившийся от оцепенения, решил, что даже драконам ведома жалость. Он повернулся и бросился бежать, а вослед ему несся насмешливый голос:

— Поспеши, поспеши в Дор Ломин, сын Хурина! А то как бы орки еще раз не опередили тебя! И не вздумай догонять пленных, а то тебе никогда не видать ни матери, ни сестры и ко всему остальному добавится их проклятие!

Турин и так спешил. Глаурунг, проводив воина взглядом, удовлетворенно вздохнул. Он выполнил приказ Хозяина и теперь мог заняться любимым делом. Сначала, не торопясь, он выжег окрестности, потом отобрал у орков всю добычу и, не слушая возражений, погнал домой; разломал мост, обрушив его в реку, сгреб все награбленное в кучу и улегся отдохнуть в холодке дальних покоев.

А Турин шел на север. Путь его пролегал по пустынному междуречью Тейглина и Нарога. Он двигался навстречу суровому дыханию зимы, и где бы ни шел, казалось ему, что в лесах и холмах все еще звучит голос зовущей его Финдуилас. Сердце воина разрывалось на части. Ложь Глаурунга жила в нем, вызывая видение орков, громящих дом Хурина, пытающих мать и сестру. И Турин спешил вперед, не оглядываясь.

Вконец измученный долгой дорогой (он прошел без отдыха больше сорока лиг), добрался Турин до озера Ивринь, исцелившего его когда-то. Теперь перед ним лежала скованная первым льдом черная трясина. Здесь уже нельзя было напиться. С трудом преодолев заснеженные перевалы, он спустился в страну своего детства. Голым и бесприютным предстал перед ним Дор Ломин. Отчий дом пуст, разрушен и холоден, поблизости не было ни души. Турин постоял у порога и направился к дому вастака Бродды, мужа своей тетки Айрин. Там от старого слуги он узнал, что Морвен с дочерью давно ушли, а куда — про то ведомо только хозяевам. Турин вошел в дом, выволок Бродду из-за стола и, выхватив меч, потребовал ответа о судьбе жены и дочери правителя. «Они ушли в Дориат, искать Турина! — крикнула перепуганная Айрин, не узнавая его.— Тогда как раз объявился герой с юга, Черный Меч. Он освободил многие земли, вот они и смогли уйти».

С глаз Турина спали последние нити Глаурунговых чар. Боль, ярость, гнев, ложь, на которой его так провели, ненависть к захватчикам, притеснявшим мать и сестру, ударили ему в голову черным неистовством. Он убил Бродду и других вастаков, бывших у него в гостях. Потом, словно затравленный волк, не разбирая дороги, бросился в метель. Его спасли люди из народа Хадора. Тайными тропами, под прикрытием сильного снегопада они привели его к южным отрогам Дор Ломина, где ютились другие изгнанники. Оттуда через некоторое время он снова вернулся в долину Сириона. Скверно было у него на душе. Ничего, кроме новых гонений, не принес он своим соотечественникам. Они не стали его задерживать, когда он уходил. Лишь одна мысль хоть как-то утешала: Айрин сказала — именно Черный Меч дал Морвен возможность уйти в Дориат. «Значит, не все, содеянное мной, вело к худу,— успокаивал он себя.— Даже приди я раньше, мне не найти для матери более надежного убежища. Пока держится Пояс Мелиан, не все потеряно. И лучше, что меня здесь не оказалось. А то, куда бы я ни пришел, всюду за мной следует тень зла. Пусть уж хранит их могущество Мелиан, а мне лучше оставить своих родных в покое!»

Перебравшись через Эред Ветрин, Турин потратил впустую много времени, разыскивая Финдуилас. Он одичал, скитаясь по лесам, вынюхивая следы и устраивая засады на дорогах. Но он опоздал. Зима вступила в свои права, не оставив ему надежды. Однажды случилось ему вызволить несколько человек из Бретильских Лесов, окруженных орками. Большого труда это не потребовало, потому что орки, признав Гурфанг, в ужасе разбежались. Турин назвался Лесным Дикарем. Люди просили его остаться с ними, но он отказался. Видя их огорчение, Турин стал объяснять, что не выполнил пока своего обета разыскать дочь Короля Ородрефа Финдуилас. Услышав это, предводитель людей Дорлас рассказал Турину о смерти принцессы. Еще осенью лесовики выследили банду орков, угонявших пленных из Нарготронда, надеясь отбить их. Но как только они напали, орки безжалостно прикончили всех пленников, а Финдуилас пригвоздили копьем к дереву. Многие слышали ее последние слова: «Передайте Мормегилу, что я здесь». «Могила ее неподалеку отсюда,— сказал Дорлас.— Мы назвали это место Хауд-эн-Эллеф, Курган Эльфийской Девы». Турин попросил проводить его туда. Поднявшись на холм, он потерял сознание от горя и долго лежал в глубоком обмороке. Дорлас давно уже догадался, кто забрел к ним в лесную глушь. Гурфанг и упоминание об эльфийской принцессе красноречиво называли Мормегила из Нарготронда, а по слухам — сына Хурина из Дор Ломина. Лесовики подняли бесчувственного Турина и отнесли к себе. Жили они на Амон Обел, в самом глухом углу Бретильского Леса. От народа Халефь осталось немного. Правил ими ныне Брандир, сын Хандира. Был он склада совсем не воинственного, да еще хромой с детства, поэтому рассчитывал больше не на военную доблесть, а на хитрость и тайные укрытия, благодаря чему и сохранил остатки своего народа. Рассказ Дорласа напугал его, а когда увидел Брандир лежащего на носилках воина, нехорошее предчувствие сжало ему сердце. Тем не менее он принял Турина под свой кров и, будучи искусным целителем, выхаживал его. С началом весны больной стал поправляться и скоро встал на ноги. Турин хотел остаться с народом Халефь, затеряться в безвестности и тем самым попытаться избавиться от своего рока. Он взял новое имя — Турамбар, что на эльфийском наречии означало «Претерпевший от судьбы», и просил лесовиков забыть, что он — не родня им. Однако совсем отказаться от ратных дел не мог. Ему мучила и жгла мысль о том, что орки беспрепятственно шляются через Перекресток Тейглина и подходят к самой могиле Финдуилас. Гурфанг он отложил, но с копьем и луком скоро так проучил лиходеев, что они зареклись соваться туда.

Пришло время, и в Дориате узнали о печальной судьбе Нарготронда. Немногие уцелевшие Нолдоры, проскитавшись зиму в глуши, добрались до владений Тингола. Пограничные дозоры доставили их к Королю, но из сбивчивых рассказов непонятно было, как обстоят дела сейчас. Одни говорили, что враги ушли на север, другие, напротив, утверждали, что Глаурунг до сих пор обитает в развалинах Нарготронда, а Мормегил, зачарованный драконом, так и стоит на мосту, обращенный в камень. Но и те и другие сходились в одном: в Нарготронде знали, что Мормегил — не кто иной, как Турин, сын Хурина из Дор Ломина.

Морвен, узнав об этом, словно обезумела. Не слушая уговоров Мелиан, она вскочила на коня и бросилась на поиски. Вдогонку ей Тингол послал Маблунга с небольшим отрядом, наказав охранять Морвен и заодно собирать сведения о том, что же происходит в мире на самом деле. Ниэнор Король приказал остаться дома. Однако недаром у нее в жилах текла кровь Дома Хадора. Ниэнор, надеясь образумить мать, переоделась эльфом и ушла с Маблунгом.

Сначала им повезло — они отыскали Морвен на берегу Сириона. Но как Маблунг ни убеждал ее вернуться в Менегрот, женщина, почти потерявшая рассудок, не соглашалась. А тут еще в отряде обнаружилась Ниэнор. Морвен велела ей немедленно возвращаться, но дочь оказалась такой же несговорчивой. Пришлось Маблунгу идти вперед. Тайной переправой у Сумеречных Озер они выбрались на другой берег Сириона и на третий день пути поднялись на Амон Этир, Дозорный Холм, давным-давно воздвигнутый Фелагундом на подступах к Нарготронду. Маблунг запретил женщинам трогаться с места, оставил при них охрану, а сам, не заметив в окрестностях никаких признаков врага, осторожно отправился с разведчиками к берегу Нарога.

Глаурунг давно наблюдал за ними, постепенно сатанея от одного вида эльфов. Он так распалился, что решил остыть и заполз в реку, подняв огромную тучу пара. Маблунг с разведчиками сразу потеряли друг друга и не могли оты-

скать дорогу, блуждая чуть ли не ощупью в густых зловонных испарениях. Глаурунг тем временем выполз из реки на противоположный берег.

Воины, оставшиеся на Амон Этир, заметили дракона и пытались увести Морвен с дочерью, но тут ветер принес к холму злой туман с реки, лошади обезумели, учуяв дракона, и понесли. Некоторые всадники разбились о деревья, прочие были рассеяны по равнине. В Дориате так и не узнали, что сталось с Морвен. Ниэнор же в самом начале упала с лошади, а когда пришла в себя, то вернулась к Амон Этир, надеясь дождаться там Маблунга. Ей удалось выйти из густых испарений на солнечный свет. Прямо перед ней был склон, поросший зеленой травой. Поднявшись на вершину холма и взглянув на запад, она вскрикнула от ужаса. На нее смотрели в упор немигающие холодные глаза дракона.

Минуту или две Ниэнор успешно сопротивлялась колдовской силе драконьих глаз, но дракон сумел проникнуть к ней в душу, понял, кто она, и поверг Ниэнор в кромешную **тьму** и беспамятство. Она забыла свое имя, забыла родной язык, забыла, **откуда** пришла и где жила до этого. Много дней спустя она все еще ничего не видела, не слышала и не могла шевельнуться по своей воле. Глаурунг так и оставил ее стоять на вершине холма, а сам вернулся в логово в развалинах.

Маблунг не терял времени. Пока не было дракона, он сумел осмотреть Нарготронд и убраться до возвращения нового хозяина. Вернувшись на Амон Этир уже заполночь, Маблунг нашел там только несчастную Ниэнор, каменным истуканом стоявшую под звездами. Она не слышала, не видела, не говорила, но если ее брали за руку, покорно шла, куда вели. Маблунг отчаялся вернуть в чувство бедную девушку. После того, что он увидел в Нарготронде, воин слегка пал духом и теперь был убежден: и он сам, и Ниэнор сгинут в глуши, где неоткуда ждать помощи.

Однако скоро им повстречалось еще трое воинов, и потихоньку они вместе начали двигаться в сторону Дориата. Постепенно силы возвращались к Ниэнор. Но только на границе, у самого Пояса Мелиан, она смогла наконец закрыть широко открытые все это время незрячие глаза и тут же уснула, упав на траву. Спутники ее, забыв о всякой осторожности, тоже пристроились отдохнуть рядом с ней. Но в сумерках на них наткнулась рыскавшая в этих местах небольшая ватага орков. Именно в этот час Ниэнор обрела утраченные зрение и слух. Увидев девушку, злыдни заорали торжествующе и разбудили путников. Ниэнор вскрикнула и легко, словно лань, порхнула в чащу. Орки кинулись было за ней, но в азарте не заметили эльфов. Маблунг с товарищами догнал и перебил их всех. Ниэнор они не нашли.

Бедняжка от страха потеряла остатки рассудка и мчалась через лес, забыв обо всем на свете. Ветви деревьев изорвали ее одежду, а она, нагая, все бежала и бежала, словно диковинный лесной олень. После долгих безуспешных поисков Маблунгу ничего не оставалось делать, как вернуться в Менегрот и рассказать о случившемся. Король и Королева были очень опечалены. Маблунг же ушел из Дориата, виня себя в происшедшем и решив не возвращаться, пока не разыщет пропавших женщин.

Когда, наконец, силы оставили Ниэнор, она в изнеможении упала на землю. Тяжелый сон тут же сморил ее, и только взошедшее солнце заставило открыть глаза. Пятна света лежали на траве, и девушка долго забавлялась с солнечными зайчиками. Все было ей внове, все незнакомо. Она ничего не помнила. Только мрак, потом — свет и страх, и вот теперь это непонятное зеленое и яркое. Она кралась между деревьев, чувствуя усиливающийся голод, но как и где найти пищу, не знала. Судьба привела ее к Перекрестку Тейглина, она с опаской перешла его и поспешила укрыться под деревьями Бретильского Леса. На открытом пространстве ей было неуютно — напоминал о себе недавний мрак.

С юга заходила сильная гроза. Первые раскаты грома застали бедняжку на вершине кургана Хауд-эн-Эллеф. Она в ужасе упала на траву, зажимая уши руками. Хлынул ливень. Холодные струи дождя больно хлестали тело, и она лежала, словно умирающий зверек.

Так и нашел ее Турин Турамбар, вышедший к Перекрестку проверить слух о появившихся орках. При вспышке молнии на кургане Финдуилас он заметил маленькую обнаженную фигурку, и что-то кольнуло его в сердце. Люди подняли несчастную, Турин набросил на нее свой плащ, а в ближайшей хижине девушку отогрели и накормили. Она во все глаза смотрела на Турина, словно отыскала наконец что-то важное, утраченное во тьме беспамятства, и не отходила от него ни на шаг. Турин попробовал расспросить, кто она и что привело ее в эти места, но Ниэнор разволновалась, как ребенок, который видит, что взрослые хотят от него чего-то, о чем он не имеет понятия, и вдруг расплакалась. Турин попытался успокоить ее, ласково погладил по волосам и сказал:

— Не беда! С рассказом можно и подождать. Но не можешь же ты ходить без имени. Давай я назову тебя Ниниэль, Мокроглазка.

Бедная Ниэнор покачала головой и медленно повторила за ним: «Ни-ни-эль». Это было первое слово, произнесенное ею после встречи с драконом, так оно и осталось ее именем у лесного народа.

На следующий день люди повели ее домой. Когда они проходили мимо Дождевых Порогов у впадения Келеброса в Тейглин, Ниниэль охватила такая дрожь, что потом это место прозвали Нен Гирит, Дрожащая Вода. Видно, ливень на кургане Финдуилас не прошел даром. Она простыла. До Амон Обел ее пришлось нести на носилках в сильном жару. Там за нее взялись знахарки, выхаживая и одновременно обучая языку, словно малое дитя. Им помогал правитель Брандир, и еще до прихода осени от болезни не осталось и следа. Теперь Ниниэль могла говорить, но все равно ничего не помнила из своей прежней жизни. Брандир полюбил ее, сама же Ниниэль всем сердцем полюбила Турамбара.

В этот год орки почти не беспокоили лесной народ, и Турин подолгу оставался в селении. Он тоже полюбил Ниниэль и как-то раз завел с ней разговор о женитьбе. Незадолго до этого Брандир, предчувствуя неладное, уговорил ее повременить с замужеством, и она отказала Турамбару, хотя и против своего желания. Брандир назвал девушке настоящее имя воина. Оно, конечно, ничего не говорило Ниниэль, и все-таки она почему-то обеспокоилась.

Минуло три года после падения Нарготронда, и вот Турин снова стал просить Ниниэль выйти за него замуж. Он клялся, что, получив отказ, навсегда уйдет в дебри сражаться с орками. На этот раз Ниниэль с радостью согласилась. В середине лета в селении состоялся большой брачный пир.

Осень прошла спокойно. Но в преддверии зимы Глаурунг послал против лесного народа большую банду орков. Турамбар, давший жене обещание не браться за оружие, пока не возникнет угрозы самому поселению, остался дома. Дружина Дорласа потерпела поражение, и Дорлас горько упрекал Турамбара за нежелание помочь народу, принявшему его как родного. Тогда Турин достал свой Черный Меч, собрал отряд и уничтожил орков. Скоро до Глаурунга дошли вести о том, что Черный Меч объявился в Бретильских Лесах и снова в бою. Глаурунг поразмыслил и задумал новое зло.

Весной следующего года Ниниэль понесла. Она подурнела и стала печальной. В это время пришли первые сообщения о том, что Глаурунг вылез из своего логова в Нарготронде. Теперь военными делами лесного народа безраздельно ведал Турамбар. Он сразу же разослал разведчиков, чтобы следить за действиями дракона. Вести не заставили себя долго ждать. В конце лета Глаурунг подобрался к самому Бретильскому Лесу и устроил лежку на западном берегу Тейглина. Страх обуял лесной народ. Ясно было, что не сегодня-завтра надо ждать нападения Великого Змея. Если сначала и оставалась надежда на его возвращение в Ангбанд, то теперь она угасла. Лесовики попросили у Турамбара совета. Он сказал, что в открытом бою дракона не победить, рассчитывать можно только на хитрость и удачу, и решил сам попытать счастья, а жителям велел готовиться к бегству, справедливо рассудив, что если у него ничего не получится, то не станет Глаурунг гоняться по лесу за отдельными людьми.

Турин предложил смельчакам пойти с ним, но кроме Дорласа желающих не нашлось. Дорлас, закаленный боями и походами воин, принялся стыдить лесовиков и поносить Брандира, не озаботившегося наследником для Дома Халефь. Брандир стоял как оплеванный. Тогда вперед выступил Хунтор, близкий родич правителя, и вызвался сопровождать Турамбара, чтобы поддержать честь Брандира.

Турин простился с женой. Ниниэль мучили дурные предчувствия, поэтому расставание было тягостным. Наконец Турамбар с двумя спутниками направился к Нен Гирит.

Как только он ушел, невыносимый страх овладел Ниниэль. Она не могла сидеть сложа руки в ожидании вестей от мужа и отправилась за ним следом. В остальных жителях, видно, тоже заговорила совесть, и они собрали отряд в помощь Турамбару. Сколько ни отговаривал их Брандир, они только смеялись над ним. Тогда он отрекся от власти, не захотев управлять народом, не считавшимся с его волей. Только от любви к Ниниэль он отречься не мог и, опоясавшись мечом, отправился вслед за ней. Однако из-за хромоты сразу и далеко отстал.

Турамбар достиг Нен Гирит на закате. Отсюда было хорошо видно, что дракон обосновался на обрывистом берегу Тейглина и, похоже, к ночи собирается действовать. Под ним, далеко внизу, в ущелье, мчался быстрый поток. Берега ущелья здесь сужались, загнанный олень, пожалуй, отважился бы перескочить его. Турамбар решил спуститься вниз, перебраться через реку и напасть на дракона с тыла, откуда тот не ожидает опасности. Так он и сделал. Когда спустились к воде, Дорлас не решился войти в ревущую стремнину и со стыдом повернул назад. Турамбар и Хунтор переправились благополучно. Здесь можно было особенно не бояться. Шум воды покрывал все звуки, да к тому же Глаурунг спал. Но вот перед полуночью он пробудился. Шипя и фыркая, чудовище стало перебираться через ущелье. Вытянув вперед шею, оно зацепилось головой за тот берег и потихоньку подтягивало туловище. Турин и Хунтор в это время только начали подъем, задыхаясь от жара и вони, исходивших от дракона. Ползущее чудовище вызвало самый настоящий камнепад, и один из камней убил Хунтора. Тело его рухнуло в воду и исчезло, подхваченное стремительным потоком.

Турамбар, собрав волю и мужество, быстро поднялся наверх как раз под середину драконьего туловища. Не раздумывая, он выхватил Гурфанг и со всей силой давней ненависти вонзил его по рукоять в мягкое брюхо. От этой смертельной раны Глаурунг взревел во много раз громче реки внизу и, подпрыгнув, перемахнул ущелье. Страшный хвост хлестал по сторонам, дробя камни, огонь непрерывной струей рвался из пасти. Но бушевал он недолго и скоро затих.

Меч так и остался в брюхе дракона. Не желая расставаться с ним, Турин снова проделал опасный путь вниз и вверх. Глаурунг лежал, вытянувшись во всю длину и завалившись на бок. Турамбар ухватился за рукоять и, упершись ногой в брюхо дракона, воскликнул:

— Привет, Змей Моргота! Вот добрая встреча! Околевай здесь, мрак тебя возьми! Теперь ты знаешь, какова месть Турина!

Он рванул меч, и из раны ударил фонтан черной, горячей и ядовитой крови. Турин почувствовал страшный ожог, а тут еще Глаурунг открыл глаза и так взглянул на Турамбара, что воин выронил меч и рухнул как подкошенный.

Предсмертный вопль Великого Змея разнесся далеко окрест. Его услышали люди у Нен Гирит. Они видели пожар, видели, как взлетают камни там, где бился дракон, и решили, что он торжествует победу, а воины погибли. Как только голос Глаурунга достиг ушей Ниниэль, ноги ее подкосились, и знакомый мрак застлал глаза. Она впала в прежнее оцепенение и не могла шевельнуться.

В таком виде и нашел ее Брандир, когда доковылял наконец до Нен Гирит. Ему рассказали, что дракон перебрался через ущелье, а Турин и его товарищи, видимо, погибли. Брандир преисполнился жалости к Ниниэль, но тут же мелькнула у него и такая мысль: «Турамбар мертв, а Ниниэль жива. Надо увести ее, может, мы еще спасемся вдвоем». Он взял ее за руку и сказал: «Идем! Идем скорее!» Не отвечая, она безвольно поднялась и покорно пошла за ним. В наступившей темноте их ухода никто не заметил.

Они спускались по тропинке к Перекрестку. В это время взошла луна, и на землю лег серый призрачный свет. Ниниэль очнулась и спросила: «Куда мы идем?» Брандир озабоченно пробормотал, что есть лишь один путь — бежать от дракона со всех ног, но Ниниэль остановилась и вырвала руку.

— Черный Меч был моим мужем. Я пойду только к нему. Куда мне еще идти? — сказала она удивленно, но твердо, и быстро пошла вперед.

В лунном свете перед ней поднималась вершина Хауд-эн-Эллеф, и внезапно женщину охватил страх. Она вскрикнула и, уронив с плеч плащ, бросилась бежать. Ее фигура мелькала белым пятном на берегу реки. Брандир поспешил ей наперерез, но куда было хромому угнаться за испуганной женщиной! Он едва доковылял

до середины, когда Ниниэль уже добралась до обрыва. Даже не взглянув на тушу поверженного чудовища, она бросилась к Турамбару, неподвижно лежавшему рядом. Она звала мужа, но он не отвечал. Заметив обожженную ядом руку, она омыла ее слезами и перевязала полосой, оторванной от своей одежды. И все время звала Турамбара, плача и причитая. Крики ее дошли до угасающего сознания Глаурунга. Он шевельнулся едва заметно и, чуть приоткрыв глаза, слабо прошелестел:

— А-а, Ниэнор, дочь Хурина! Опять мы встретились... Теперь уже в последний раз. Видишь, я принес тебе радость: ты нашла наконец своего братца. Но ты не знаешь его, послушай, я расскажу... Вот он лежит, подлый ночной убийца, вероломный с врагами и бесчестный с друзьями, проклятие Дома Хурина. Но худшее из его злодеяний ты носишь в себе,— с этими словами Великий Змей затих навсегда.

Пелена его злобы спала с разума бедной женщины, и она вспомнила всю свою жизнь... Тогда долгим взглядом посмотрела она на мужа и медленно проговорила:

— Прощай, о дважды любимый! Прощай, Турин Турамбар, побежденный судьбой. Какое счастье быть мертвым!

Все это слышал Брандир, который как раз взбирался на обрыв. Он заспешил, сообразив, к чему ее горькие слова, но и тут опоздал и успел лишь увидеть, как, обезумев от нестерпимой муки, метнулась Ниэнор к краю пропасти и исчезла. Ни крика, ни звука падения не разобрать было в реве бушующей внизу воды.

Брандир осторожно приблизился к краю и заглянул вниз, но тут же отпрянул и отошел подальше. Теперь и он не дорожил жизнью, но искать смерти в пенных водах внизу тоже не собирался.

С тех пор в это ущелье никто не заглядывал. Даже птицы и звери избегали его. Ни дерево, ни былинка не оживляли обрыв, прозванный Кебед Наэрамарт, Утес Обреченных.

Брандир вернулся к Нен Гирит. Там ведь оставался его народ. В лесу он встретил Дорласа и убил его. Это была первая и последняя кровь, пролитая правителем народа Халефь. Когда он подошел к людям, они закричали ему:

— Ниниэль пропала! Ты не видел ее?

Тихо ответил Брандир:

— Ниниэль не придет больше. Дракон мертв. И Турамбар мертв. Это — добрые вести.

Слова его вызвали глухой ропот. Люди решили, что он сошел с ума. Но Брандир поднял руку, требуя внимания, и продолжал:

— Слушайте меня, люди народа Халефь! Выслушайте меня до конца. Моя любимая Ниниэль мертва. Она бросилась в воды Тейглина, потому что не хотела жить больше, когда узнала свое настоящее имя — Ниэнор, дочь Хурина из Дор Ломина. А еще она встретилась со своим братом. Вы знаете его. Это Турамбар, который раньше носил имя Турина, сын Хурина.

Правитель умолк. Многие плакали. И в этот момент перед ними предстал Турин. Со смертью дракона кончилось действие чар, забытье сменилось глубоким сном, навеянным страшной усталостью. Ночной холод и рукоять Гурфанга, больно упиравшаяся в бок, пробудили его. Прежде всего Турину бросилась в глаза его перевязанная рука. Значит, кто-то позаботился о нем? Но тогда почему же его оставили здесь, на холодных камнях? Он позвал, но ответа не получил. Тогда, страдая от боли в руке, он поднялся и побрел к людям. Но когда предстал перед ними, от него шарахнулись, как от призрака. Это удивило его. Он громко воскликнул:

— Радуйтесь, люди! Дракон мертв, а я жив! Но зачем вы пришли сюда? И где Ниниэль? Я хочу видеть ее. Неужели и она пришла с вами?

Брандир горестно покачал головой и сказал, что Ниниэль, хоть и пришла вместе с ними, но теперь мертва. Тогда жена Дорласа воскликнула:

— Не слушай его, Турамбар! Он рехнулся! Ведь он только что сказал, что ты тоже мертв! И еще назвал это доброй вестью! Но ты же живой!

Ярость охватила Турина. Он решил, что Брандир лжет из зависти к нему, к его любви и семейному счастью. Гневно заговорил он с правителем, обвиняя в злых кознях и понося за слабость и увечье. В ответ Брандир поведал услышанное на обрыве. Он назвал Ниниэль настоящим именем и с болью выкрикнул

в лицо Турину последние слова умирающего Глаурунга, назвавшего Турина проклятьем рода, приносящим зло всем, кто приютит его.

Турамбар совершенно обезумел. Он явственно различил в словах правителя победные шаги Рока, наконец-то настигшего его. Уже не рассуждая, он обвинил Брандира в смерти Ниниэль и в том, что он возвел гнусную ложь, стремясь очернить Турина и прикрываясь словами дракона, которых больше никто не слышал. Все больше распаляясь, Турамбар проклял Брандира и убил его, а потом скрылся в лесу. Некоторое время спустя безумие оставило его. Тогда он пришел на Хауд-эн-Эллеф и сел там, горестно размышляя о своей злосчастной судьбе. Он взывал к памяти Финдуилас, прося у нее совета, идти ли ему в Дориат, к родным, либо искать смерти на поле брани. Долго сидел он на холме, глубоко задумавшись.

Тем временем через Перекресток с отрядом Серых Эльфов проходил Маблунг. Он издали заметил Турина, подбежал и радостно приветствовал. Прослышав о появлении Глаурунга, он как раз шел предупредить Мормегила, чтобы тот был настороже, и, если нужно, помочь. Турин выслушал его и вздохнул.

— Вы опоздали. Дракон мертв.

Сначала эльфы не поверили, потом сочли это чудом и стали славить беспримерный подвиг, но он равнодушно отмахнулся и только спросил:

— Скажи мне, правда ли, что мои родные в Дориате? Я слышал в Дор Ломине, что они ушли туда...

Смутился Маблунг, но волей-неволей пришлось рассказать, как пропала Морвен, как дракон наслал чары забвения на Ниэнор и как исчезла она возле самой границы Дориата.

После такого рассказа у Турина не осталось сомнений в том, что злой рок настиг его. Напрасно он убил Брандира. Сбывались слова Глаурунга. Словно безумный, расхохотался Турин и воскликнул:

— Вот уж действительно злая насмешка!

Потом он посоветовал Маблунгу убираться в свой треклятый Дориат.

— Будь проклята твоя помощь! Только ее мне и не хватало! — вскричал он. — Ну теперь-то чаша полна! Ночь наступает!

С этими бессвязными выкриками он бросился бежать с холма. Эльфы, недоумевая, какая муха его укусила, поспешили за ним. Турин мчался как ветер и, взбежав на вершину обрыва, услышал рев воды внизу. Тогда он вынул меч — последнее свое достояние — и обратился к нему:

— Приветствую тебя, славный Гурфанг! Ни чести у тебя, ни совести. Тебе все равно, чью кровь проливать. Так не возьмешь ли мою, Турина Турамбара? Верным ли будет твой последний удар?

И вдруг клинок отозвался холодным, звенящим голосом:

— Я с радостью приму твою кровь, Турин Турамбар! Она нужна мне, чтобы забыть кровь господина моего Белега, чтобы забыть кровь несчастного Брандира. Да, я убью тебя быстро!

Тогда Турин упер рукоять меча в землю и бросился на него. Черный Меч взял его жизнь. Маблунг, подоспевший с эльфами к скорбному месту, остановился пораженный. Перед ним высилась туша дракона, а рядом лежал несчастный Турин. Подошли люди народа Халефь и поведали, что знали. Маблунг горько произнес:

— Значит, и я был орудием судьбы для детей Хурина. Воин, любезный моему сердцу, пал, сраженный моими словами.

Вместе они подняли тело Турина и увидели, что от Гурфанга остались одни обломки. Эльфы принесли на обрыв много дров и, сложив огромный костер, спалили тушу Глаурунга дотла. Турина положили на высоком обрыве вместе с ножнами Гурфанга и затянули над ним долгий погребальный плач. Потом воздвигли над воином большой серый камень. На нем рунами Дориата высечены слова: «Турин Турамбар, победитель дракона», а чуть ниже: «Ниэнор Ниниэль», хотя это и неправда, ибо Тейглин никогда не выдал тайны, где покоится ее тело. ●

Перевод Н. ГРИГОРЬЕВОЙ, В. ГРУШЕЦКОГО

И. Дьяконов, доктор исторических наук

Как мы говорим по-русски

В дни моего детства — во втором и третьем десятилетиях двадцатого века — первым чтением для ребенка были «Крокодил» Чуковского и басни Крылова, позже для нас открывались Пушкин и Лермонтов. «Крокодил» затем вышел из детского обихода, потому что не переиздавался — в нем без осуждения упоминались городовой и рождественский сочельник. Городовой считался едва ли не главным оплотом ненавистной царской власти, и сомнительно, чтобы кто-либо из этой профессии пережил гражданскую войну. Городовых сменили милиционеры. Кстати, почему во всех странах, даже марксистских, существует полиция, а у нас — милиция? Потому что у нас полиция была первоначально вовсе отменена как буржуазное утеснение, а так как оберегать граждан все-таки было нужно, то первыми охранителями порядка стали добровольцы-ополченцы из рабочих — «милиционеры». Дело в том, что «милиция» значит то же, что «ополчение». Милиционеры давно из ополченцев стали профессионалами, но слово «полиция» у нас все еще считается звучащим реакционно.

Рождество тоже было отменено, хотя моя тетя, бывало, сама приносила мне елку из лесу, и при плотно закрытых занавесках мы зажигали сохранившиеся свечи и вешали на ветки-лапы сохранившиеся блестящие шары. И читали «Крокодила» с иллюстрациями Ре-Ми.

Как главный детский писатель воспринимался Крылов, недаром в Летнем саду он вылеплен окруженным детишками. Почему он перестал им быть? И об этом, между прочим, пойдет сейчас речь.

Не надо говорить, как много изменилось вокруг нас, здесь остановимся только на одном — как изменился язык.

Язык всегда меняется, такова его природа. Французский язык был когда-то народной латынью. Возьмем, скажем, предложение «Я прихожу из нового города». По-французски это будет «Жё вьен дюн вилль нуаелль», что в предке французского — народной латыни — должно было звучать: «(Эго) вени де уна вилла новелла». Слова сохранились, но стянулись, сократились, видоизменились. Хотя вообще-то в литературной латыни это надо было сказать не совсем так. Слово «я» (французское «жё») в этой фразе было лишнее, так как первое лицо уже содержалось в глаголе, который меняется по лицам: вени — «я прихожу», венис — «ты приходишь», венит — «он приходит»; во французском местоимение нужно, потому что глагол вьен в произношении по лицам не меняется. К тому же вилла в старой литературной латыни значило не «город», а «поместье», и новелла — не «новая», а «юная».

Еще раз подчеркнем, что подобное развитие — удел всех вообще языков. Оно заметно в русском языке. И потому-то наши дети и не читают Крылова — непонятно! «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру» — при чем тут Бог? Идиом «Бог послал», означающий «где-то достала», вымер в нашем языке. Или еще «На ту беду лиса близехонько бежала» — на какую это беду?

И Пушкин, которого я в детстве читал, не замечая, что он-то писал восемьдесят лет назад, сейчас уже звучит по-старинному и поэтому несколько приподнято, и у него уже не все понятно сегодняшнему молодому читателю. Это и неудивительно, ведь писал Пушкин уже более полутораста лет назад. Мне самому восьмой десяток, и я совсем не понимаю многих слов из того, что говорит вокруг меня молодежь.

Не будем говорить об изменении самих вещей и понятий вокруг нас, поговорим лишь о русском языке как таковом. Сидя у телевизора, я записывал словоупотребление наших парламентариев и старался сопоставить его со словоупотреблением моих родителей, младших современников Чехова, во всяком случае говоривших на его русском языке. В основных чертах тот же язык засвидетельствован еще сравнительно недавно в академическом четырехтомном «Словаре русского языка» (Москва, 1981—1984 годы). При этом я совсем не собираюсь

В. Степанова.
«Визуальная поэзия», 1918 год.

противопоставлять «правильное» словоупотребление «неправильному», а только буду отмечать, как «сейчас говорят» и как «мы говорили». Представляю мои наблюдения на суд читателя.

Некоторые изменения вызваны вполне определенным фонетическим, а вслед за тем и морфологическим развитием. Кому еще приходилось слышать речь русских эмигрантов первой волны — речь, консервировавшую языковую норму начала века, тот помнит, как ясно они выговаривали гласные: «ка-ро-ва, ка-ро-ве, ка-ро-вы, па-жа-луй-ста». Мы же только выписываем все гласные, а в беглой, то есть обычной, речи у нас уже все стянуто: «кыровъ, кыровь, кыровъ, пжалсть» (твердый и мягкий знаки здесь условно означают так называемый беглый или неопределенный гласный, нечто среднее между очень коротким *э* или *е* и очень коротким *ы*). Такие стяжения встречаются и в стихах молодых поэтов. Приходится читать и слышать даже «мам» вместо «мама» вопреки общему правилу, по которому слова женского рода кончаются на *а*, *я* или *ь*.

И поскольку в нашей нынешней речи плохо слышны падежные окончания, постольку их приходится заменять совершенно новыми предлогами. Это тоже общее явление в истории языков. Скажем, плохо слышен дательный падеж. Примерно с сороковых годов вместо него употреблялся составной предлог «по адресу»: «Он сказал по адресу своего товарища». Но выражение «по адресу» как предлог не могло выжить, в нем четыре слога, а предлог нужен односложный. И вот совсем недавно появился, и уже навеки, чудовищный, на мой стариковский слух, односложный предлог *вáдрьс* (пишется «в адрес»): «Он сказал в адрес товарища» (вместо «товарищу»). Можно даже с трибуны парламента произнести: «Он сказал в адрес работы этой комиссии».

Предлог «от» для выражения притяжательности употреблялся ранее только в выражении «генерал от инфантерии». Теперь, поскольку разница между родительным и другими падежами неясно слышна, можно сказать «человек от науки» и даже «человек от добродетели» (точно так же, как введен во французском *de*, в английском *of* и в немецком *von*).

Дальнейшим и совершенно неизбежным этапом развития русского языка будет падение всех конечных неударных гласных, что и произошло с латынью, когда она превращалась во французский, со старогерманским, когда он превращался в немецкий и английский, с древнеперсидским, когда он превращался в таджикский, — примерам несть числа.

По истории других языков известно, что именительный падеж имеет тенденцию заменяться косвенным. Этого явления в русском, видимо, не будет наблюдаться, потому что быстрый процесс исчезновения всякого конечного гласного опередит его.

Все это будет обязательно, если человечество просуществует еще, скажем, двести — триста лет. Конечно, это будет трагедией для великой русской поэзии, которую, как латинскую, будут читать только специалисты — филологи. Толстого и Достоевского можно будет перевести, а вот Пушкина перевести будет очень трудно.

Еще одна существенная особенность русского языка — свобода ударения, оно может лежать в слове на любом слоге, и по написанному нельзя определить, где ставится ударение. Между тем многие слова русского литературного языка наш современник знает только из книг и газет. Наше свободное ударение — пережиток музыкальных тонов, имевших свою роль в древнем языке, но сейчас оно лишь довольно редко несет какую-либо смысловую нагрузку (как в случае пáрит и парúт, стóит и стоúт). Все языки со свободным ударением рано или поздно переходят на ударение, фиксированное на определенном слоге, в том числе и языки славянские: польский фиксировал ударение на предпоследнем слоге, чешский — на первом.

В русском языке этот процесс тоже начался; язык находится в переходной стадии: ударение, особенно в относительно менее употребительных (книжных) словах, имеет тенденцию падать на второй слог от конца в именительном падеже, и это ударение остается на том же самом слоге и во всех остальных падежах, даже двусложных. Есть и другие изменения: некоторые слова переменили значение, некоторые заменены на иные, возникли новые слова для старых понятий (что новые понятия требуют новых слов, ясно само собой). В число новых слов я не включаю те, которые возникли, скажем, после Пушкина, но до Чехова.

И еще хотел бы сказать. Язык — это живая, постоянно меняющаяся и очень чувствительная стихия. Чувствительная к малейшим изменениям — социальным,

«Алфавит и веселая усмешка». Скульптуру «тающего монолита» создал художник К. Олденбург.

экономическим, политическим, психологическим. Она фиксирует, скажем, изменения между поколениями, фиксирует малейшую перемену в отношении людей к деньгам, идеалам, идеологиям, политике и т. д. Появляются новые слова, очень точно фиксирующие смысл, понимание этого смысла человеком — носителем и постоянным творцом языка. Жаргон — тоже язык, он обостряет, обнажает смыслы и, безусловно, воздействует на язык литературный, и этого воздействия избежать невозможно. Наверное, не следует и стремиться к этому. Однако есть вещи, против которых хотелось бы восстать: первая — откровенная безграмотность, к сожалению, сейчас очень заметная, потому что радио, телевидение стали трибуной любого и каждого. И вторая — канцеляризм. То, что высушивает язык, лишает его живых соков, теплоты, а подчас и смысла.

А сейчас я хочу привести, небольшой, очень неполный список изменений в русском языке — лексических, морфологических и синтаксических, — происшедших за последнее поколение. Пишу в два столбика и в соответствии с орфографией, беглых гласных не отмечаю. «Сейчас говорят» означает «записано со слов одного или нескольких парламентариев»; «мы говорили» означает не только то, что так говорили мои родители и говорю я, но и что так по большей части записано в академическом «Словаре русского языка».

А. Слова, где переменилось ударение

Сейчас говорят	*Мы говорили*
А́гент	Аге́нт
Бря́цать	Бряца́ть
Го́стям (дательный падеж множественное число)	Гостя́м
Доку́мент	Докуме́нт
Марке́тинг	Ма́ркетинг (*англ*).
Мучени́чьский	Му́ченический (сравните: ученический)
Намере́нье	Наме́рение
На́чать (но нача́л)	Нача́ть (но начал)
Нена́вистъ	Не́нависть
Нуво́риш	Нувори́ш (*франц.*)
Обле́гчить	Облегчи́ть
Пара́лич	Парали́ч
Послу́шник	По́слушник
При́нять (но принял)	Приня́ть (но при́нял)

Аа. Изменение ударения против правила

Сейчас говорят	*Мы говорили*
Геликоптёр (по аналогии с монтёр, ухажёр и т. п.)	Гелико́птер (от греческого «винтокрыл»)
За́видно (из местного говора)	Зави́дно
Йскра́ (из профессионального говора)	Йскра

Б. Синтаксические изменения

В этот раздел мы относим самые различные случаи изменения синтаксического управления. Бросается в глаза, что винительный падеж после глагола в разговорной речи почти, как правило, отмирает, переходные глаголы становятся непереходными, при этом стирание падежных окончаний приводит к неумеренному распространению предлогов, даже и в тех случаях, когда предлог не заменяет какой-нибудь отмерший падеж. Изменяется падежное управление, союзное сочинение, исчезает склонение числительных и т. п.

Сейчас говорят	*Мы говорили*
Амнистия кого	Амнистия кому (амнистировать кого)
Бросить на культуру	Направить на культурную работу
Было проведено ряд встреч	Был проведен ряд встреч
Да вы что? (В наше время было бы грубостью)	Что вы хотите сказать?
Заметить о чем	Заметить, что...
Одалживать деньги у кого	Брать деньги взаймы: слово «одалживать» (кому) значит, наоборот, «дать в долг», «сделать услугу».
Отметить о чем-либо	Отметить что-либо
Он переживает (без управления)	Он волнуется
Понимать о чем	Понимать, что
Предположить, о чем	Предположить, что
Привел пятеро детей	Привел пятерых детей
Признать о том, что	Признать, что
Реплика по нашим гостям	Реплика о наших гостях
Сколько время?	Сколько времени?
С обоих сторон	С обеих сторон (начало отмирания грамматических родов)
Согласно чего	Согласно чему
Указывается о том	Указывается, что...
Цитата Бурбулиса	Цитата из Бурбулиса (а лучше: из речи Бурбулиса)

В. Замена старых слов новыми (часто без нужды)

Сейчас говорят	*Мы говорили*
Взвешенный подход	Обдуманный подход
Волнительный	Волнующий
Где-то	Приблизительно, около, что-то вроде... (чаще всего ничего не значит)
Достаточно	Довольно (слово «достаточно» означало «хватит, больше не надо»)
Заводиться	Взволноваться, разгорячиться
Задействовать, задействованный	Вводить в действие, в работу и т. п.
Задумка	Замысел
Заиметь	Получить
Зачитать, я вам зачту	Прочесть, прочитать (форма «зачту» происходит от совершенно другого глагола — «зачесть» (в счет). А слово «зачитать» означало только «взять книгу почитать и не вернуть»)
Комплексовать	Волноваться, иметь комплекс (*научн.*)
Льготирование	Предоставление льготы
Накоротке	Вкратце
Наработать	Подготовить, выработать
Настрой	Настроение

Неоднозначно	Отрицательно
Новация	Нововведение, инновация
Обговорить	Обсудить
Обсмеять	Осмеять
Оперативно	Быстро
Определиться по поводу	Решить что-то, решиться на что-то
Переживательный фильм	Волнующий фильм
Подскажите мне	Скажите мне (подсказывали только в классе)
	(Ничего не значит вообще)
Понимашь	Повидаться, поговорить
Пообщаться	Потому что
Почему — потому	Шитье одежды
Пошив	Заметно
Просматривается	Репрессия
Раскорчевка	Поставить точку над «i»
Расставить точки над «и»	(нет над «и» никаких точек!)
Сугубо	Очень («сугубо» означало «вдвойне»)
Судьбоносный	Решающий, чрезвычайно важный
Усугубит положение	Ухудшит положение («усугубить» означало «удвоить»)
Учеба	Ученье
Форс-мажорное настроение	Мажорное настроение (сравните: «мажорное настроение», то есть веселое или грустное; из музыки: «форс-мажор — это «непреодолимая сила»)

Г. Употребление слов либо грамматических форм, ошибочных с точки зрения прежней языковой нормы

Сейчас произносят	*Мы произносили*
Займ, займа; найм, найма	Заём, займа; наём, найма
Котовасия (как от кота Васьки)	Катавасия — от византийско-греческого «катавасис», «нисхождение» (певчих с хоров для совместного пения)
Мафиози (единственное число)	Мафиозо (множественное число «мафиози»)
Одевать что-то	Надевать что-то, но одевать кого-то
Переспектива	Перспектива
Поэт состоялся	? (что это значит, я не знаю)
Прецендент	Прецедент
Привет, приветик	Здравствуйте, до свидания
Процесс пошел	Процесс начался

Есть еще много слов и выражений, которые просятся в наш список (дилер, презентация и другие), но он и так получился некоротким. Хочется закончить список подлинным шедевром: «Фирма Н является эксклюзивным дистрибьютером».

Анна Ахматова сказала нам:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Сохраним ли? ●

Акция «Силуэт»

Тень, — подумал я, — ты ищешь своего господина? Я буду им.

Адальберт фон Шамиссо, «Петер Шлемиль, чудесная история»

Наверное, началось все в новогоднюю ночь 195... года. При свете свечей я обнаружил под елкой огромную папку с надписью «Теневой театр» — работа знаменитых художников Ефимова и Симонович-Ефимовой. На листах — элементы декораций и сказочных персонажей. Название двух сказок помню: «Мена» — с одноногим медведем и «Кот в сапогах». Фигурки надо было вырезать, скреплять в «шарнирах» и затем — устраивать домашнее представление, что мы с бабушкой и делали. Вспомнив об этом, вдруг поймал себя на том, что композиция россыпью, по принципу «много всякого разного на листе», нравится мне до сих пор.

Время шло, глаз и душа получали самые разнообразные «теневые» импульсы. Состоялась встреча с Федором Толстым и Кругликовой, Елизаветой Беме и Нарбутом, Антингом и Валлотоном... Переснимал книги по европейскому и китайскому силуэту и в Библиотеке иностранной литературы.

Все это — параллельно учебе в Архитектурном институте, реставрации, «Мосфильму», Лаборатории архитектурной бионики и многому другому, чем пришлось в жизни заниматься.

А еще был друг — фотоаппарат. Сколько себя помню со студенческих времен — постоянно «собирал материалы». По самым разным темам, но всегда — как-то неуемно, с завалами негативов, сумками фотографий. Фонари, двери, ворота, садовые скамейки, беседки, кареты, шрифты, футурологический дизайн, города будущего, восточный орнамент...

Последние годы занимаюсь преимущественно книжной графикой. И делаю это в оригинальном жанре — только ножницами! Завелась их целая коллекция, есть любимые, доставшиеся в наследство от тетушки. Нашел замечательного точильщика, Владимира Михайловича, в руках которого инструмент становится волшебным. Стараюсь найти собственный стиль, доверять руке и увидеть ту незримую линию — так и больше никак, — которая прячется где-то на черной бумаге.

А фотоаппарат как бы получил новую программу. Новая топка потребовала нового топлива. Для работы над иллюстрациями были нужны живые характеры, точно остановленные движения, руки, ноги... Началась — жажда жизни! И в какой-то трудно уловимый момент фотография вдруг перестала хотеть быть вечной Золушкой, средством создания новых разделов «информационного банка».

Может быть, это произошло в Тоннеле... Как-то раз, возвращаясь домой из Дома художника, я спустился в подземный переход на площади Павелецкого вокзала. И вдруг увидел... живой Театр теней! Сотни людей движутся там туда-сюда мимо проема, за которым — пологий пандус, а не лестница, как обычно! Освещенное ровное поле этого пандуса образует как бы экран. И на его фоне проходящие в полутьме люди смотрятся ожившими силуэтами. Особенно удивителен там был момент, когда обычный человек, спускаясь вниз из «дневного мира», вдруг переступал магическую черту света и тени, мгновенно превращаясь в Знак, Образ, хотя и теряя при этом объем и множество деталей.

И я стал рабом этого места... Вновь и вновь приходил я туда с телеобъективом, аппарат поглощал все новые и новые метры пленки. Хорошо снимать ранним утром, когда косые лучи восходящего солнца забираются далеко в жерло тоннеля, нет еще толкучки. Особые эффекты создает дождь, превращающий асфальт в мокрое сияющее зеркало, появляются зонты...

И каждый раз, снимая так и сяк, более или менее интересное, я ждал «человека дня». И когда Он появлялся, по спине бежали мурашки, с трудом унималось дрожание рук и, если успевал щелкнуть, радость — приходил не зря! Это мог быть или необыкновенно живописный нищий, или какая-то острохарактерная бабушка с огромными сумами наперевес. Особенная удача — успеть снять динамику опаздывающего, вскинув аппарат на звук приближающегося цоканья бегущих ног! Интересно поймать момент закуривания сигареты, самые же непредсказуемые движения — у детей и... пьяных! При этом надо смиренно выслушивать, что ты агент ЦРУ или КГБ! Традиционно и как бы архетипично для силуэтистов всех времен отягчать свои фигурки всевозможными ношами — корзинами, птичьими клетками, цветами, лестницами... О, тут все это можно было найти в избытке! Пол-России идет через мой Тоннель; каждый пропущенный день я воспринимаю как потерю. Съемка продолжается!

Именно поэтому в заголовке и возникло слово «Акция». Как некое длительное действие с определенной концепцией и заданностью. Из многих известных мне акций могу, например, напомнить такую: в Лувре около Джоконды была установлена скрытая камера, много дней снимавшая в автоматическом режиме через определенные промежутки времени посетителей возле Картины. Затем явилась серия

снимков, объединенных этой «концепцией».

Когда-то художник Саша Юликов пригласил меня на такую акцию: он был обладателем шикарных «дюреровских» волос и бороды, и вот в назначенный день и час в его мастерскую приглашались друзья, гости и фотографы, и «на глазах у изумленных зрителей» его должны были поэтапно, поквадратно выбривать до лысого состояния. Все это должно было быть профессионально отснято и оформлено в виде альбома. Напоследок он попросил сфотографировать его на Красной площади, а я долго уговаривал Сашу не делать этого «пострижения». А утром, в день запланированной экзекуции, я проснулся и посмотрел в окно. На улице хлестал ливень, я повернулся на другой бок и заснул. Все прошло без меня, а я... увидел весь этот «экшн» во сне, со всеми деталями... Это я к тому, что с акциями шутить не надо, они — дело сильное! Как теперь модно говорить, «отпечатанное в астрале».

Мой друг Сольми, художник и музыкант, московский хиппи — тоже своего рода «акционер». Вот уже несколько лет он устраивает разного рода акции, добиваясь, чтобы в Москве, в стране, в мире люди проснулись бы и обнаружили, что до сих пор нет улицы с названием «Улица Любви». При этом он очень расширительно толкует это понятие; цитирует слова любви апостола Павла и прочее. Летом этого года ему удалось организовать очередную выставку-фестиваль «Лав стрит-92». Участвовало восемь друзей-художников, объединенных в группу «Ирис» (знак общей любви к «модерну»), и много музыкантов, разных групп. Было весело, живо, крутились видеофильмы. Я участвовал в аналогичном мероприятии в 90-м году в ДК ЗИЛ и знал, как много колоритного народа тянется на такие «сейшена». Для хиппи, потерявших за последнее время почти все насиженные «тусовочные» места, все это — как магнит.

Когда в этом году Сольми позвонил мне за неделю до открытия и пригласил участвовать, я не был готов выставляться — не было ни стекол, ни рам, была какая-то срочная работа и прочее. Однако помещение смотреть поехал: Покровский бульвар, остановка Казарменный переулок, детский парк. В глубине зеленого оазиса стояло нечто небольшое, но весьма авангардное. Треугольные окна, один, но оригинальный зал со сложным перекрытием и балконом-эркером. Очень милые, совершенно не официозные хозяева сего здания. А еще там был уютный подвальчик с арочными нишами. И к вечеру у меня созрела идея. Я позвонил Сольми и сказал: «Подвал кому нужен? Беру!»

Всей компанией разгребали завалы, выносили каких-то многопудовых бронзовых балерин. За день до открытия я натянул сшитый еще в ДК ЗИЛ экран из тонкого белого полотна, выставил за ним несколько ламп — «контровой свет». Принес магнитофон с блюзами, чай с травами, какие-то свои работы.

И на следующий день мой теневой «театр-студия» ожил. Довольно быстро в подвальчике стало тесно, весело и шумно от добровольных моделей. Началась работа с людьми и людей — со мной. На Павелецком была «охота», мне давалось всего несколько секунд, пока объект пересекает «контрольную полосу». Здесь же появилась возможность ставить так, как мне надо, и снимать, не считая времени и пленки. И было это счастьем!

Примерно неделя ушла на раскачку стиля серии. А потом, вместо статических, «естественных» поз, началось... Ребята на глазах становились актерами, переодевались, приносили из дома реквизит и — падали, летали, стояли на голове, изображали «псевдонищих» и так далее. Как-то незаметно ушел рулон — 300 метров пленки из старых запасов, а последняя кассета от него кончилась мистически — в полночь, в день закрытия выставки, 5 августа!

Все это было очень мило, но в какой-то момент началось торможение: «А что получается? А ты проявил? А когда будут фотокарточки?!». «Карманный оракул» Бальтазара Грасиана гласит: «Никогда не показывать полдела — пусть любуются в законченном виде. Начало всегда нескладно, и нескладный этот образ остается в воображении...» Но я ведь и сам не знаю, когда и что получится из этого «бурного потока», а выставка подходила к концу.

И я решил, вопреки Грасиану, показать сырой, «контрольный» материал. Но сразу, но много. Неделю ночами печатал. А потом устроилось то, что опять-таки назвалось словом «Акция».

В 6 часов вечера 31 июля в верхнем зале на полу появились два выгороженных квадрата, 5Х6 метров, на которые были выложены сотни «свежеиспеченных» фотографий, а приглашенные искали и находили себя и своих друзей. Акция обратной связи, в которой была и моя благодарность тем, кто творил вместе со мной. Момент неожиданного рождения чего-то из ничего.

К счастью, до закрытия оставалось еще время, и оставшиеся дни дали очень много. Уже не надо было объяснять на пальцах, что я хочу, мне приводили новые и новые «супермодели». *Камешки в воду были брошены, и пошли круги...*

Теперь я — счастливый обладатель множества теней. А тени... Тени, как известно, любят жить собственной жизнью, любят выпрыгивать из контекста, и что с ними будет — неизвестно.

Не так давно я иллюстрировал двухтомник Себастьена Жапризо, и силуэты с Павелецкого вынырнули на вокзале в Париже. Сейчас вот приютил «Знание—сила»...

А моя программа не закончена. Я только начинаю входить во вкус! Сейчас сооружаю прозрачный подиум... Мечтаю снимать людей балета, пантомимы, театра...

Так что на прощание произнесу известное заклинание: «Тень! Знай свое место!»

Саша Гусев (Сэндвич)

В НОМЕРЕ

Вниманию читателей! Вышедшие номера журнала продаются в редакции. Подписку на первое полугодие 1993 года можно оформить в отделениях связи, а для москвичей — и в редакции.

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 11(785)
Издается с 1926 года

Редакция:
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
М. Курячая
В. Левин
Ю. Лексин
И. Прусс
И. Розовская
Н. Федотова
Г. Шевелева

Заведующая редакцией
А. Гришаева

Художественный редактор
Л. Розанова

Оформление
М. Малинова

Корректор
Н. Малисова

Технический редактор
О. Савенкова

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 30.09.92
Подписано к печати 17.11.92
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 11,7
Уч.-изд. л. 16,37
Усл. кр.-отт. 47,8
Тираж 25 000 экз.

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов
Московской области

Цена свободная

Индекс 70332